

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан

Некоммерческое акционерное общество
«АЛМАТИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЭНЕРГЕТИКИ И СВЯЗИ
имени Гумарбека Даукеева»

А.Т. Мухамбедьярова

**МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НАУКЕ**

Учебное пособие

Алматы 2022

УДК 321.7 (075.8)
ББК 66.3 (5 Каз) 0 я 73
М 92

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор Международного университета
информационных технологий

Д.Б. Кыдырбекулы

доктор PhD (политология), и.о. доцента Египетского Университета
Исламской культуры Нур-Мубарак

Д. Сихимбаева,

доктор исторических наук, профессор

Б.Т. Берлибаев

Рекомендовано к изданию Ученым советом Алматинского университета
энергетики и связи им. Г. Даукеева (Протокол № от . . 2022 г.). Печатается
по тематическому плану выпуска ведомственной литературы АУЭС на 2022
год, позиция 14.

Мухамбедьярова А.Т.

М 92 Модели демократии в современной политической науке.
Учебное пособие по дисциплине: Модуль социально-политических знаний:
Политология / А.Т. Мухамбедьярова. – Алматы: АУЭС, 2022. – 165 стр.

ISBN 978-601-358-032-6

Данное учебное пособие посвящено комплексному политологическому
анализу эволюции понятия «народовластие», а также различных аспектов
идеи и принципов народовластия в истории политической мысли.

Цель исследования – выявить исторические корни мировоззренческих
основ категории «народовластие».

В учебном пособии представлена авторская концепция народовластия,
выработанная на основе анализа истории демократических идей, достижений
отечественной и зарубежной политико-правовой мысли, обобщающей теории
и практики народовластия в нашей стране.

Учебное пособие, предназначенное для политологов, историков,
общественных деятелей, а также для студентов вузов, будет способствовать
более объективному и углубленному анализу идеи народовластия в истории
политической мысли.

УДК 321.7 (075.8)

ББК 66.3 (5 Каз) 0 я 73

ISBN 978-601-358-032-6

© АУЭС, 2022

Мухамбедьярова А.Т., 2022

Предисловие

Цель данного учебного пособия – систематизировано изложить и проанализировать идеи демократии во всем ее многообразии – представляет собой актуальную политологическую задачу современности.

Стоит отметить, что в мировой политической науке проблема народовластия далеко не нова. Ее истоки и сущность интересовали ученых еще с древнейших времен. Таким образом, серьезный научный анализ проблемы невозможен без опоры на труды классиков мировой общественной мысли.

Можно определенно сказать, что проблема народовластия является одной из стержневых в развитии политической мысли человечества. В ее разработку существенный вклад вносили не только мыслители, являвшиеся активными сторонниками народовластия, но и те, кто выступал в качестве его беспощадных критиков.

Теоретико-методологической основой исследования послужили знания, сформулированные путем синтеза принципов и научных подходов философских и политических учений и идей, а также других научных дисциплин. Идея народовластия как комплексная политологическая проблема может быть исследована при условии использования различных теоретико-методологических парадигм современной политологии.

Цель представленного исследования – дать всестороннюю политологическую характеристику концепциям народовластия, проанализировать демократические идеи в истории политической мысли, а также достижения отечественной и зарубежной политико-правовой мысли, обобщающей теорию и практику народовластия в нашей стране.

Методологической и теоретической основой послужили знания, сформированные путем синтеза идей, принципов и научных подходов политологических и философских учений, а также других научных дисциплин. Такая комплексная проблема, как народовластие, может быть исследована лишь на основе применения различных методологических парадигм. В работе использованы логический, сравнительный, системный анализ, интегрирующий исследовательские возможности методов философии, политологии, социологии, теории социального управления. А также ценностный и структурно-функциональные подходы.

Эмпирическую базу исследования составил анализ политологических, правовых, исторических исследований.

В ходе работы был применен и метод конкретного политологического исследования, заключающийся в сочетании глубоких теоретических обобщений и конкретного анализа сугубо эмпирических фактов.

В учебном пособии комплексно исследованы научно-теоретические и прикладные аспекты идеи народовластия, осуществлен политологический анализ становления и развития политических институтов народовластия. Стремительное возрастание научного интереса к проблеме народовластия в

первую очередь объясняется тем, что перспективы развития человеческого общества во многом зависят от того, каким окажется дальнейшее соотношение народа и власти.

Взросший интерес к проблеме народовластия непосредственно связан с качественными изменениями как в фактическом положении народов, так и в сущности, формах и средствах осуществления власти.

В современном обществе постепенно изживают себя такие способы властвования, которые не опираются на согласие людей как правомерную основу политической власти, а также закрепляющие разделение народа на властвующих и подвластных как обособленных, противостоящих друг другу групп населения. В настоящее время необходим серьезный научный прорыв в политическом сознании человечества, нужны совершенно новые и эффективные концептуальные подходы, способные представить идею народовластия в соответствии с особенностями и вызовами XXI столетия.

Как правило, сегодня наблюдается абсолютизация значения отдельных проявлений народовластия, разобщенность и разбросанность и как следствие неполнота анализа народовластия как единой концепции и целостной системы. Отсюда, как нам думается, и проистекает актуальность и острота обозначенной проблемы, являющейся на сегодня одной из наиболее дискутируемых тем политологической науки.

Характеризуя состояние разработанности данной проблемы, следует отметить, что исследованию отдельных ее аспектов придавалось больше внимания, чем рассмотрению ее в качестве целостной концепции. Исходя из этого, можно констатировать, что вплоть до настоящего времени остаются нерешенными такие фундаментальные вопросы концепции народовластия, как вопрос о его сущности, содержании, формах, механизме, ответственности и системе народовластия, о соотношении демократии и самоуправления, народовластия и управления и др.

Представленная работа выступает как одна из первых попыток научного изучения идеи народовластия в виде системной теоретической и практической конструкции.

В целом, надо отметить, что многоуровневый и комплексный характер проблемы идеи народовластия требует для ее изучения целого ряда скоординированных фундаментальных исследований, проведение которых в политической науке Казахстана только начинается.

В связи с этим целесообразно изучить генезис и становление идеи народовластия в истории политической мысли; проанализировать историко-теоретические проблемы исследования категории народовластия; концептуальные модели идеи народовластия в современной политической науке; обобщить теоретические знания в области проблемы народовластия, а также определить ее специфику, политическую сущность и общие черты.

Различные трактовки народовластия имеют общие исходные принципы, составляющие фундамент концепции народовластия – составной части человеческих ценностей современной цивилизации.

На этом основана предпринимаемая в настоящем учебном пособии попытка дать анализ основных итогов развития историко-политической концепции народовластия, подчеркнуть преемственность в развитии этой концепции, сопоставляя основные ценности народовластия, обосновываемые в них, с содержанием попыток реализовать народовластие в нашей стране, предпринимавшихся как в прошлом, так и в настоящем.

Сегодня важно подчеркнуть, что концепция народовластия не представляет собой простую сумму высказываний ее сторонников. Она не может быть сведена к какой-либо одной теории, синтезировавшей все остальные, хотя и характеризуется как система основных положений, объединяемых одной общей идеей о принадлежности власти народу и о способах осуществления им этой власти.

Представления о народовластии должны быть развиты до понимания того, что политико-правовая концепция народовластия есть внутренне противоречивое исторически развивающееся целое.

Кроме того, из исторического опыта вытекает задача тщательного изучения реального состава народа во всей полноте составляющих его частей, как имеющих прямое отношение к нему в качестве определенной социально-культурной, экономической и политической целостности.

С историко-политической точки зрения является принципиально важным преодолеть «разорванность» народа на отдельные части, а также отождествление народа с отдельными его составными частями, из которого с неизбежностью вырастает урезанный образ народовластия.

Настоящее учебное пособие представляет собой важный шаг в политической науке Казахстана как попытка проанализировать идею народовластия, ее специфику и принципы, а также способы и формы проявления. А также является одним из первых научных вкладов в разработку проблемы народовластия и становления демократических механизмов народовластия в Казахстане.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СПЕЦИФИКА ГЕНЕЗИСА ИДЕИ НАРОДОВЛАСТИЯ

На протяжении эволюционного развития всей политической истории лучшие умы человечества из эпохи в эпоху постоянно размышляли над проблемой идеального политического обустройства государства, в котором каждый человек, каждый гражданин и народ в целом будет иметь возможность полноправного политического участия в процессе принятия важных государственных решений. Каждого мыслителя, философа, ученого, общественного и просвещенного государственного деятеля волновал вопрос о том, кому реально принадлежит власть, вопрос о власти народа и вопрос политического участия народа. У каждого из них было свое особое видение политического участия народа в государстве, которое раскрывалось в политических концепциях и схемах народовластия, присущим им особым представлениям народа как субъекта и объекта политического действия.

Обращает на себя внимание, что идея народовластия в истории политических учений изначально была неразрывно связана с поиском наилучших форм организаций государственной власти, то есть с формой правления. Сама идея народовластия рассматривалась в разных ее проявлениях. В ранние этапы истории политической мысли, когда еще не произошло вычленение трех ветвей власти, идея народовластия воспринималась как механизм осуществления политической власти. В позднее средневековье и в новое время идея народовластия стала выступать как внутренний механизм ограничения политической власти. В современном периоде идея народовластия оформляется в виде основного принципа конституционализма, составляющего основу демократического государственного строя.

Политическая история разработки идеи народовластия свидетельствует о довольно широком спектре мнений ее исследователей.

Первые теоретические схемы народовластия, несомненно, были сформулированы в античное время. При этом в античное время существовало негативное понимание демократии буквально как “власти черни и толпы”.

В рамках нашего научного исследования целесообразно, на наш взгляд, остановиться на более подробном рассмотрении идеи народовластия в трудах древнегреческого философа и мыслителя Платона (427–347 гг. до н. э.). Свои политические идеи он изложил в диалогах “Государство”, “Политик”, “Законы”.

Стоит сразу заметить, что Платон и многие другие мыслители древности характеризовали демократию весьма негативно, рассматривали ее как одну из форм вырождения государственной жизни. Критика античной демократии Платоном и Аристотелем в основном базировалась на неподготовленности и неспособности народа к управлению. В частности, отмечалось, что “ловкие правители с помощью изощренной демагогии,

прикрываясь идеей демократии, могут довести народ до уровня черни, использовать его в своих интересах и установить режим тирании”.

В теоретических суждениях Платона о формах правления государства содержатся его отношение к демократии как государственной форме правления и его взгляды на проблему народовластия. Платон предлагает определенную концепцию закономерной смены различных пяти государственных форм (аристократия, тимократия, олигархия, демократия и тирания). При этом он различает “хорошие” и “плохие” формы, а демократию ставит ниже хороших, но выше плохих, поскольку наихудшей формой правления считает тиранию. В дальнейшем Платон свел эту типологию к двум формам: монархии и демократии. Обе эти формы правления в своих крайностях, по мнению Платона, плохи: одна из-за “избытка власти”, другая из-за “избытка свободы”. Так что государственное устройство, согласно его точке зрения, должно придерживаться середины между двумя этими крайностями.

Характеризуя несовершенные формы государства, Платон располагал их в порядке возрастающей деградации по сравнению с идеалом. Вырождение аристократии мудрых, по его словам, влечет за собой утверждение частной собственности и обращение в рабов свободных земледельцев из третьего сословия. Так возникает тимократия, господство сильнейших воинов.

Следующий вид государственного устройства – олигархия – появляется в результате скопления богатства у частных лиц. Олигархия неразлучна с усилением борьбы сословий. “Подобного рода государство, – говорит философ, – неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно – государство бедняков, другое – богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга”. Опасно и то, что “мания стяжательства завладевает обычно не только высшими классами: в той же степени ею заражаются широкие слои населения. В конце концов, алчность богачей оборачивается против них самих. Граждане, восстав, накладывают руку на имущество олигархов. Победа бедняков приводит к установлению демократии – власти народа. Так возникает народовластие” [1]. Переход к демократии Платон изображает следующим образом: “Демократия осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию... В государстве появится полная свобода и откровенность, и возможность делать что хочешь... Казалось бы, это самый лучший государственный строй” [2]. Однако, предупреждает Платон, управлять страной – дело нелегкое. Тем более что выбранными оказываются совершенно случайные и часто неспособные люди. Государство делается неустойчивым, правительства часто сменяются, власть целиком зависит от настроений переменчивой толпы. “Душа граждан делается крайне

чувствительной, даже по мелочам: все принудительное вызывает у них возмущение как нечто недопустимое. А кончат они тем, что перестанут считаться даже с законами – писаными или неписаными, – чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти... именно из этого правления, такого прекрасного и дерзкого, и вырастает тирания” [3]. Таким образом, Платон показывает, как в лоне анархического “народовластия” вырастают вожди, которые чем-либо сумели пленить массы. В целом демократию Платон расценивает как “строй приятный и разнообразный, но не имеющий должного управления. Равенство при демократии уравнивает равных и неравных”. Общественные должности при демократии замещаются по жребию, вследствие чего государство опьяняется свободой в неразбавленном виде, сверх всякой меры. В демократии царят своеволие и безначалие. Наконец, чрезмерная свобода обращается в свою противоположность – чрезмерное рабство. Устанавливается тирания, наихудший вид государства. Тиранический строй, по мнению Платона, — это самое тяжелое заболевание государства, полное отсутствие в нем каких бы то ни было добродетелей.

Главной причиной смены всех форм государства Платон считал порчу человеческих нравов. Выход из порочных состояний общества он связывал с возвратом к изначальному строю – правлению мудрых. Дав подробную оценку историческим формам общества, Платон предпринял попытку по-своему разрешить все социальные трудности, исходя из понятия об Идеальном Полисе. Отрицая возможность народовластия, Платон взамен предлагает идеальное государство как справедливое правление лучших. В частности, в труде “Государство” он обрисовал образ идеального общества, которое состоит из трех сословий: правителей – философов, воинов-стражей, ремесленников и земледельцев. Каждое сословие занято своим делом: философы-мудрецы осуществляют справедливое правление, поскольку только им доступно истинное знание; стражи защищают общество, а ремесленники и земледельцы создают материальные средства жизни.

Стоит заметить, что традиция выделения в составе народа различных его частей свойственна всей истории политических учений. «В демократическом государстве народ разделен на определенные классы. В различных способах производить это деление особенно наглядно проявился гений великих законодателей. Именно от правильности этого деления зависели прочность и процветание демократии» [4]. Так, исследование вопроса о происхождении современной демократии М. М. Ковалевский начинает с анализа состава французского народа [5].

Требование изучения состава народа становится обязательным предварительным условием исследования процессов происхождения и развития демократий в XIX веке» [6]. Продолжением этой традиции является изучение состава народа в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, где проделан очень внимательный анализ социальной структуры общества, в частности классов как наиболее крупных составных частей народа, а также внутренняя структура каждого отдельного класса. Но вместе с тем традиция

рассматривать народ, как состоящий из различных частей, фактически не охватывала всех членов общества. Определенные его группы исключались из состава народа. В этом смысле общий подход к определению состава народа был, как правило, классовым.

Одностороннее провозглашение отдельных частей народа как целостности не только не оправдало себя в прошлом, но и не оправдывает себя и в настоящем, оказывается разрушительным для любого народа, приводит к утрате величайших социальных ценностей, к утверждению культа насилия в общественном развитии [7].

По мнению Платона, подлинная добродетель – истинное знание – возможна только при идеальном государстве. И таким государством Платон считал современную аристократию – правление философов-мудрецов. Именно при ней возможен приход к власти лучших и благородных представителей общества. Не государство – для философов, а философы – для государства. Платон требует возвращения философов с вершин созерцания идей снова к людям-узникам для государственной заботы о них. Наряду с этим в идеальном государстве именно правители и их помощники – стражи обладают основными политическими правами. Таким образом, выдвижение и обоснование разумности принципа правления знающих (истинных философов, людей, сведущих в политической и иной мудрости), с точки зрения теории и практики демократии того времени практически означало оттеснение широких слоев свободного демоса от управления. По мнению Р. Пельмана, бесконтрольность философов “заключала в себе полноту власти, которая в руках недостаточно высоких умов представляла бы слишком большой соблазн для злоупотребления” [8]. Интересно, что приобщение людей третьего сословия к государственным должностям Платон расценивал как начало гибели государства.

Таким образом, обосновываемая Платоном “аристократия” как лучшая форма правления – это идеальная конструкция, институциональное воплощение идеи правления умственно и нравственно лучших людей, к каковым Платон относит лишь истинных философов. Причем философами не рождаются, а становятся, так что знатность или не знатность здесь не играет принципиальной роли. Преодолевается цензовое значение социальных различий, новый принцип апеллирует к знанию как универсальному критерию, одинаково значимому для всех: люди здесь характеризуются не с точки зрения их социального статуса, материального положения и т. д., а в свете их универсального свойства – разума и выступают лишь как разумные существа. Именно замена старого принципа правления по знатности (по праву рождения и наследства) новым принципом правления по личным заслугам и достоинствам (умственным и нравственным) было прогрессивным явлением, которое способствовало в дальнейшем развитию идеи народовластия. Впоследствии к прогрессивному смыслу этого нового принципа обращались мыслители различных эпох (особенно французские

просветители) в борьбе против политических привилегий и претензий знати своего времени.

Дальнейшие взгляды Платона на идею народовластия можно проследить через его представление о преимуществах смешанного правления. В частности, в своем произведении “Законы” Платон обрисовал второй по совершенству и достоинству государственный строй (Законы, 739 в.). Обосновываемое в “Законах” государство Платон характеризует как смешанный вид государственного строя, в котором сочетаются элементы двух основных устройств государства – монархии и демократии. Согласно Платону, правильная организация государства должна сочетать в себе оба этих начала для достижения умеренности в вопросах политической свободы и подчинения. Идеальным государственным устройством Платон называет правление, где совмещены начала демократии и монархии. К таким началам относятся: демократический принцип “арифметического равенства” (выборы по большинству голосов) и монархический принцип “геометрического равенства” (выбор по заслугам и достоинству).

Демократические начала государства находят свое выражение в деятельности народного собрания, но посещать его обязаны лишь граждане первого и второго классов. Для граждан третьего и четвертого классов посещение народного собрания не обязательно. На сочетании демократических и монархических принципов строятся выборы коллегии 37 правителей и Совета из 360 членов. Выборы, производимые таким образом, – считает Платон, – занимают середину между монархическим и демократическим устройством: государственное устройство вообще должно всегда придерживаться середины. (Законы, 757). Замыкает иерархию государственных органов тайное “ночное собрание”, в которое входят 10 самых мудрых и престарелых стражей. Им вручается верховная власть в государстве.

Под монархическим началом изображаемого им государства Платон имеет в виду все то, что обеспечивает подчинение властям и ограничивает необузданную, по его мнению, демократическую свободу. Изображенное Платоном второе по совершенству государство, по замыслу философа, относится к тем, где правителям предписаны законы. Платон видит достоинства смешанной формы правления в сочетании соответствующих принципов различных (“чистых”) форм правления. Причем принципы разных форм правления объединяются в рамках одной формы в качестве различных начал властвования, правильная комбинация и надлежащее соотношение которых обеспечивают, по мысли Платона, “политическую стабильность, справедливую форму участия разных социальных слоев (демоса, богатых, знатных) в отправлении общегосударственных функций”. То есть то, что по теории разделения властей достигается посредством надлежащего распределения единой власти среди различных классов и органов, в рамках платоновской концепции смешанного правления осуществляется путем сочетания в некое единство принципов разных политических форм.

Таким образом, исходя из вышеизложенных взглядов античного философа Платона, можно констатировать, что он был явным противником демократии как формы государственного правления. Стоит заметить, что отрицательное отношение Платона к самой идее народовластия исходило в первую очередь из самой формы и особенностей существовавшей тогда рабовладельческой афинской демократии. Платон критиковал афинскую демократию, главным образом, “за ее некомпетентность, за ненадлежащий принцип отбора должностных лиц”. Наряду с положительными особенностями афинской демократии (высшая власть в полисе принадлежала народному собранию (экклезии), контролирующей деятельность исполнительной власти полиса (т. е. совета царей); правовое равенство свободных граждан (на рабов и мигрантов – не афинян не распространялось); максимальное снижение имущественных цензов для участвующих в народном собрании и поощрение малоимущих к исполнению их гражданских прав) существовала и отрицательная сторона: с утратой авторитетных руководителей, с ростом социального неравенства и с усилением влияния черни афинская демократия превратилась со временем в деспотию большинства, а народное собрание – в место сведения счетов: происходили расправы бедных над богатыми, преследование инакомыслящих (расправа над философом Сократом), казни полководцев за военные поражения. Естественно, что все это не могло не повлиять на отношение античного философа к идее народовластия. Платон был убежден, что демократия доказала свою недееспособность. А избрание по жребию, своеволие толпы, попиравшей законы, поражение в войне со Спартой свидетельствовали в пользу его мнения. Поэтому философу было мало вскрыть слабости народовластия, он не хотел просто реформировать его и предложил свой строй, в корне от демократии отличающийся.

Во-вторых, Платон считал, что сама политика – дело знатоков, и не верил в способность рядового гражданина быть рациональным в своих политических решениях. Правление большинства, по мнению философа, может привести к тому, что все станет вседозволенным, начнется произвол и анархия, и на этой почве начнет прогрессировать тирания. При этом тирания может выражаться в различных видах: диктатура пролетариата, диктатура конкретных людей, вознесенных на гребне анархической волны и т. д.

В-третьих, особое внимание Платона к проблеме “кто должен править” говорит о том, что он не принимал общую теорию суверенитета. Концепция Платона, изложенная в его сочинениях, была тоталитаристской, ориентированной не на личность, а на класс правителей или стражей законов, главной особенностью которого, по мнению Платона, должно было быть единство взглядов и поступков, обусловленное абсолютным господством государственной собственности. По мнению К. Поппера, вопросы институционального контроля за правителями и создания институционального противовеса их власти были им устранены, не будучи даже сформулированы. Акцент Платон ставит на личности, а не на

институтах, и самой настоящей проблемой оказывается для него проблема выбора естественных лидеров и обучения их руководству. В целом Платон не был приверженцем демократии, но это не умаляет ценности проведенного им тщательного анализа различных форм государственного правления.

Вслед за Платоном идеи демократии стали волновать и другого древнегреческого философа и мыслителя Аристотеля (384–322 гг. до н. э.). Свои политические идеи он изложил в своих трудах “Политика”, “Афинская полития” и в диалоге “Политик”. Аристотель, следуя за Платоном, тщательно проанализировал формы государственного правления для того, чтобы отыскать совершенное государственное устройство.

Классификация форм государства в “Политике” Аристотеля была проведена по двум критериям: по числу правящих лиц и осуществляемой в государстве цели. В зависимости от числа властвующих Аристотель выделяет правление одного, немногих и большинства. По второму критерию выделяются правильные государства, где верховная власть преследует цели общего блага граждан, и неправильные, где правители руководствуются интересами личной выгоды. Наложение этих классификаций друг на друга, по мнению философа, дает шесть видов государственного устройства. К правильным государствам относятся монархия, аристократия и полития; к неправильным – тирания, олигархия и демократия [9]. Сам по себе этот перечень форм государства не оригинален. Примерно такую же классификацию, но проведенную по другим основаниям, можно найти и в диалоге Платона “Политик”. Новым в теории Аристотеля было то, что он попытался свести все многообразие государственных форм к двум основным – олигархии и демократии. А их порождением или смешением являются все остальные разновидности власти.

Из каких же элементов Аристотель комбинировал наилучшее государственное устройство?

Примечательно, что и у Платона, и у Аристотеля идеальная перспектива достижения наилучшего государственного устройства и сами средства ее реализации оказались в зависимости от понимания современных им тенденций общественного развития. Но Платон оценивал их, отправляясь от убеждения, что сила – на стороне тирании и, следовательно, необходимо найти (или воспитать) такого тирана, который, согласившись принять на себя миссию просвещенного монарха, философа-законодателя, осуществил бы идеал платоновского “Государства”. Аристотель же исходил из иного убеждения, что “сила – на стороне демократии” и без использования ее силы не обойтись. Основная цель Аристотеля заключалась в том, чтобы найти такую комбинацию олигархического и демократического элементов, такое их равновесие, которое вновь превратило бы в реальную общественную силу “лучших людей” – “всех тех, кто хотел бы спясть распадающийся полис на основе Закона и Добродетели”.

Наряду с этим Аристотель исходил из признания возможности существования различных разновидностей демократической формы правления – от “умеренной” до совсем “безмерной” и “беспредельной”. “Многообразие видов демократии” Аристотель противопоставил платоновской политической теории, предполагавшей, как известно, только один вид демократического правления (со своими пороками и противоречиями).

Существование “многообразия” демократии философ объяснял двумя причинами. Во-первых – различиями в составе “демоса”, включающего, с одной стороны, земледельческий класс, а с другой – ремесленный класс и поденщиков, причем различное соотношение этих слоев в составе демоса не могло, по мнению Аристотеля, не вызвать разнообразия демократий. Во-вторых – различиями в составе демократического общества в целом, включающего, кроме демоса, и другие элементы – аристократический и олигархический. Комбинация всех этих элементов может быть различной, и, закрепленная в системе учреждений, она в каждом отдельном случае будет давать особую разновидность демократии.

Интересно, что комбинация социальных и политических элементов в системе “крайней демократии” представлялась аристократически ориентированному Аристотелю наименее благоприятной. По мнению философа, эта демократическая разновидность базируется на абсолютном преобладании “демоса” над всеми остальными элементами общества. Но для того, чтобы установить такое преобладание, необходимо предоставить право гражданства весьма значительной части населения – “не только законнорожденным детям, но и незаконнорожденным и тем, у которых один из родителей, т. е. отец либо мать были гражданами”. А эта “масса, состоящая из ремесленников, торговцев, поденщиков”, не имеет “ничего общего с добродетелью”.

Главная задача состоит в том, чтобы преобразовать элементы “крайней демократии” в новое их сочетание, привести ее к “нормальной” форме демократии, где будет наиболее стабильная комбинация социальных сил. Для этого нужно удалить от власти “худшие элементы населения”, распределяя собственность и ограничивая число полноправных граждан таким образом, чтобы решающую роль среди демоса смог бы играть (по крайней мере количественно) земледелец – человек спокойный и умеренный, всецело привязанный к земле и потому не склонный ни к политической активности, ни к политическим авантюрам. Это – первое условие, ибо “демос – фундамент демократии, и каков демос, такова, в общем, и целом и форма демократического правления” [10].

Примечательно, что демосу в “хорошей” – в аристотелевском смысле – демократии отводится роль “конституционного монарха”, который царствует, но не управляет; обладает “высшей властью”, но государственную деятельность поручает сведущим людям из числа хорошо воспитанных и благородных аристократов, а там, где это необходимо, – богатым людям из

числа крупных собственников. Но главное, подчеркивает Аристотель, – чтобы все время соблюдался “демократический декорум”. Народ должен постоянно чувствовать себя причастным к высшей власти. И даже в том случае, когда реальной власти он не имеет. Поскольку “недопущение к осуществлению гражданских прав, нарушение справедливости – все это ведет к государственным переворотам”. Во избежание этого законодатель должен привлекать к себе средних граждан, приучать “средних” к законам. Только такое государство может рассчитывать на устойчивость.

Надо сказать, что последнее аристотелевское требование касается не только демократии. Во всех формах государственного правления, по мнению Аристотеля, народная масса должна ощущать себя носительницей верховной власти. Там же, где этого нет на самом деле, мудрые правители должны позаботиться о том, чтобы у народной массы налицо была полная иллюзия обладания “верховой властью”. Таково, по Аристотелю, неременное условие стабильности любой формы правления. Но из этого следует: чем меньшей властью обладает демос на деле, тем больше нужно заботиться о том, чтобы сохранялась видимость этой власти. И, стало быть, тем больше приходится манипулировать общественным сознанием, создавая и поддерживая подобную видимость.

Аристотель полагает, что нерасчлененное состояние массы, в которой “смешаны” в хорошо рассчитанных пропорциях богатые и бедные, воспитанные и грубые, наиболее благоприятно для создания устойчивых форм государственного управления. На этом тезисе базируется и утверждение Аристотеля, согласно которому высшая власть в государстве (вне зависимости от того, номинальная она или осуществляется реально) должна принадлежать народу, массе – всем тем, кто, являясь полноправными членами народного собрания, могут, собравшись вместе, вынести, в общем, и целом, правильное решение. На этом тезисе базируется и другое, отличное от первого, утверждение Аристотеля – о том, что административная власть должна принадлежать не “усредненным” представителям массы, а “годным людям”.

Одним словом, именно потому, полагает Аристотель, что масса “мудра” и осмотрительна как целое, ей и должна быть предоставлена высшая власть там, где она может выступить в качестве этого целого, – на народном собрании, на судебном заседании. Но реальное участие в управлении государством должно принадлежать только “годным людям”; усредненный “человек массы” не должен допускаться к такому управлению: в качестве единичного он совсем не обладает тем разумом, которым он обладает в толпе, вместе с остальными “усредненными”.

Как видим, во всех этих рекомендациях демос, “массовое сознание” выступают как объект политического манипулирования. Таковы некоторые рассуждения Аристотеля относительно демократии как государственной формы правления.

Характерно, что, несмотря на наличие “разных” демократий (власть всех, власть простонародного большинства, власть формально организованных граждан), Аристотель все-таки отдавал предпочтение именно смешанным формам правления, при которых баланс интересов обеспечивался уравниванием воли большинства в народном собрании, верховенством закона через самостоятельную систему судопроизводства и, наконец, особым институтом “обжалования законности”. Аристотель отдает большее предпочтение в государственном устройстве правлению аристократии (власти немногих лучших для общего блага) либо политике (власти многих лучших для общего блага), возникающей из сочетания олигархии и демократии. По мнению философа, если большинство правит в интересах общей пользы, руководствуясь принятыми законами, то такое правление можно назвать политией.

В политике, по мнению Аристотеля действительно правит народ, руководствуясь собственными интересами – интересами большинства граждан. Политически этот строй характеризуется сочетанием демократических и олигархических методов осуществления власти. Однако если рассматривать функциональные качества этих схем правления, то они мало чем отличаются от идеалов Платона, поскольку также подразумевают “господство лучших по уму и нравственному достоинству людей”. В принципе, все граждане должны иметь право на участие в государственном управлении, но допускаться к нему могут, по достижении зрелого возраста, только получившие соответствующее воспитание и образование. Исходя из того, что в каждом государстве “население делится на три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими”, а, “по общепринятому мнению, умеренность и середина – лучшее из всего, то, по мнению Аристотеля, очевидно, что и средний достаток из всех благ более предпочтителен”, поскольку при наличии его легче всего повиноваться доводам разума. В своем идеальном государстве Аристотель подразумевает под гражданами только воинов, чиновников и деятелей искусства, стоящих выше обычных ремесленников. Отсюда следует, что изречение Аристотеля о власти большинства, которое изначально может показаться вполне демократичным, является по сути своей высказыванием в пользу аристократической власти.

В целом концепция Аристотеля служила теоретическим оправданием привилегий и власти землевладельческой аристократии. Несмотря на его заверения о том, что демократия и олигархия в политике смешаны “по половине” и даже с “уклоном в сторону демократии”, аристократические элементы в наилучшем государстве получили явное преобладание.

Таким образом, в историко-политических теориях различные варианты решения вопроса о сущности народовластия, как правило, связывались с качественными характеристиками народа, с исследованием осуществляемой им или при его участии власти. Из анализа отдельных институтов, процедур,

форм, режима народовластия, соответствующего политического сознания и политической культуры вытекал ответ на вопрос о его сущности.

Применение такого подхода дает возможность выделить три взаимосвязанных и наиболее важных аспекта, характеризующих сущность народовластия. Во-первых, это понимание народовластия как единого процесса формирования воли народа и ее практического осуществления. Во-вторых, понимание народовластия как единства экономической, политической и духовно-нравственной власти народа и механизмов их реализации. В-третьих, понимание народовластия как распоряжение народа своей свободой без ущерба свободе его составных частей [11].

Стоит отметить, что процессу формирования воли народа, а также выявлению адекватных ей способов выражения и осуществления в различных сферах общественной жизни в историко-политических теориях, особенно в демократической политической мысли Древней Греции, уделялось большое внимание. Поскольку формирование единой воли народа выступало практической потребностью в связи с отсутствием стабильности во взаимоотношениях древних государств и внутри них, объяснение народу, в чем состоит его общий интерес, выработка убеждений у всех членов общества в объективной обусловленности этого интереса выступала главной задачей демократически настроенных политических мыслителей, деятелей и ораторов.

Формирование общего интереса необходимо было для решения конкретных политических задач, осуществления практической политической деятельности. Потребностями практики демократической организации государства можно объяснить как один из важнейших факторов складывавшийся механизм формирования и реализации воли народа, включающий такие элементы, как потребности – интересы – социальные движения – способы властвования народа. Составными элементами этого механизма становились отражающее процесс народовластия политическое сознание и формирующаяся в этом процессе культура народовластия. Надо сказать, что различные аспекты перечисленных проблем изучались в последующих историко-политических концепциях. Это дает основание говорить о правомерности такого подхода к изучению народовластия, более того, именно такой подход приобретает в современных условиях первостепенное значение.

Среди античных мыслителей свое отношение к институту народовластия и его реальным возможностям также высказывал государственный деятель, философ Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н. э.). Теоретические воззрения Цицерона в области государства находятся под заметным влиянием древнегреческой мысли, и прежде всего, учений Платона, Аристотеля, Полибия. В работах “О государстве” и “О законах” Цицерон так же, как и его предшественники, попытался сформулировать механизмы усовершенствования римского государства.

Политическое учение Цицерона основывается на двух идеях: а) справедливость осуществляется в государстве путем принятия наилучшей конституции; б) законы — ничто без людей, которые могут заставить эти законы уважать. Он исходит из убеждения, что политика при всех своих противоречиях является результатом “разумной установки”, существующей вне сиюминутных человеческих устремлений в виде “непосредственного разума”, позволяющего людям действовать в соответствии со справедливостью. Развивая идеи греческих стоиков, Цицерон в сочинении “О Законах” отмечал, что “по истине существует только одно право, которое связывает воедино человеческое сообщество и устанавливает единый закон”.

По вопросу о цели государства Цицерон придерживался концепции Аристотеля (“целью государства является благая жизнь”). Государство Цицерон трактовал как “достояние народа, а народ – не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в области права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе” [12]. А согласие граждан основано на присущих человеческой природе качествах – разуме и справедливости, которые составляют естественное право, высший, истинный закон. Истинный закон, писал Цицерон, есть “разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая”.

Прежде чем высказывать свое мнение по вопросу идеального устройства, Цицерон так же, как и его предшественники, проанализировал три основных строя: царскую власть, власть оптиматов (аристократию) и народную власть (демократию). Критерии отличия форм государственного устройства Цицерон усматривает в “характере и воле” тех, кто правит государством. Именно в зависимости от числа правящих он различает три простые формы правления. Однако в отличие от Аристотеля, полагавшего, что данные государственные устройства, по сути, совершенны, но иногда могут иметь уродливые формы в виде тирании, олигархии и анархии, Цицерон вообще был не склонен считать царскую власть, аристократию и демократию совершенными. В каждой из них он видел какую-нибудь “червоточину”, поэтому его проект о создании идеального государства сводится к совмещению всех трех устройств. Недостатком царской власти является то, что все прочие люди отстранены от участия в принятии решений и законов; при господстве оптиматов народ также не пользуется свободой и отстранен от власти. При демократии, “когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство — это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении” [13]. На основе интеграции положительных сторон монархии (благоволение), аристократии (мудрость) и демократии (свобода) должен, по мнению Цицерона, появиться четвертый, наиболее совершенный государственный

строй. “Из трех указанных видов государственного устройства (монархии, аристократии, демократии), самым лучшим является царская власть, но царскую власть превзойдет такая, которая будет образована путем равномерного смешения трех наилучших видов государственного устройства”. Если относительно первой части этого суждения взгляды Платона и Цицерона совпадают полностью, то во второй римский мыслитель уходит дальше, поскольку Платон не говорил о том, что смешение трех властей есть нечто лучшее, нежели государственный строй во главе с царем-философом.

Таким образом, наилучшей формой государственного устройства Цицерон признавал “смешанную” форму государства – государство со смешанной конституцией, соединяющей царскую, аристократическую и народную разновидности власти. Такое государство сочетает в себе достоинства царской власти (забота монарха о подданных), аристократии (мудрость правителей) и демократии (свобода народа). По мнению Цицерона, “желательно, чтобы в государстве одну часть власти вручить авторитету первенствующих людей, а некоторые дела предоставить суждению и воле народа. Это приведет к прочности государства и правовому равенству его граждан.

Смысл политической позиции Цицерона состоял в том, что он отстаивал полномочия системы республиканских учреждений, выступал за “всеобщее согласие” всех социальных слоев римских граждан в рамках “общего правопорядка”. Себя Цицерон, после избрания его консулом, представлял как истинного защитника народа. При этом, выступая за “общее благо”, “согласование интересов”, “общий порядок”, Цицерон выступал за интересы свободных сословий и граждан, исключая права и полномочия рабов.

Заслуга Цицерона состоит в том, что он заложил правовой принцип во взаимоотношения управляющих и управляемых: “Под действие закона должны подпадать все, а не только некоторые, избранные граждане”. Цицерон подчеркивает, что следует установить “не только для магистратов меру их власти, но и для граждан меру их повиновения. Ведь и тот, кто разумно повелевает, рано или поздно должен будет подчиниться, а тот, кто покорно подчиняется, достоин того, чтобы рано или поздно начать повелевать”. Тем самым формулируется важный правовой принцип: “Под действие закона должны подпадать все” [14]. Философ с понятием о государстве неразрывно связывал понятие “гражданин”, ибо “государством называется совокупность граждан”. Граждане в понятии Цицерона должны быть равны (“право, установленное законом, одинаково для всех”). Таким образом, в отличие от Аристотеля, у которого граждане также являются равными, но крайне немногочисленными, здесь их число весьма велико. Это, заметно отличает Цицерона от его древнегреческого предшественника.

Для нашего исследования интерес вызывает и **теория эволюций государственной формы, предложенная Полибием**. В соответствии с этой

теорией, государство проходит в своем эволюционном развитии следующие этапы: монархия, тирания, аристократия, олигархия, демократия, охлократия. Переход от одной формы к другой происходит закономерно и естественно и сводится, по существу, к борьбе за сосредоточение и накопление всей полноты власти у людей. В качестве разрыва этого порочного круга Полибий выдвинул идею разделения властей, оказавшую решающее влияние на последующие теории политико-правовых учений. Полибий обосновывает необходимость равновесного и взаимно сдерживающего разделения властей – власти царя, власти народа и власти старейшин. Именно разделение властей, по его мнению, исключило бы возможность преобладания и самовыражения любой из властей. Схема разделения власти, по Полибию, выглядит так:

Монархия – символ единства, интеграционный центр общества. Аристократия – стабилизатор общества, сдерживающий деспотические тенденции монарха и анархические тенденции демократии. Демократия – инструмент стимуляции и активизации участия граждан в управлении делами общества и государства, а также фактор, сдерживающий перерастание аристократии в замкнутую олигархическую систему, а монархии – в деспотическую. Что касается судебной власти, то ее независимость Полибием рассматривалась как само собой разумеющееся обязательное обстоятельство. Главной своей задачей Полибий ставил урегулирование трех элементов, существующих в любом обществе – монархия, аристократия, демократия.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно прийти к выводу, что **античные философы неоднозначно относились к институту народовластия и его реальным возможностям.** Во времена Платона и Аристотеля демократия не вызывала противоречивые оценки. Это объясняется тем, что в условиях средиземноморских государств-полисов демократия означала, прежде всего, форму правления, причем правления, не предполагавшего представительных органов (древнегреческая демократия была демократией непосредственной), и не включала в себя комплекс определенных гуманитарных ценностей. Эта форма правления, которая буквально переводится как “власть народа”, находилась в одном понятийном ряду с монархией (“единоличным главенством”) и аристократией (“властью лучших”). Выбор формы правления, согласно взглядам древнегреческих философов, подчинялся конкретным условиям, при которых развивалось данное государство. Причем эти формы были изменчивы и сами по себе не гарантировали свободы и законности.

Объединяет античных философов: негативное отношение к демократической форме правления, неприятие идей демократии и поиск идеальной формы правления. Ни один из четырех рассмотренных нами философов не считал демократию идеальным строем. Единственным подлинно возможным в жизни строем они считали именно аристократию. Всех философов объединяет то, что они даруют власть наиболее достойному

меньшинству, исходя из принципа, выраженного Цицероном: “Если свободный народ выберет людей, чтобы вверить им себя, исходя а выберет он, если только заботится о своем благе, только наилучших людей, исходя то благо государства, несомненно”. Эти мудрейшие выборные мужи должны будут править столь справедливо, что нигде не будет никаких волнений и недовольств. На этом основаны взгляды всех философов на идеальный государственный строй. Более того, древнегреческие ученые выступали за ограниченное участие народа в государственном управлении. Выступая за сбалансированное политическое участие, построенное на иерархически-сословной принадлежности, в центр внимания они ставили различие умственных способностей, нравственных и деловых качеств.

Кроме того, античные философы Платон, Аристотель и Цицерон видели ограниченность демократической формы правления. Другие же виды демократии, как писал П.И. Новгородцев, “кажутся им более подверженными изменениям, причем самым худшим видом он считает тот, в котором под видом господства народа правит кучка демагогов, в котором нет твердых законов, а есть постоянно меняющиеся предписания, в котором судебные места превращаются в издевательство над правосудием” [15].

Исследовав взгляды античных философов, нельзя обойти стороной **политические взгляды мыслителей и ученых Древнего Востока**. Политические и правовые учения Древнего Востока содержат некоторое упоминание о праве граждан на управление государством.

Для большинства китайских мыслителей характерно увлечение политическими теориями, проблемами управления государством и народом. Представители всех основных философских школ – конфуцианцы, моисты, легисты, даосы увлекались проблемами управления государством. Многие из них пытались даже создать свою концепцию государственного управления. Преуспели в этом отношении две политические школы – конфуцианская и легистская. Однако заметной роли демократии как формы правления Китай просто не знал, хотя некоторое количество неполноправных, как и определенные элементы народовластия (волеизъявления народа), существовали и принимались во внимание. В частности, древнекитайская мысль сконцентрировала свое внимание на проблемах общества, государства и этики. Древнекитайская мысль исходила, во-первых, из обоснованного тезиса о том, что общество делится на два основных слоя – управляющие верхи и трудящиеся низы. Во-вторых, тирании узурпатора или власти силы может быть противопоставлено только отеческое отношение мудрого правителя к народу.

Такой точки зрения придерживался древнекитайский философ **Конфуций** (Кун-цзы, 551–479 гг. до н. э.). В сборнике изречений философа “Луньюй” (“Суждения и беседы”) сформулированы его политические мысли относительно общества, государства и права.

В суждениях и высказываниях Конфуция о будущем государственном устройстве Китая бюрократии уделяется гораздо больше внимания, нежели

народу. Роль и место народа в управлении сводится к чисто исполнительским функциям. В частности, в своих суждениях о государстве Конфуций выделяет два типа людей, два социальных слоя: управляющих и управляемых. В суждениях об управляющих он вводит модель идеального человека – цзюнь цзы. Благородный чиновник олицетворял всех причастных к делам управления государством и народом – от мелкого чиновника до сановника и самого правителя. Этот идеал, цзюнь-цзы (цзюнь – господин, государь; цзы – сын), в его трактате приобрел этическое звучание подобно слову “благородный”. Именно в этом плане он был противопоставлен обычным людям, простолюдинам, сяо-жэнь.

Конфуций уделяет внимание взаимоотношениям цзюнь-цзы с народом. По мнению мыслителя, сановник в процессе работы не должен считать для себя “зазорным спрашивать нижестоящих”. Нижестоящие обозначены термином ся (те, кто внизу, народ). Однако обращение с вопросами к народу не следует понимать как проявление зачаточных форм демократии. Стоит заметить, что в учениях древнекитайских мыслителей теоретически допускалось соучастие нижестоящих в управлении, и то только на уровне органов общинного самоуправления.

Таким образом, не признавая права народа на широкое участие в управлении государством, Конфуций в то же время не мог не учитывать наличие социальных организаций – органов общинного самоуправления, не входивших в состав царской администрации. Конфуций наделил общинное руководство орудием власти, пожаловав общине право на присвоение человеку почетного звания жэнь или ди (любовь к старшим братьям). Учение Конфуция предоставляло руководителям общины дополнительное право власти на определенную долю автономии в управлении общинниками и соучастие в административных делах.

Конфуцием также проводится мысль о необходимости для управляющих установления и поддержания постоянных контактов с народом. Идея обратной связи сводилась к знанию настроения простых людей, их мнения о поступках вышестоящих. Эта идея обратной связи государства и народа стала в последующем популярной и, в частности, присутствовала в учениях легистов. У Конфуция главная цель обратной связи – избежать конфликтов между управляемыми и управляющими, добиться доверия со стороны народа.

Суть социального порядка, опиравшегося на моральный идеал, Конфуций видел в том, чтобы в обществе все было прочно и стабильно, чтобы все находилось на своих местах и каждый знал свои права и обязанности. “Государь должен быть государем, подданный – подданным” [16]. Основная добродетель подданных состоит, согласно Конфуцию, в преданности правителю, в послушании и почтительности ко всем “старшим”. Главное по Конфуцию – достижение внутреннего мира между верхами и низами общества и тем самым стабилизация правления.

Конфуций утверждал, что государство — это большая семья, и один только отец-государь справиться с ее управлением явно не в состоянии. В качестве его верных помощников должны выступать чиновники — цзюнь-цзы. При этом цзюнь-цзы свое право на руководство трудящимися низами и государством должны были доказывать с помощью знания, способности, мудрости, добродетели.

Благо народа — один из центральных пунктов политической части доктрины Конфуция. Это основной смысл и конечная цель добродетельной администрации. Конфуций не был демократом, а скорее был сторонником четких социальных разграничений. По Конфуцию социально-политическая иерархия строится на принципе неравенства людей: “темные люди”, “простолюдины”, “низкие”, “младшие”, должны подчиняться “благородным мужам”, лучшим”, “высшим”. Тем самым Конфуций выступал за аристократическую концепцию правления, поскольку простой народ полностью отстранялся от участия в управлении государством. Его политический идеал — правление аристократов добродетели и знания, а не родовой знати и богатых. В отличие от тех, кто призывал управлять непокорными с помощью наказаний и жестких мер, Конфуций твердо настаивал на том, что людей следует не наказывать, а воспитывать. Не будучи демократом, Конфуций в то же время признавал, что все люди в принципе равны и каждый может, приложив усилия, стать цзюнь-цзы.

Таким образом, главные моменты политического учения Конфуция заключаются в следующем: главное — обеспечить благо народа; все люди от природы равны; главная обязанность управителей — накормить и воспитать людей; государство — это большая семья, а политическая администрация ни по функциям, ни по целям, ни по содержанию не должна выходить за очерченные пределы; государство необходимо, без него расширившееся общество не может существовать, но оно не самоцель и не самоценность, а лишь средство обеспечения блага народа и необходимого для него порядка.

Первым из древнекитайских мыслителей, кто заявил, что суверенитет правителя не бесспорен, а его власть не абсолютна, стал философ Мэн-цзы (327–289 гг. до н. э.). В центре его трактата “Мэн-цзы” стоят интересы народа: “Народ — самое ценное, духи земли и зерна — следующее, государь — последнее”. Главная забота и святая обязанность государя — обеспечить благосостояние народа; он должен жить жизнью своих подданных, быть “отцом и матерью народа”.

Народ (суверенитет которого Мэн-цзы ставил превыше всего), по мнению философа, имеет право на восстание против недобродетельного правителя и тирана. Однако правом на восстание, на убийство несправедливого правителя Мэн-цзы наделял лишь чиновников. Что касается “прав народа”, то Мэн-цзы советует правителю при вынесении окончательного решения о казни кого-либо из подданных прислушиваться к мнению народа — людей государства (го жэнь) [17]. Иными словами, согласно Мэн-цзы, высший суверенитет концентрируется не в особе государя, а в принципе гуманного и

справедливого правления. По мнению философа, народ – это дети, которые нуждаются в опеке старших, в неустанной заботе со стороны тех, кто призван ими управлять, думать и заботиться о них. Эти функции должны брать на себя добродетельные советники и помощники государя, мудрые ученые-чиновники, статус которых Мэн-цзы оценивал очень высоко.

Другой китайский философ, **Мо-цзы** (прибл. 479–400 гг. до н. э.), в трактате “Мо-цзы” более четко развил идею естественного равенства всех людей и выступил с обоснованием договорной концепции возникновения государства, в основе которой лежит идея принадлежности народу верховной власти.

Мо-цзы, так же, как и Конфуций, считал благо народа конечной целью и важнейшим критерием мудрой администрации. Для этого, по его мнению, необходимо выдвигать и использовать на службе способных и достойных, которые имели бы право не только управлять, опираясь на общепринятые принципы, но и при необходимости поучать, поправлять самого правителя. В поисках “единого образца справедливости” Мо-цзы выдвинул идею договорного происхождения государства и управления.

Важное место в учении Мо-цзы занимает требование учета интересов простого народа в процессе управления государством. “Высказывания, – подчеркивает он, – должны применяться в управлении страной, исходить при этом из интересов простолюдинов Поднебесной”. Мо-цзы активно выступает за освобождение низов общества от гнета, страданий и нищеты. В своем учении он осуждает аристократизм как социальный феномен, настойчиво выступает за решительные реформы во имя блага народа. Однако идеал государства, по Мо-цзы, – жесткая административная структура, в рамках которой народ расчленен, целиком идентифицирует себя с начальством, стремясь продемонстрировать ему лояльность.

Интересны высказывания древнекитайских **философов-реформаторов** (легистов), которые, напротив, выступали против наделения народа какой-либо властью. В частности, по мнению одного из первых легистов, китайского мыслителя Гуань Чжун, “народ должен бояться власти, как страшной болезни” [18]. Яркий представитель легизма Шан Ян (390–338 гг. до н. э.), создавший концепцию государства как всеохватывающей машины принуждения, изложил свои идеи в трактате “Шан цзюнь шу” (“Книга правителя области Шан”). Шан Ян, как и Конфуций, не представлял себе другой формы правления, кроме монархической. Хорошее правление, по мнению мыслителя, возможно лишь там, где правитель опирается на единые, обязательные для всех законы. Эффективность же законов зависит от степени их доступности народу [19]. Вся концепция управления, предлагаемая Шан Яном, пронизана враждебностью к людям, низкой оценкой их качеств и уверенностью, что с помощью насильственных мер их можно подчинить желательному “порядку”. Под “порядком” философ понимает полное безволие подданных, позволяющее центральной власти манипулировать ими в делах внутренней и внешней политики. По мнению Шан Яна, “не следует с

народом обсуждать начинание, с ним можно лишь радоваться завершению дела” [20]. Однако при этом философ считал необходимым сохранить за общиной ряд ее традиционных прав и привилегий. В его трактате содержатся рекомендации правителю при решении важных вопросов прислушиваться к мнению руководителей общин и глав семей. Наделение общинников правом контроля над деятельностью администрации, по мнению Шан Яна, позволит народу преодолеть чувство отчужденности по отношению к администрации и поверить во всемогущество царских законов.

Таким образом, Шан Ян не признавал за народом никаких политических прав на управление государством. Именно ему принадлежит идея ограничения политических прав народа, установления “разумного” соотношения государственных и народных интересов. В главе своей книги “Как ослабить народ” эта идея выражена достаточно четко: “Когда народ слаб – государство сильное, когда государство сильное – народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ” [21]. С другой стороны, Шан Ян уделял большое внимание служилому сословию, пытался создать новый тип чиновника в системе управления. Одним из средств, по мнению Шан Яна, должна была стать отмена сословной ограниченности при выдвижении на административные посты и провозглашение принципа равных возможностей. Это привело бы к постоянному обновлению бюрократии и привлечению к управлению широких слоев населения.

Таким образом, мыслители Древнего Китая все время стремились найти оптимальную форму социальной организации, упорядочения общества, найти оптимальный вариант социального порядка и мудрой администрации. Небо, мудрецы и государство существуют для блага народа, хотя ему принадлежит лишь пассивная роль повинующегося. И основатели конфуцианства и легизма не допускали и мысли о том, что простой народ имеет право на соучастие в управлении страной или решении крупных государственных дел.

Практически все ведущие древнекитайские доктрины, так или иначе, отражали интересы государства, только одни из них, резко противопоставляя государство и народ (общество), стремились усилить государство как машину угнетения и принуждения, другие, сближая интересы государства и народа, старались построить администрацию на основе добродетели и справедливости, а третьи видели в государстве идеальную форму организации усредненных подданных.

В то же время для политической мысли Китая идеи принципиального равенства всех людей, идея меритократии, культ мудрости и справедливости, знаний, способностей, опыта были общепризнанными.

Политические взгляды и конструкции народовластия мыслителей Востока, в том числе казахских просветителей и ученых, нами будут особо исследованы в следующей главе данного раздела.

В период средневековья трудно обнаружить в исследованиях философов какое-либо упоминание о народовластии. Вся средневековая философия в основном связана с христианством, пронизана призывами к смирению с социальным злом. Подтверждением является политическая философия **Аврелия Августина** (354–430 гг.) одного из идеологов христианской церкви. Его политические и правовые взгляды изложены в работе “О граде божием” (413–426 гг.).

Необходимость государственной власти обосновывается Августином в рамках философско-исторической концепции, выявляющей развитие человечества от “грехопадения до страшного суда”. По Августину, суть государственного состояния общности состоит в наличии политического властно-принудительного управления сообществом. Государством является только та общность, где среди сословий выделяется слой людей, которые отправляют политическую власть и возвышаются над подвластным плебсом. Нормальное существование государства связывается с необходимостью согласия в вопросах осуществления власти, а порядок в государстве заключается в упорядоченности отношений повеления и подчинения [22].

Человек, согласно воззрениям Августина, существо “совершенно неспособное” своими силами создать на земле какое-либо совершенное общество. Большинство людей, по мнению философа, не способны к разумному познанию истины, ибо разумное познание – привилегия меньшинства мудрых. Остальную массу людей (темных, неразвитых, умственно немощных) приобщить к мудрости в состоянии только авторитет. Авторитет бывает частью божественный, частью человеческий; но истинный, прочный и высший авторитет тот, который называется божественным” [23]. Среди выдающихся философов средневековья, интересующихся социальными проблемами, стоит отметить и известного богослова **Фому Аквинского** (1225–1274). Существенным элементом политической и правовой доктрины Фомы Аквинского является теория государства, содержащаяся в его труде “О правлении властителей”. Аквинский обращается к политической доктрине Аристотеля и приспособляет ее к потребностям христианства. Ф. Аквинский, как и все последующие католические философы, переняли у Аристотеля концепцию человека – политического животного и учение о государстве, но уже с новым содержанием, которое заключалось в том, что государство берет свое начало от бога. По мнению философа, государственная власть происходит от Бога и поэтому должна быть подчинена духовной власти.

Примечательно, что это положение связано со стремлением средневековых теологов обосновать верховенство духовной власти над светской. А, как известно, церковь в борьбе между папством и монархами Европы за власть часто апеллировала к народу и его “воле”. Поэтому Фома Аквинский оправдывал неповиновение тем монархам, которые узурпировали власть. В то же время, возмущение народа против власти монарха признавалось философом “смертным грехом”, поскольку было “равносильно

возмущению против Бога”. В свою очередь светская власть должна следовать христианским заповедям и не угнетать свой народ. В противном случае Фома Аквинский признавал правомерным свержение тирана. Он считал, что, хотя сущность власти божественна, тем не менее, формы ее реализации определяются самими людьми.

Более важный интерес представляет собой концепция Аквинского относительно государства как органа положительного благосостояния, миссией которого является служба обществу. Данная концепция стала определенным изменением в представлении о роли государства, и выдвижение такой концепции могло быть осуществлено только в рамках концепции человека как существа, наделенного общественными возможностями и способностями управлять, которые нуждаются в реализации.

По мнению богослова, “если несправедливое правление осуществляется многими лицами, то это называется демократией; господство народа имеет место тогда, когда широкие массы благодаря своей силе и численному превосходству подавляют богатых. Тогда весь народ выступает как один единый тиран” [24]. Идеальной формой правления Аквинский вслед за Аристотелем, Полибием и Цицероном считает смешанную из трех “чистых” форм. Наилучшая форма власти представляет государство, в котором сочетаются элементы монархические, аристократические и демократические. При такой форме власти монарх олицетворяет единство, аристократия – преобладание надлежащих заслуг, а подданные (народ), также вовлекаемые в дела управления, служат гарантией социального мира и согласия. Философ упоминает и о “воле народа”, с которой правители, опасаясь для себя тяжелых последствий, должны по необходимости считаться.

Что касается демократических элементов в смешанной форме правления, то здесь у Фомы Аквинского “речь идет не о каких-то широких правах народа, проявляющихся в его влиянии на состав правящих, а о точно определенных церковных целях” [25]. А именно обосновать превосходство церковной власти над светской и доказать, что вмешательство церкви в политические дела государства, в том числе и свержение монархов, вполне оправданно. Для этого необходимо было доказать, что народ имеет право выступать против тирана, против того правителя, который был неугоден церковной власти. В этом сущность демократизма в толковании Аквинского. По мнению философа, “первичным источником человеческой власти”, которая вручается одному или нескольким лицам, является политическая общность людей, народ.

Таким образом, учение Фомы о государстве содержит видимость демократических элементов, в сущности, выражает интересы церкви, стремящейся к верховенству церковной власти над светской. Значение политической теории Фомы заключается, прежде всего, в том, что, оставаясь на типично средневековой точке зрения по вопросу о различных функциях и

целях государства и церкви, он с особой силой защищал идею предела государственного вмешательства.

Более определенное упоминание о праве граждан на управление государством можно встретить во времена Ренессанса. Францисканец **Марсилий Падуанский** (ок. 1275 – ок. 1343) принадлежит к тем средневековым мыслителям, чье творчество свидетельствует о разрыве с католической традицией во взгляде на государственно-правовые институты. В своем политическом трактате “Защитник мира” философ сформулировал республиканские идеи.

Примечательно, что именно Марсилий Падуанский активно выступил в защиту идеи народоправства, идеи народовластия, которая была еще непонятной и чуждой XIV столетию. Падуанский отстаивал довольно смелый по тем временам тезис о том, что настоящий источник всякой власти – народ и от него исходит власть светская и власть духовная. Только народ – носитель суверенитета и верховный законодатель, поскольку главенство принадлежит народу, поэтому граждане должны обладать законодательной властью и выражать свою волю на собраниях голосованием.

Именно народ, по мнению философа, создает законы государства, то есть является человеческим законодателем. Он назначает правительство (правителя) и контролирует его деятельность, в случае необходимости, сменяя правительство (правителя). Народ “регулирует выборы в Большой совет” – выборный представительный орган; скрепляет все его законы; избирает верховного епископа и папу. Важная функция законодателя заключается в контроле за тем, чтобы законы преследовали “общую пользу”, справедливость. Таким образом, функции народа, согласно философу, являются всеобъемлющими.

По мнению исследователя А. Гевирта, для Падуанского проблема законодателя равнозначна центральной проблеме аристотелевской “Политики” – формам правления. Поскольку законодатель у него – народ, постольку и форма государства демократична [26]. Гражданин, по Марсилию, – это тот, кто “участвует в гражданской общине управлением, советом или участием в суде согласно своему положению, способностям и условиям. Всех граждан он делит на шесть частей: ремесленники, земледельцы, торговцы и ростовщики, военные, духовенство, судебная власть. Под народом Марсилий Падуанский подразумевал не все население государства, а лишь лучшую и достойную его часть в силу естественности неравенства людей.

Падуанский изображает механизм властвования в государстве следующим образом. Функция “человеческого законодателя” закреплена в нем за народом, а лучшие люди государства, избираемые по воле народа на общем собрании граждан, составляют большинство граждан. Таким образом, у Марсилия Падуанского в определенном смысле обретает реальность формула античного Рима “народ – суверен”. Стоит заметить, что эта формула была достаточно популярна у публицистов средних веков, однако

воспринималась ими как некое торжественное напоминание об изначальном властелине.

Автор “Защитника мира” одним из первых стал проводить четкое различие между законодательной и исполнительной властями государства. Причем он писал, что власть законодательная должна определять компетенцию исполнительной власти. Исполнительная власть призвана строго держаться рамок закона и может быть устроена по-разному, но в любом случае должна осуществлять волю законодателя – народа.

Исполнительные функции в государстве вверяются правительству, во главе которого стоит правитель, избираемый и ответственный перед народом. Основная задача правителя – проводить на практике то, что считает необходимым народ-законодатель. Если, по Марсилию, правитель отступает от законов или превращается в тирана, то народ может наказать и даже низложить его. В свою очередь, правитель, когда в тирана превращается народ, вправе ему не подчиниться [27].

В политическом учении Марсилия законодатель всегда неизменен, в то время как правительство может иметь различное устройство, которое обуславливает форму правления: исполнительные функции могут быть вверены одному, нескольким или всем. В зависимости от этого он вслед за Аристотелем различает монархию, аристократию и полицию (правильные формы государства) и тиранию, олигархию и демократию (неправильные).

С точки зрения философа, лучше, если правительство будет представлено одним лицом, то есть для него предпочтительна монархия. Мыслитель различает два вида единоличного правления: осуществляемое с согласия граждан (избирательное) и возникающее помимо их желания (наследственное). Падуанский склоняется к избирательной монархии, так как, по его мнению, народ всегда может избрать наилучшего правителя. Таким образом, М. Падуанский закрепляет за народом право избрания монарха, отводя важное место выборности как принципу подбора должностных лиц государства всех рангов и конституирования учреждений. Таково, с точки зрения философа, устройство наилучшего государства. И в данной модели устройства наилучшего государства отчетливо прослеживается идея о том, что народ является источником всякой власти. Идеальное государство для Падуанского – это соединение политики с монархией, народного представительства с королевской властью.

В целом, можно констатировать, что во взглядах философов средневековья также присутствует определенным образом идея народоправства, точнее, идея о народе-суверене, о соотношении законодательной и исполнительной властей, об обязательности закона для всех лиц в государстве. В последующем взгляды философов средневековья весьма активно повлияли на формирование в эпоху Возрождения и в Новое время представлений о демократическом политическом строе общества.

Итальянский философ и социолог **Н. Макиавелли** (1469–1527) в своих трактатах “Государь” (1513 г.) и “Размышления о первой декаде Тита Ливия”

(1520 г.) выразил свое отношение к идее народовластия. Н. Макиавелли обосновал самостоятельность политической сферы, ее относительную автономность от других областей жизни общества (экономики, культуры и т. д.). Он считал, что политика имеет собственную логику, которую определяет политическая власть. Именно власть во всех ее проявлениях и служит предметом политической науки.

Изучая политику как социальную реальность, а не как воображаемый, идеальный мир, он перенес политику из сферы воображаемого и желаемого в плоскость объективного, реально существующего среди людей. Политическая наука, по Н. Макиавелли, должна постигать истинное положение вещей, непосредственно наблюдая за фактами – поведением политических лидеров, масс, их взаимодействием. Метод политического реализма, который он ввел в политологию, помог ей окончательно освободиться от религии.

Н. Макиавелли различал понятия “общество” и “государство”. Обозначая государство термином “*stato*”, он рассматривал его как политическую форму организации общества. Формы государства имеют концепцию сменять друг друга, отражая тем самым состояние общества. Н. Макиавелли сформулировал концепцию циклического развития государственных форм, в основе которой лежит идея круговорота, взаимообращения добра и зла. Выделяя шесть форм государства, он рассматривал три из них как “дурные во всех отношениях” (тирания, олигархия и охлократия) и три – как “хорошие сами по себе” (монархия, аристократия, демократия). Достигнув предела совершенства, форма государства клонится к упадку, переходя в свою противоположность. Это происходит потому, что природа не позволяет вещам пребывать в состоянии покоя. Монархия сменяется тиранией, тирания – аристократией; аристократия уступает место олигархии, на смену последней приходит демократия, которая, в свою очередь, перерастает в охлократию (власть толпы).

Наилучшей формой государства Н. Макиавелли считал смешанную, то есть умеренную республику, сочетающую достоинства монархии (сильное объединяющее начало), аристократии (мудрость и добродетельное правление лучших) и демократии (свобода и участие народа в управлении).

Н. Макиавелли отделил политику от морали. Позднее политику, основанную на культе насилия, безнравственности, назвали “макиавеллизмом”. Политика, по мнению Н. Макиавелли, не должна основываться на моральных принципах, должна исходить из целесообразности, соответствовать опыту, практике, конкретной ситуации. Политика подчинена достижению определенных целей, которые ставят участники политических взаимодействий. Выбор цели зависит от обстоятельств, а не от морали. Поэтому цель следует соотносить со средствами, а средства – с обстоятельствами и результатами. Следовательно,

принцип относительности, по Н. Макиавелли, решает проблему соотношения целей и средств в политике.

Политические теории Нового времени (XVI–XIX вв.) были направлены на обоснование возможности устройства общества на принципах рационализма, свободы и гражданского равенства. Эти теории отражали требования зарождавшейся буржуазии, которая боролась против феодальных устоев. Исходя из принципов естественного права, согласно которым каждый человек рождается с неотъемлемыми правами на жизнь и свободное развитие, на труд, участие в делах общества и государства, мыслители Нового времени стремились доказать противоестественность и неразумность существовавших в тот период феодальных политических порядков и учреждений. Выводы политической науки той эпохи больше приобретали практический характер, ориентируясь на решение назревших социальных проблем.

Одной из фундаментальных политических идей Нового времени была идея договорного характера государства, которая пришла на смену средневековой теории божественного происхождения государства.

Теория общественного договора представляет собой одно из прогрессивных буржуазных учений XVII–XVIII веков. По этому учению государственная власть (и соответственно этому любая форма правления) возникает вследствие соглашения между людьми, которые с целью обеспечения безопасности каждого члена общества создают правительство, устанавливают законы, призванные упорядочить общественную жизнь. Согласно этой теории, короли и правительства вообще получили власть не от бога, а от народа; поэтому они обязаны служить народу, руководствоваться не своими личными интересами, а идеей “общего блага”.

Сторонники теории общественного договора утверждали, что народ имеет право свергнуть правительство, если оно нарушает договор, т. е. не служит интересам народа.

Основные принципы договорной теории заключаются в следующем:

1. Власть государства едина и нераздельна, она сводит волю всех граждан “в единую волю”.
2. Люди, создавшие государство путем взаимного договора, санкционируют все его действия и признают себя ответственными за эти действия.
3. Верховная власть может использовать силы и средства подданных так, как сочтет это необходимым для их мира и защиты. При этом верховная власть не несет какой-либо ответственности за свои действия перед подданными и не обязана отчитываться за эти действия перед ними.

Идея общественного договора, в результате которого граждане провозглашают установление государственной власти и предоставляют ей право управления общественной жизнью, несомненно, являлась прогрессивной в условиях того времени. Во-первых, эта идея противостояла концепциям божественного происхождения государства. Во-вторых, была направлена против теорий государства и права, которые защищали и оправдывали прерогативы королевской власти. И в-третьих, идея

общественного договора, связанная с общей теорией естественного права (согласно которой люди обладают прирожденными и неотъемлемыми правами – правом на жизнь и личную безопасность), имела ярко выраженную демократическую направленность.

Теорию “общественного договора” развили английские мыслители Нового времени **Томас Гоббс** (1588–1679) и **Джон Локк** (1632–1704).

В известном труде Томаса Гоббса “Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского” содержится обоснование добровольного отказа людей от своего суверенитета на основе договора в пользу государства. Государство выступает “как единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты” [28].

По мнению Б.В. Мееровского, “государство, отождествленное Гоббсом с обществом и народом, рассматривается им как конгломерат людей, имеющих общие интересы и цели” [29].

Таким образом, договорная теория происхождения и сущности государства, развитая Гоббсом, не включала, а наоборот, исключала принцип народного суверенитета, который провозглашал народ источником и конечным обладателем всякой власти. Гоббс исходил из того, что подданные заключают договор не с сувереном, а между собой, и важнейшим следствием этого соглашения является отказ подданных от своих прав в пользу суверена и принятие ими обязательства “признавать как свои собственные все действия и суждения” носителя верховной власти [30].

Это отличало Гоббса от других представителей теории общественного договора (например, Мильтона в Англии, Руссо во Франции), которые подчеркивали первенство народа по отношению к правителям.

Наделяя государство неограниченной властью, Гоббс существенно ограничивал права подданных. Английский философ исходил из того, что верховная власть в любом государстве – монархическом, аристократическом или демократическом, всегда выступает на страже общих интересов подданных. Подданные должны принимать ее в той форме, в которой она существует и не пытаться изменить этой формы. Гоббс так же, как и все политические мыслители, не обошел своим вниманием вопрос о формах государственного правления. Он различает три вида государства (в зависимости от того, кто является носителем верховной власти): монархию, демократию и аристократию. К первому виду относятся государства, в которых верховная власть принадлежит одному человеку. Ко второму – государства, в которых верховная власть принадлежит собранию, и каждый гражданин имеет право голоса. Этот вид государства Гоббс называет также народоправством [31]. Однако сам Гоббс – не сторонник данной формы правления. К третьему виду относятся государства, в которых верховная власть принадлежит собранию, где правом голоса обладают не все граждане,

а лишь известная часть их. Из трех названных форм государственного правления Гоббс предпочитает и рекомендует монархию.

Основная задача общественного договора, по мнению Гоббса, состоит в том, чтобы “найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде”. Общественный договор — это способ интеграции общей воли. Передавая в общее достояние свои индивидуальные права и свободы, каждая личность “превращается в неразделенную часть целого”. В таком обществе нет конфликтов, противоречий. Воля гражданина неотчуждаема, поэтому естественным способом ее выражения является прямая демократия.

Один из наиболее выдающихся мыслителей Нового времени **Дж. Локк** (1632–1704), опубликовавший в 1690 г. свой основополагающий труд “Два трактата об управлении”, является родоначальником новой интерпретации понятий “демократия” и “открытое общество”. Свою концепцию государственного строя, основанного на соглашении между королем и народом как носителем и источником высшей власти в государстве, Локк противопоставил доктрине абсолютной монархии, основанной на божественном праве короля.

Утверждение Локка, что любое законное правительство основано на согласии граждан в целях защиты личной свободы и частной собственности передоверить государственной власти свои естественные права, способствовало развитию демократических институтов.

Для того чтобы государство оставалось “ночным сторожем”, не посягало на права и свободы личности, а выглядело как гарант равных возможностей для всех людей, Дж. Локк выдвинул идею разделения властей на законодательную (парламент), исполнительную (суды, армия) и “федеративную” (король, министры), которая ведает отношениями с другими государствами. Причем законодательная власть должна иметь, согласно Дж. Локку, более высокий статус, чем исполнительная, поскольку именно она призвана определять политику государства. Кроме того, право принимать законы (законодательная власть) дается только представительному учреждению всей нации – парламенту. Законодательная деятельность парламента развивается в соответствии с “волей большинства”. Полномочия по претворению принятых законов в жизнь (исполнительная власть) осуществляют монарх и кабинет министров.

Локк в своем труде “О государственном правлении” также рассуждает о формах государства. Под совершенной демократией Локк понимает форму правления, где большинство обладает всей властью сообщества и может употреблять всю эту власть для создания время от времени законов для сообщества и для осуществления этих законов назначенными им должностными лицами [32]. Олигархия возникает в случае передачи большинством законодательной власти в руки нескольких избранных лиц

или преемников. Таким образом, форма правления зависит от того, где находится верховная власть, а верховная власть является законодательной. В соответствии с этим форма государства определяется тем, где находится законодательная власть. Законодательная власть является, по мнению Локка, “не только верховной властью в государстве, но священной и неизменной в руках тех, кому сообщество ее доверило. Ни один указ не обладает силой и обязательностью закона, если он не получил санкции законодательного органа, который избран и назначен народом”. Только народ может устанавливать форму государства, делая это посредством создания законодательной власти и назначения тех, в чьих руках она будет находиться. Законодательная власть, поскольку исходит от народа через посредство позитивного добровольного дара и учреждения, не может быть ничем иным, кроме как тем, что передал этот позитивный дар, а он был сделан только для создания законов, а не для создания законодателей [33].

Законодательная власть как верховная власть, которой все подчиняются и должны подчиняться, представляет собой лишь доверенную власть, которая должна действовать ради определенных целей. Поэтому у народа остается верховная власть отстранять или изменять состав законодательного органа, когда народ видит, что законодательная власть действует вопреки оказанному ей доверию, ибо вся переданная на основе доверия власть предназначалась для достижения одной цели. Когда же этой целью пренебрегают или оказывают ей сопротивление, то вопрос о доверии снимается и власть возвращается в руки народа, и он снова может поместить ее так, как сочтет лучше для их безопасности и благополучия [34]. Народ вправе заменить законодательную власть, если государь ставит свою собственную деспотическую волю на место законов.

Однако Локк замечает, что “так как народ невежественнее и всегда недоволен, то ставить основу правления в зависимость от неустойчивого мнения и непостоянного настроения народа не следует. Ни одно правительство не будет в состоянии долго существовать, если народ сможет создавать новый законодательный орган всякий раз, как будет недоволен прежним [35]. Правом созывать и распускать законодательный орган обладает исполнительная власть, но это право не дает исполнительной власти верховенства над законодательной, а является просто доверенным полномочием, данным ей в интересах безопасности народа. Вместе с тем Локк считает, что “сообщество всегда представляет собой верховную власть, но его нельзя считать таковым при наличии любой формы правления, так как эта власть народа не может осуществляться до тех пор, пока не распалось правительство. Пока существует правительство, законодательная власть является верховной [35]. Законодательная власть, по мнению Локка, никогда не может вернуться к народу до тех пор, пока существует данный государственный строй. Народ, дав законодательному органу право существовать непрерывно, тем самым передал свою политическую власть этому органу и не может вернуть ее себе. Но если народ ограничил

длительность существования своего законодательного органа и сделал эту высшую власть в руках лица или собрания временной или когда вследствие злоупотреблений лиц, находящихся у власти, они ее утрачивают, то в результате эта власть возвращается к обществу, и народ имеет право действовать в качестве верховной власти и самому продолжать являться законодательным органом [36].

Дж. Локк в противовес Гоббсу, отказывающему подданным в праве обсуждать действия “Суверена”, считал, что общественный договор возникает на основе уважения естественных прав. Поэтому, если правитель нарушает эти права, его подданные вправе отказаться от договора. “Когда законодатели, – пишет Локк, – пытаются отнять и уничтожить собственность народа или повергнуть его в рабство деспотической власти, то они ставят себя в состояние войны с народом, который вследствие этого освобождается от обязанности какого-либо дальнейшего повиновения” [37].

В подобных случаях, отмечает Локк, “самым подходящим третейским судьей должен являться народ в целом” [36]. По мнению Локка, народ имеет право на вооруженную защиту своих прав, однако вопроса о расширении избирательных прав народных масс Локк не затрагивает.

Таким образом, по мнению Дж. Локка, в открытом демократическом обществе люди заключают договор со своим правительством и вручают ему власть от имени пришедших к взаимному соглашению граждан. В соответствии с этим договором граждане обязуются подчиняться законам, а правительство имеет право принимать законы и защищать государство ради общего блага. Основной вывод Дж. Локка, раскрывающий суть нового понимания демократии, заключался в том, что, если правительство чинит беззаконие и произвол, граждане имеют право отказать ему в доверии и учредить новое правительство.

Реализация идеала свободной личности требует ограничения власти государства. С этой целью, по мнению философа, свободные индивиды заключают общественный договор, основным принципом которого является положение о народном суверенитете: народ – источник власти, и он заключает договор с правящей властью. По Локку, в отличие от Гоббса, сувереном является не правитель, а нация. Следовательно, правительство подотчетно нации. Согласно договору главная и единственная функция государства состоит в защите естественных и неотчуждаемых прав человека – “права на жизнь, свободу и собственность”. Теория естественного права и народного суверенитета, разработанная Дж. Локком, вошла позднее в “Общественный договор Ж. Руссо”, а затем в “Декларацию прав человека и гражданина”. Эта теория повлияла на целое поколение философов-просветителей (Д. Юм, И. Кант, Г.В. Лейбниц, Ф.М. Вольтер, Ж.А. Кондорсе, Т. Джефферсон, Б. Франклин и др.).

Примечательно, что их современник **Бенедикт Спиноза** (1632–1677гг.) был явным сторонником демократии. Именно он считал, что наилучшей формой государства будет та, в которой все граждане (если они не лишены

этого права из-за совершения преступления или бесчестья) участвуют в управлении государством. В своем “Богословско(Теологическо)-политическом трактате” он повествовал: “Государство, которое стремится лишь к тому, чтобы его граждане не жили в постоянном страхе, будет скорее безошибочным, чем добродетельным. Но людей нужно вести так, чтобы им представлялось, что они не ведомы, но живут по своей воле и решают свои дела совсем свободно, чтобы были удерживаемы в узде лишь любовью к свободе, стремлением увеличить имение и надеждой, что достигнут почетных мест в государственных делах”. Это утверждение нельзя не признать актуальным применительно и к современным условиям.

Как последователь Гоббса Спиноза выступает за абсолютный и нераздельный суверенитет государственной власти. Согласно Спинозе “цель государства в действительности есть свобода”, и прежде всего свобода от страха. Такая цель лучше всего достигается “в демократическом государстве (которое больше всего подходит к естественному состоянию)”, поскольку в таком государстве “каждый переносит свое естественное право не на другого (т. е. не на монарха), лишив себя на будущее права голоса, но на большую часть всего общества, единицу которого он составляет” [38]. В “Богословско-политическом трактате” дается высокая оценка демократии, что дает основание говорить о Спинозе как об одном из первых теоретиков народоправства в новое время. Однако следует заметить, что философ не видит реальной возможности для подавляющего большинства народа, для “толпы” достичь свободы – высшей цели государственной жизни, которой лучше всего отвечает эта форма ее организации. Спиноза констатирует неспособность большей части населения государства участвовать в достижении его высшей цели. С одной стороны, “Богословско-политический трактат”, затем “Этика” и “Политический трактат” Спинозы многократно констатируют “гнев и ярость толпы”, ее неразумие, иррационализм. С другой стороны, в “Политическом трактате” Спиноза вскрывает причины невежества и некомпетентности “толпы”, которые коренятся в том, что государственные дела ведутся втайне от нее, что раболепие и несправедливость возникают “там, где господствуют один или немногие”.

Спиноза подчеркивает, что верховная власть устанавливается “свободным народом”, который “более руководится надеждой, чем страхом”, что “положение подданных тем печальнее, чем более абсолютно переносится на царя право государства” [39]. Спиноза заявляет, что “меч царя, или право, на самом деле есть воля самого народа или его более значительной части” и “народ только то свободно переносит на царя, что он абсолютно не может удержать в своей власти, а именно: разрешение споров и приведение в исполнение решений” [40]. Важнейшими элементами строго ограниченной конституционной монархии являются: наличие совета, наблюдающего за соблюдением законов. Без ясно выраженного мнения совета монарх не может ничего предпринять; отсутствие наемного войска и защита государства только силами гражданского ополчения; необходимо, чтобы “покров тайны”

максимально отсутствовал в государственных делах, ибо он способствует “домогающимся абсолютной власти”. Таким образом, Спиноза стремится внедрить в эту форму правления отчасти идею народовластия, определить место простых граждан в делах государственного управления.

Спиноза считает, что в силу естественного права человек может выступать с публичной критикой политических принципов и практики верховной власти, но эта критика не может перейти в свободу действия, подрывающую эту власть и нарушающую общественный договор, лежащий в ее основе. Вместе с тем, отстаиваемая свобода личности, по мнению мыслителя, не может быть распространена на “толпу”, т. е. на подавляющее большинство народа.

Спустя несколько десятилетий к данной теме обратился и итальянский философ и юрист **Вико Джамбаттиста**. В своем труде “Основания новой науки об общей природе наций” он формирует теорию, названную им “идеальной вечной историей”. Джамбаттиста стремится доказать, что все споры о лучшей форме правления большей частью бессмысленны, так как наблюдается закономерный процесс культурного, социального и политического развития и упадка в жизни каждой нации.

Он выделяет три эпохи: эпоху богов на ранней стадии общественного развития (с формой правления – теократическим деспотизмом), эпоху героев (с правлением аристократии) и эпоху людей (общество достигает понимания равенства гражданских прав человека: формой правления здесь будет демократия или монархия).

“Веку людей” соответствуют, по Вико, две формы правления – демократия и монархия, причем последняя следует из первой. Монархии возникают как средство успокоения гражданских страстей тогда, когда демократия выливается в разнузданную анархию. Гражданская анархия у Вико – то состояние, которое Гоббс называет “войной всех против всех”. Суть совершающегося при этом процесса довольно проста. Демократия уничтожает привилегии знати, но она не затрагивает привилегий богатства. Напротив, только при демократическом устройстве общества стремление к наживе и получает полный простор, поскольку отпадают охранительные ограничения, присущие аристократии.

“От пагубной подозрительности Аристократий, через волнения Народных Республик, нации, в конце концов, приходят к тому, что находят покой в Монархиях” [41]. Силой, обеспечивающей соблюдение законности и порядка, становится государственная власть, персонифицированная в личности монарха. Монарх – носитель народного суверенитета, и в нем воплощена вся “свободная мощь Государства”. Главное, по Вико, — это отсутствие внутренней смуты и способность монархической власти держать в узде стремление знати к увеличению своих привилегий и стремление народа к своеволию.

Далее философ утверждает, что “форма государства не способна выжить и сохранить себя”. После этого наступает конечная эпоха –

варварство, при которой эгоистические интересы людей берут верх над законами, обеспечивающими социальные связи, наступает социальная анархия, которая кладет конец циклу социального развития и порождает условия для возникновения нового цикла. Таким образом, все предопределено заранее, и не следует излишне увлекаться рассуждениями о ценности демократии или иной формы правления в государстве.

Только в XVIII веке французские философы-просветители разработали тему политического участия народа в управлении государством настолько детально, что их обоснования и выводы и поныне используются при необходимости аргументировать позитивность развития народовластия в современных государствах.

Процесс становления индустриальной цивилизации в Европе, завершившийся после либерально-демократических революций в Нидерландах, Англии и Франции промышленным переворотом, сопровождался формированием среднего класса – социальной опоры развивающейся демократии. Практика государственного развития и первые упомянутые революции привели к тому, что начиная с XVIII в. демократия стала рассматриваться как совокупность естественных, гражданских, социальных и политических прав и свобод. основополагающие принципы современной конституционной демократии были сформулированы в Европе в эпоху Просвещения. Сторонники этого философского направления, опираясь на идеи рационализма, были убеждены в неограниченных возможностях человека, обладавшего естественными правами.

Рассмотрим идеи народовластия в трудах французского просветителя **Шарль Монтескье** (1689–1755). Выдающийся французский просветитель Шарль Монтескье теоретически обосновал соотношение демократии и республиканского устройства в Европе Нового времени. В своей работе “О духе законов”, опубликованном в 1748 г., Ш. Монтескье выделил три типа правления – республику, монархию и деспотию. При этом по Монтескье республика выступала в двух формах: аристократической и демократической, хотя подлинные республиканские признаки Монтескье видел только в демократии. Ш. Монтескье считал, что “если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией” [42]. Одним из основных механизмов демократии является закон, в силу которого законодательная власть принадлежит только народу. Но кроме постоянных законов, подчеркивает Монтескье, необходимы и постановления сената, которые относятся им к актам временного действия. К основным законам аристократии он относит те, которые определяют право части народа издавать законы и следить за их исполнением.

По мнению исследователя А.И. Ковлера, “демократия для Монтескье тождественна народному суверенитету, но не означает поголовного участия всех в управлении. Народ поручает осуществление власти своим избранным уполномоченным. Именно это отличает демократическое государство от

других форм (образов) правления” [43]. Отсюда следует, что Ш. Монтескье определяет особую модель народовластия именно в рамках представительной демократии.

Согласно Монтескье, идеальным типом правления является демократическая республика, которая с наибольшей полнотой обеспечивает свободу и равноправие большинства нации. Монтескье отвергает утверждение о том, что народ не в состоянии создать мудрое управление. “Народ в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти” [44]. Но, как известно, в тех условиях он оказался неосуществимым. Социальное неравенство препятствовало формированию политического и морального единства общества, следовательно, правление народа было невозможно. Признав все преимущества демократической республики, Монтескье заявлял, что такая форма правления пригодна только для государства с малой территорией. Более жизнеспособной могла быть, по Ш. Монтескье, форма аристократической демократии, при которой правление монарха уравнивается правлением представителей народа.

Не обошел стороной Монтескье и идею Дж. Локка о разделении властей. В его интерпретации теория разделения властей была очередным шагом в поисках конкретных форм умеренного правления. В системе разделения властей Монтескье пытается найти место претворению идеи народовластия, полагая, что независимость трех видов власти и взаимная их уравновешенность являются основой свободы и безопасности граждан. Основная цель разделения властей – избежать злоупотребления властью. Чтобы пресечь такую возможность, подчеркивает Монтескье, “необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга”. Потребность в разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную вытекают, по Ш. Монтескье, из природы человека, его склонности к злоупотреблению властью. Власть должна иметь свой предел и не угрожать правам и свободам граждан. Монтескье пришел к выводу, что “свобода возможна при любой форме правления, если в государстве господствует право, гарантированное от нарушений законности посредством разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, которые взаимно сдерживают друг друга”. [45]. Монтескье выделил следующие положения своей теории государства.

Во-первых, три рода власти: законодательная, исполнительная и судебная должны быть распределены между разными государственными органами. Если же в руках одного органа сконцентрируется власть, различная по своему содержанию, то появится возможность для злоупотребления этой властью, а, следовательно, свободы граждан будут нарушаться. Каждая ветвь власти предназначена для осуществления определенных функций государства. Основное назначение законодательной власти – “выявить право и сформулировать его в виде положительных законов, обязательных для всех граждан...”. “Исполнительная власть в свободном государстве предназначена для исполнения законов,

устанавливаемых законодательной властью”. “Задача судей – в том, чтобы решения и приговоры всегда были лишь точным применением закона. Судебная власть карает преступления и разрешает столкновения частных лиц”. Однако хотя органы власти действуют самостоятельно, речь идет не об абсолютном обособлении, а лишь об относительной их самостоятельности и одновременном тесном взаимодействии друг с другом, осуществляемом в пределах их полномочий.

Во-вторых, должна функционировать система сдержек и противовесов, чтобы власти контролировали действия друг друга. “Взаимовлияние законодательной и исполнительной властей гарантирует реальность права, которое в конечном счете отражает компромисс сталкивающихся воли и интересов различных социальных слоев и сил... За нарушение законов министры могут быть привлечены законодательным собранием к ответственности. В свою очередь исполнительная власть в лице государя сдерживает от произвола законодательную власть, будучи наделена правом налагать вето на решения законодательного собрания, устанавливает регламент его работы и распускает собрание” [46].

Таким образом, в его работах были заложены основные принципы и институты, с помощью которых взаимодействуют органы государственной власти и при этом осуществляется принцип народовластия.

В конституционном проекте Монтескье недостаточно четко проводилась идея равновесия властей. Законодательная власть явно играет доминирующую роль, исполнительную власть Монтескье называет ограниченной по своей природе, а судебную – вообще полувластью. Однако все это было не столь актуально во времена Монтескье, сколь актуально было следующее положение теории разделения властей: определенная ветвь власти должна представлять интересы определенной социальной группы. Судебная власть представляет интересы народа, исполнительная – монарха, верхняя палата законодательного собрания (предусмотренная конституционным проектом Монтескье) – аристократии, нижняя палата собрания – интересы народа.

В современное время, как правило, “законодательная власть ограничивается референдумом, президентским правом вето, Конституционным судом, а внутренним ее ограничением является двухпалатное построение Парламента”. “Исполнительная власть ограничена ответственностью перед Парламентом и подзаконным характером издаваемых ею нормативных актов; должна сохраняться также внутренняя разделенность между Президентом и Правительством, федеральной и региональной властью. Судебная власть подчинена Конституции и закону, а ее внутреннее разделение воплощается в том, что Конституционный Суд выделяется из всей судебной системы, меняется круг полномочий прокуратуры, вводятся системы специальных судов, мировых судей” [47]. Таким образом, мы видим стремление достигнуть компромисса в борьбе буржуазии (слившейся тогда с народом) с приверженцами абсолютизма [48].

В дальнейшем эта взаимозависимость трех ветвей власти получила название системы сдержек и противовесов, служащих средством контроля за властью в целом. Система эта впервые была реализована в американской конституции и с тех пор стала одним из критериев демократичности любого государства.

Если попытаться кратко обосновать практическое значение воплощения теории разделения властей в осуществление государственной власти, то представляется следующее. Несомненно, что первичным субъектом и носителем власти является только народ, народ правомочен делегировать власть государственным и негосударственным институтам, власть которых производна. Отсюда следует, что народ – это реальный субъект власти, а носителями этой власти являются институты. Для того чтобы осуществлять свою властную волю, народ как конституционный суверен наделяет институты властными полномочиями. Таким образом, носители власти в генетическом и функциональном плане производны по отношению к субъекту.

Развивая идеи и принципы народовластия и выстраивая собственную модель народовластия, французский философ указывал и на то, что право издавать законы в государстве принадлежит именно народу. По его версии, народ должен сам делать все, что он в состоянии хорошо выполнить, и лишь оставшуюся часть своей власти препоручить своим уполномоченным. В этом случае представительная демократия как производная от демократии непосредственной отходит на второй план.

Политико-правовая идеология французского утопического коммунизма, социализма и атеизма уделила более пристальное внимание рассмотрению и развитию идеи народовластия. **Жан Мелье** (1664–1729), яркий представитель французского утопического коммунизма и атеизма, – один из первых французских мыслителей, который выдвинул на первый план само понятие народовластия. “Только от народа исходит все их величие, все богатство и могущество”, – считал Мелье [49].

В своем труде “Завещание” он соединил три социальные программы: установление общественного строя, основанного на уничтожении частной собственности; упразднение религии и церкви как опоры деспотизма и угнетения; свержение тиранов и установление общественной собственности путем народной революции.

Неотъемлемой частью политической программы Мелье была идея свержения существующего строя путем народного восстания, подробно развитая им в “Завещании”. Мыслитель отстаивает право народа выступить против абсолютной монархии. Таким образом, сама идея народовластия, установления крестьянской демократии, которую развивал Мелье, была итогом и обобщением опыта народных восстаний. Мелье осознает, что условием успешной борьбы против тиранов, победы народного восстания является общенародная революция. Только сплочение масс, их боевое единство способно свергнуть тиранов и установить власть народа, равенство и свободу: “...объединись же, народ, если есть у тебя

здравый ум; объединитесь все, если у вас есть мужество освободиться от своих общих страданий” [50]. Первым злом, – считает Мелье, – является огромное неравенство между различными состояниями и положениями людей: одни как бы рождены только для того, чтобы деспотически властвовать над другими; другие, наоборот, словно родились только для того, чтобы быть нищими презренными рабами”. Развивая идею народовластия, философ отмечает неравномерность распределения власти, приниженность большинства наций. Единственно возможное средство избавления от социального неравенства и политического деспотизма, а значит установления принципа народовластия, по мнению Мелье, – народная революция во имя установления общества, основанного на коллективной собственности.

В то же время, по мнению Мелье, всякий общественный организм должен иметь внутренний порядок. Общество не может сохранить добрый порядок без наличия некоторой зависимости и подчинения. Для блага человеческого общества, безусловно, необходимо, чтобы была между людьми некоторая зависимость и некоторое подчинение одних другим [51]. Но вместе с тем эта зависимость и это подчинение одних другим должно быть справедливым и соразмерным, то есть оно не должно допускать чрезмерного возвышения одних и чрезмерного принижения других, предоставления слишком многого одним и лишения всего других.

Примечательно, что Мелье не употребляет слово “народ” как нечто противоположное политической элите, что было свойственно всему политико-правовому мировоззрению эпохи Просвещения.

Последователями взглядов Мелье относительно идеи народовластия стали представители политико-правовой идеологии французского социализма. Среди идеологов данного направления можно выделить **Морелли**, автора книги “Кодекс природы, или Истинный дух ее законов” (1755), и Габриеля Бонно де Мабли (1709–1785), автора произведений “О правах и обязанностях гражданина”, “О законодательстве, или Принципы законов”.

Морелли в “Кодексе природы” излагает “Законы о форме правления, долженствующие предупредить всякую тиранию” и “Законы об управлении”. Принципы соответствующего повелениям природы строя сформулированы у Морелли в трех “священных законах”. Первый из них отменяет частную собственность. Второй закон обеспечивает гражданину “право на существование” и “право на труд”. Третий закон дополняет второй, устанавливая в соответствии с правами граждан и их обязанность принимать участие в общественном труде. Содействие, оказываемое личностью общественной пользе, измеряется у Морелли силами, талантом и возрастом. В системе Морелли нет граждан, которые были бы совсем свободны от физического труда; и все имеют возможность заниматься трудом умственным [52]. На будущее Морелли планирует следующее административное и экономическое деление страны: провинции, города, трибы (роды, части городов), семьи.

По мнению Морелли, структура публичной власти складывается согласно “Кодексу законов” следующим образом. Каждый член семейства по достижении 50 лет становится членом сената своего города (“частного сената”) и пользуется в делах управления городом правом совещательного и решающего голоса. Из состава городских сенаторов образуется ежегодно обновляемый Верховный сенат. “Частным сенатам совместно с Верховным сенатом будет принадлежать вся политическая власть; это значит, что они будут в определенной форме и без осуждения приказывать то, что формально предписывается законами”. Функция Верховного сената – осуществлять надзор за тем, чтобы решения и регламенты каждого города не противоречили государственным законам и чтобы принимаемые меры полицейского и хозяйственного характера разумно соответствовали распределительным и иным законам [53]. Кроме системы сенатов предусматривается целая иерархия начальников разного ранга, в частности начальника трибы, начальника города, начальника провинции и главы государства (нации). Морелли предлагает своеобразный порядок занятия таких должностей. Каждая семья поочередно дает начальника своей трибе, и он остается на этом посту пожизненно. Каждый начальник трибы поочередно в течение года исполняет обязанности начальника города. На тех же условиях каждый город дает начальника своей провинции. “Каждая провинция поочередно дает пожизненного главу всего государства”. Обязанность главы государства – следить согласно приказам Верховного сената за соблюдением законов и решений, к ним относящихся, осуществлять общее управление производством и распределением, поддерживать в государстве порядок. “Начальники городов под властью начальников провинций, а эти последние под властью главы государства будут исполнять в своих областях те же функции, какие он исполняет для всего государства”. Таким образом, “все эти законы об управлении как законы основные будут почитаться священными и нерушимыми. Они не будут подлежать ни изменению, ни отмене с чьей бы то ни было стороны”, считает философ.

Однако Морелли, рассуждая о политических институтах, гарантирующих осуществление принципа народовластия, умалчивает о своем отношении к системе выборов. Мыслитель полагает, что выборность нарушает принцип равенства, а значит, подрывает саму идею народовластия, поскольку в обществе равных все в одинаковой степени и достойны быть избранными.

Исходя из принципа равенства, Морелли включает в процесс отправления публично-властных функций весь народ, обосновывает демократию как “естественную” государственную форму, единственно приемлемую для общества, где “ничто не будет принадлежать отдельно или в собственность кому бы то ни было, кроме тех вещей, которые каждый употребляет для удовлетворения своих потребностей”. Это составляет истинную политическую свободу человека, которая состоит в

беспрепятственном и безбоязненном пользовании всем, что может удовлетворить его естественные и, следовательно, законные желания”.

В одном только случае Морелли говорит о депутатах: сенат государства составляется из депутатов от сенатов каждого города. Но и здесь депутатами являются все члены данного городского сената поочередно, на один год каждый. Таким образом, модель народовластия, да и сам порядок осуществления народовластия, предлагаемый Морелли, достигается при помощи применения очереди и с полным исключением каких бы то ни было выборов.

Другой идеолог французского социализма, **Мабли**, в отличие от Морелли, воздержался от тщательного описания организации модели народовластия и в целом всех сфер жизни в “коммунистическом обществе будущего”. Он рисует общую картину утопической республики равенства и исходит из того, что новый общественный строй необходим для обеспечения “счастья народу” в труде “О законодательстве, или принципы законов”.

Народный суверенитет, сосредоточение всей полноты законодательной власти в народном представительстве, выборность всех должностных лиц, избрание высших органов исполнительной власти народным представительством и подчинение их власти законодательной, сочувствие республиканскому образу правления и признание монархии допустимой лишь при условии лишения монарха всех прерогатив, позволяющих ему реально вмешиваться в политическую жизнь страны – основные идеи осуществления концепции народовластия Мабли.

Приемлемая конструкция политической власти, по мнению Мабли, выглядит следующим образом. Народ – единственный создатель политического строя, изначальный носитель и единственный источник верховной власти и ее распределитель, доверяющий власть полностью или в долях должностным лицам [54]. Народ всегда сохраняет за собою право изменять существующее правление. Как бы ни был разумен акт, устанавливающий форму правления, народ может его уничтожить и заменить другим. “Народ, изначально являющийся носителем верховной власти, народ, единственный создатель политического строя и распределитель власти, доверенной полностью или в разных долях его должностным лицам, остается, следовательно, навсегда вправе толковать свой договор или, вернее, свои дары, менять статьи договора, уничтожать их и устанавливать новый порядок вещей” [55]. По мнению Мабли, народ только тогда свободен, когда является законодателем и имеет возможность “путем разумных распоряжений принудить правительство служить только орудием и верным исполнителем законов”. В то же время, “допустить за каждым гражданином право играть роль реформатора – значило бы разрушить основы государства или, по меньшей мере, подвергнуть общество опасным потрясениям”.

“Если же суверенный народ, создающий сам законы, которым он подчиняется, считает философ, перестанет постоянно укреплять свою свободу и исправлять даже самый нечувствительный ущерб, нанесенный его

конституции, то он вскоре начнет повиноваться абсолютному монарху или нескольким привилегированным семьям, ибо должностные лица, обязанности которых – следить за исполнением законов, имеют большое преимущество перед простыми гражданами, часто отвлекаемыми от общественного дела и обязанными повиноваться”.

В целом, институциональное закрепление принадлежащий народу суверенитет должен находить в избрании гражданами (каждый раз на определенный срок) депутатов, которые образуют высший законодательный орган страны – Национальную Ассамблею. Она формирует правительство, выступающее органом исполнительной власти в центре. Хотя “государственные должности или исполнительную власть следует доверять только на ограниченный срок”. На местах исполнительную власть представляют магистраты, также избираемые населением. Учреждения исполнительной власти подотчетны власти законодательной, а “общая субординация связывает все части общества”.

В последующем политико-правовая идеология французского социализма и утопического коммунизма оказала значительное влияние на взгляды различных представителей общественной мысли Франции XVIII века и в частности на развитие идеи народовластия в контексте утверждения представительной демократии. Например, в последующем Руссо, как отмечает исследователь Б.Ф. Поршнев, сделал понятие народовластия “сердцем своей теории, обогатил его, но и обеднил”. Народовластие, как его понимали представители французского социализма, в последующем было почти очищено французским просветителем Жан-Жаком Руссо от идеи народной революции [56].

В Новое время духовным отцом демократии явился **Жан-Жак Руссо** (1712–1778), который, исходя из предпосылки о совершенстве человеческой природы, теоретически разработал теорию последовательной демократии, отстаивая ее право на существование идеи народовластия и равенства. В основе его работы “Общественный договор” (1762) лежит мысль, что насилие не может быть источником права. Так как “власть должна быть правомерна, то ее обнаружение и применение должно выражать волю народа”.

Руссо наделяет каждое отдельное лицо неотчуждаемым правом участвовать во всех общих решениях. Общество Руссо – общество, в котором царит полное народовластие. В таком народовластии Руссо видит постоянно действующую и единственную форму всякого политического общежития.

Идее “общественного договора” Руссо придавал демократический характер, в отличие от его предшественников. У Локка Руссо взял понятие о “верховенстве власти”. У Гоббса – понятие об “источнике и первообразе власти”. В результате слияние этих двух понятий дало теорию “народного абсолютизма”. У французского мыслителя договор – “акт ассоциации между равными”, тогда как у английского философа Гоббса все отдают свои права в руки одного лица – монарха. Неисказенный общественный договор, считает

Руссо, возможен в республике, где осуществлено действительное равенство всех без исключения граждан перед законом, что предполагает власть народа – власть и законодательную, и исполнительную.

Обратившись к работам французского мыслителя, мы убедимся, что он считал демократию возможной лишь в виде прямого народоправства, соединяющего законодательство с исполнением. В своих “Трактатах” он размышлял о “первичном праве – подавать голос при всяком акте суверенитета, праве, которого ничто не может лишить граждан”. Если суверен вручает Правление всему народу или большей его части, так чтобы стало больше граждан-магистрантов, чем граждан – просто частных лиц, то такая форма Правления носит название демократии [57].

По мнению Руссо, подлинная демократия никогда не существовала и никогда таковой не будет. “Противно естественному порядку вещей, чтобы большое число управляло, а малое было управляемым. Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами, считает Руссо. В то же время философ считает, что “суверен, не имея другой силы, кроме власти законодательной, действует только посредством законов, а так как законы – подлинные акты общей воли, то суверен может действовать лишь тогда, когда народ в собрании. Поэтому, считает Руссо: “недостаточно, чтобы народ в собрании единожды утвердил устройство государства, одобрив свод законов и образ правления. Кроме чрезвычайных собраний, необходимы собрания регулярные, периодические”.

По мнению К. Поппера, Руссо “дал новый и весьма революционный ответ” на вопрос: Кто должен править? Чья воля должна быть законом?” “Суверенитет – осуществление общей воли, он не может никогда отчуждаться, суверен есть не что иное, как коллективное существо”. Общая воля являет собой волю народа как целого” [58]. “Не князь, – утверждал он, – а народ должен править, не воля одного человека, а воля всех”. При этом под “народом” как единственным сувереном у Руссо имеются ввиду все участники общественного соглашения (т. е. взрослая мужская часть всего населения, всей нации), а не какой-то особый социальный слой общества (низы общества, бедные, “третье сословие”, “трудящиеся” и т. д.). “Таким образом, он изобрел народную, коллективную, или “общую волю”, как он ее назвал” [59]. Воля народа, или верховная воля, является общей по отношению к государству и к правительству. Воля общая, или верховная, должна быть всегда преобладающей, быть единым правилом для всех остальных волеизъявлений.

Руссо придерживался мнения, что “общая воля”, чтобы быть действительно всеобщей, должна “истекать” из всех и уже тогда касаться всех. “Она не может быть представлена другою волею: она есть та же самая воля или совсем иная. Середины нет”. Поэтому избранники (депутаты) народа, по мысли Руссо, не могут быть его представителями, они лишь его уполномоченные и не могут сами ничего окончательно решать. В интересах подлинной демократии, считает Руссо, народу не следует передоверять свои

дела чиновникам, ибо “чем многочисленнее чиновники, тем слабее правительство”. По мнению мыслителя, избранные депутаты наносят известный ущерб прямому народоправству, что неизбежно в многомиллионном государстве. Лучше всего, если бы народ мог собираться на громадной площади наподобие древнеримского форума и “быть так же часто правителем, как и гражданином”. Руссо как убежденный республиканец верит только в коллективную мудрость народа. “Народ – говорит Руссо, – ошибается гораздо меньше в выборе, чем государь”. Но, по мнению Руссо, прямая, а не через делегатов, демократия осуществима только в маленьких государствах-городах.

Закон, по словам Руссо, есть не что иное, как проявление “общей воли”. И естественно, что народ, подчиняющийся законам, должен быть их творцом. Всякий закон, не утвержденный целым народом, – ничто; он – не закон. Подлинный закон есть только объявление всеобщей воли. Отсюда следует, что в отношении законодательной власти народ не может иметь представителя. Он может быть представлен в области исполнительной власти, являющейся силой, приложенной к закону. Но в тот момент, когда народ “законным образом собрался и составил самодержавную совокупность граждан”, прекращается всякая правомочная деятельность правительства, потому что “там, где присутствует сам представляемый, представителей уже не существует”.

По словам Руссо, в “политическом организме различают силу и волю, то есть законодательную власть и исполнительную власть. Ничто в нем не делается без их участия. “Законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему. Исполнительная власть, напротив, не может принадлежать всей массе народа как законодательнице или суверену, так как эта власть выражается лишь в актах частного характера, который вообще не относится к области закона. Сила народа нуждается для себя в таком доверенном лице, которое собирало бы ее и приводило в действие согласно указаниям общей воли, которое служило бы для связи между государством и сувереном. В этом смысл правительства в государстве. Правительство, по мнению Руссо, – “организм, установленный для сношений между подданным и сувереном, уполномоченный приводить в исполнение законы и поддерживать свободу как гражданскую, так и политическую”. Господствующая воля государя, по словам Руссо, является или должна быть общей волей, или законом; его сила – лишь сконцентрированная в нем сила всего народа. Отдельные виды правления в чистом виде не существуют. Единоличному правителю нужны подчиненные ему магистраты; народное правление должно иметь главу – считает Руссо.

В отличие от Монтескье Руссо считал, что “законодательная, исполнительная и судебная власти – особые проявления единой власти народа”. Позже “тезис о единстве власти” использовался разными силами. При этом следует отметить, что “речь идет не только о власти определенной социальной общности, даже если это компромисс различных классов,

совместно осуществляющих политическое господство, политическое руководство обществом, но и об известной степени организационного единства: все органы государства проводят в конечном счете общую политическую линию, определяемую носителем реальной власти и, как правило, строятся по вертикали”.

Для поддержания положений общественного договора и контроля за деятельностью исполнительной власти, по мысли Руссо, периодически должны созываться народные собрания, на которых следует ставить на голосование в отдельности два вопроса: “Первое: угодно ли суверену сохранить настоящую форму правления. Второе: угодно ли народу оставить управление в руках тех, на кого оно в настоящее время возложено”. Народ, по Руссо, имеет право не только изменить форму правления, но и вообще расторгнуть само общественное соглашение и вновь возвратить себе естественную свободу.

Народ, по мнению Руссо, “повинующийся законам, должен быть их творцом”. Законодательную власть Руссо характеризует как “сердце Государства”. “Не законами живо Государство, – пишет он, – а законодательной властью. Но, замечает мыслитель, “слепая толпа, которая часто не знает, чего она хочет, не может сама совершать создание системы законов. Именно частные лица видят благо, которое хочет народ, но не ведают в чем оно. “Народ нуждается в поводырях”. Нужен ум высокий, который видел бы все страсти людей и не испытывал ни одной из них, а именно “законодатель” – во всех отношениях человек необыкновенный в государстве.

По мнению исследователя Зуева В.И. “Ж.-Ж. Руссо создал конструкцию суверенитета, где власть полностью растворена в народе, абсолютна зависима от него, имеет формальный характер не потому, что ею пренебрегают, но что ее указания – это воля народа в ее непосредственном проявлении” [60]. Своим учением о законодательной власти как прерогативе неотчуждаемого народного суверенитета, своей концепцией общественного договора и принципов организации государства Руссо оказал воздействие на последующее развитие государственно-правовой мысли и социально-политической практики. Идеи просветителей были восприняты Великой Французской революцией и в 1789 г. Декларация прав народа провозгласила самодержавие народа (§3 Декларации): “Начало всякой верховной власти пребывает в нации. Никакое учреждение, никакая личность не могут пользоваться властью, которая не истекала бы нарочно для того из нации”.

Кстати, о предпочтительности непосредственной демократии перед представительной говорили и другие философы более поздних времен. Якобинская политическая идеология также не обошла вниманием идеи народовластия. Политико-юридические идеи Ж.-П. Марата и М. Робеспьера являются тому подтверждением. **Жан-Поль Марат** (1743–1793) изложил свои политические взгляды в памфлете “Цепи рабства” (1774 г.), в “Плане уголовного законодательства” (1780 г.) и в “Даре Отечеству”.

В проекте “Декларации прав человека и гражданина” Марат утверждает, что “люди, получив от природы одинаковые права, должны сохранять и в общественном состоянии равенство прав” [61]. А при разумном устройстве общества “члены государства должны пользоваться одинаковыми преимуществами”. Далее философ считает, что нельзя считаться членом государства, если не иметь возможности участвовать в избрании уполномоченных народа, человек становится чуждым отечеству, если не может принимать никакого участия в общественных делах.

По мнению мыслителя, чтобы прийти к “хорошо устроенному государству”, необходимо будет разделить публичную власть между большим числом должностных лиц. Поставленные все как один в зависимость от народа, они должны быть независимыми друг от друга, должны взаимно уравновешивать, умерять и сдерживать друг друга. В каждом благоустроенном государстве, считает Марат, разные власти должны находиться в различных руках, а именно законодательная власть, исполнительная и судебная власть [62].

В “хорошо устроенном государстве” высшая власть, по убеждению Марата, принадлежит всему народу в целом, “именно народ является истинным источником всякой законной власти”. Или сувереном государства является народ в лице своих представителей-депутатов [63].

“Народ в лице своих представителей, являясь законным сувереном и верховным законодателем, один должен вырабатывать основные законы государства, вносить изменения в конституцию и следить за сохранностью своего творения. Это перед нею, следовательно, должны нести ответственность министры: министр иностранных дел – за заключение договоров и союзов, противных общественному благу; военный и морской – за военные действия, опасные для общественной свободы; министр финансов – за растрату общественных средств; министр внутренних дел – за государственные перевороты” [64]. По мнению Марата, “нации надлежит требовать удовлетворения народных жалоб, отставки неспособных министров, наказания министров. Ей самой принадлежит право определять предмет своих занятий и порядок своих заседаний”.

Народ один (сам или через своих представителей) – суверен и верховный законодатель. Сам народ следит за исправным выполнением своих же законов. Там, где народ – суверен, достижимо и народное благополучие. Для благополучия народа требуются три вещи: “подданным – священные права; государству – непреложные законы; правительству – неодолимые пределы власти” [65]. Добиться всего этого, по мнению Марата, можно, “если народу будет принадлежать власть исправлять существующие недостатки, если сама она будет заботиться о сохранении своего спокойствия”. Согласно Марату, именно осуществление прав подданных должно составлять цель политического сообщества.

По мнению Марата, власть народа более осуществима и “естественна для малых государств, свобода наиболее полная находит в них свое

торжество”. “В государстве малом должностные лица присматривают за народом, а народ – за должностными лицами” [66]. Народ в связи с увеличением государства “действует через своих представителей и вверяет суверенное могущество своим уполномоченным”. “Дело народа – избирать своих представителей, он должен при этом быть вполне свободным в своем выборе, определяемом лишь добродетелями и знаниями”.

Представители народа, считает Марат, “суть члены законодательного собрания, а не вершители законодательства: будучи хранителями гражданских прав, они должны всегда защищать эти права, но никогда не нападать на них”. Это народу надлежит утверждать законы, принятые его представителями. Таким образом, заключает философ, “при безграничных полномочиях для удовлетворения общественных жалоб, полномочия их в области законодательства должны быть весьма ограниченными” [67]. Народ, предоставляя полную свободу действий своим депутатам, должен “оставить за собой средство, в случае их злоупотребления своими полномочиями, лишить их своего доверия и обуздать”. Народ, который является подлинным сувереном государства, единственным источником власти, по мнению Марата, “имеет власть аннулировать декреты, умаляющие его права и права его членов” [68].

Во взглядах Марата совмещаются концепция народного суверенитета, защита прав человека, критика произвола с идеями единовластного диктатора и беспощадного террора в условиях революции.

Симбиоз либерально-демократических и авторитарных идей был присущ целому ряду политических доктрин эпохи Великой французской революции. Одна из них принадлежит идеологу якобинского движения **Максимилиану Робеспьеру** (1758–1794). Рассмотрение идеи народовластия, положения о государственной власти представлено у Робеспьера в его знаменитых речах “О Конституции”, “О принципах революционного правления”, “О принципах политической морали”.

Согласно Робеспьеру, три начала должны лежать в основе политического союза. Первое – охрана и обеспечение естественных прав гражданина, развитие всех его способностей. Второе – право каждого гражданина на участие в законодательстве и управлении, обусловленное естественным равенством и прирожденной свободой людей. Третье – верховенство власти народа в государстве. Народ в любой ситуации правомочен сам решать свою судьбу. По мнению Робеспьера, “если один из членов общества подвергается угнетению, то налицо угнетение всего общества. Если общество подвергается угнетению, то налицо угнетение каждого члена общества. Право на сопротивление угнетению есть следствие из других прав человека”.

В речи “О Конституции” Робеспьер призывает Конвент осуществить разделение власти, отделить законодательные учреждения от административного аппарата, предусмотреть сокращение сроков полномочий всех должностных лиц (особенно тех, кто обладает широкими

прерогативами), поставить этих лиц в действительную зависимость от суверена, то есть от народа, а не отдельных персон.

В период эпохи Просвещения формируется противоположный взгляд на идею народовластия. Тут возникает вопрос: что явилось причиной появления критики идеи народовластия? Как видим, все ученые в той или иной степени со времен античности выступали за несомненное признание народа как источника власти. Одним из представителей французского Просвещения, выступавшим против идеи народовластия, был Поль Анри Гольбах (1723–1789). Гольбах, как и многие другие французские просветители (Гельвеций), не сумели окончательно отбросить утопический идеал “просвещенного монарха”, оберегающего интересы всего народа, служащего народу, добровольно отказывающегося от части своей суверенной воли.

В своем произведении “Естественная политика” Гольбах неоднократно констатирует, что народ – самая многочисленная часть общества, что он составляет основу нации, создает все материальные блага, своим тяжким трудом обеспечивает защиту страны от иноземного нашествия, в нем заключена вся сила общества [69]. Вместе с тем Гольбах высказывает свое мнение на роль народа в политической жизни общества, на его участие в государственном управлении. В “Естественной политике и в других произведениях философ не скрывает своего отрицательного отношения к народоправию, к сосредоточению власти непосредственно в руках народа. Гольбах, в отличие от Руссо, с нескрываемым чувством настороженности и опасения относится к власти, которая была бы властью самого народа. Симпатии Гольбаха – на стороне конституционной монархии, которая, по его мнению, способна наиболее эффективно и в строгом соответствии с законами управлять обществом людей с противоречивыми интересами.

Итак, в эпоху Просвещения на смену античному пониманию демократии как прямому народоправству утверждалась идея представительной демократии. Развитие такой формы демократии осуществлялось по двум направлениям:

- 1) расширение избирательных прав от сословных до всеобщих;
- 2) увеличение числа представительных органов от двух законодательных палат парламента до множества местных органов управления. В это же время создавалась система гарантий демократии. Важнейшей гарантией стал процесс формирования гражданского общества и правового государства в ряде стран Европы. Новое время дало отличную от античности теорию демократии, пригодную для больших национальных государств, которые стали возникать в XVI–XVIII вв. Но, тем не менее, многие идеи античных мыслителей были востребованы западными учеными-теоретиками в тот период.

Философы, чьи труды, на наш взгляд, необходимо рассмотреть применительно к идее народовластия — это представители немецкой классической философии И. Кант, Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегель. В трудах

Иммануила Канта (1724–1804), таких как “Идеи всеобщей истории с космополитической точки зрения”, “К вечному миру”, “Метафизические начала учения о праве”, содержатся идеи народовластия, призыв к раскрепощению человеческих умов с целью обеспечения самостоятельности мысли “относительно лучшего составления законодательства” и права личности “откровенно критиковать существующее законодательство”.

И. Кант вкладывает специфическое содержание в понятие «демократия». По его мнению, демократия не может рассматриваться как разновидность республики. «Всякая истинная республика есть и не может быть ничем иным, как представительной системой народа, дабы от имени народа путем объединения всех граждан обеспечить их права через посредство их уполномоченных (депутатов). Но коль скоро глава государства как лицо (будь то король, дворянство или вся масса народа, демократический союз) также может быть кем-то представлен, то объединенный народ не только представляет суверена, но и сам есть суверен: ведь именно у него (у народа) в руках первоначально находится власть, производными от которой должны быть все права отдельных лиц просто как подданных» [70]. Таким образом, по Канту, народ властвует не сам по себе, а объединяясь в республику, в представительное учреждение, которое не только представляет суверена, но и само есть суверен. Отсюда правомерность подчинения воли народа суверенной воле объединенного народа. И неправомерны никакие действия народа, помимо действий через представительное учреждение, что означает отрицание непосредственного народовластия и право народа на восстание против существующего строя. Кант признает допустимой свободу печатного слова в рамках глубокого уважения и любви к своему государственному устройству в качестве «негативного права» народа лишь судить о том, что в высшем законодательном органе можно было бы рассматривать как не согласующееся с его самой доброй волей по принципу: «Чего народ не может решить относительно самого себя, того и законодатель не может решить относительно народа».

Демократия, по мнению Канта, одна из форм государства наряду с монархией и автократией, но, в отличие от них, является самой сложной, поскольку она должна сначала объединить волю всех, чтобы из этого образовать народ, затем – волю граждан, чтобы образовать общность, и, наконец, поставить во главе этой общности суверена, который и есть сама эта объединенная воля [71]. Республиканская форма правления основана на отделении исполнительной власти от законодательной. Соединение этих властей неизбежно порождает деспотизм. Поэтому из трех форм государства демократия в собственном смысле слова неизбежно есть деспотизм. Всякая непредставительная форма правления есть, в сущности, отсутствие формы, так как законодательная и исполнительная власть не могут совместиться в одном лице [72].

По мнению Канта, центральным институтом публичного права является прерогатива народа требовать своего участия в установлении

правопорядка путем принятия конституции, выражающей его волю. По существу, это демократическая идея народного суверенитета. Одна из ее составляющих – мысль о том, что каждый индивид сам знает, какими должны были бы быть акции власти по его делу, и способен самостоятельно определить их требуемое содержание. Верховенство народа, провозглашаемое Кантом, обуславливает свободу, равенство и независимость всех граждан в государстве. Выдвинув принцип суверенитета народа, Кант заверяет, что он вовсе не говорит о широкой, неурезанной демократии. В подтверждение этого Кант предлагает разделить всех граждан на активных и пассивных (лишенных избирательного права). К последним философ относит низы общества.

Хотя Кант и выдвинул положение о суверенитете народа, он опасался того, чтобы из этого положения не были сделаны крайние практические выводы. Исходя из этого, Кант накладывает вето на право народа обсуждать вопрос о происхождении власти. “Каково бы ни было происхождение верховной власти, предшествовал ли ей договор о подчинении или же власть явилась сначала, а затем уже установился закон, – для народа, который находится под властью гражданского закона, все это бесцельные и угрожающие опасностью государству рассуждения. Закон, который столь священен, что было бы преступлением хотя бы на мгновение подвергать его сомнению, представляется исходящим не от людей, а от высшего законодателя. Таково именно значение положения: “Всякая власть происходит от Бога. Существующей законодательной власти следует повиноваться, каково бы ни было ее происхождение”.

Идею разделения властей Кант не стал толковать как идею равновесия властей. По его мнению, всякое государство имеет три власти: законодательную, принадлежащую только суверенной “коллективной воле народа”; исполнительную, сосредоточенную у законного правителя и подчиненную законодательной, верховной власти; судебную, назначаемую властью исполнительной. Согласие этих трех властей способно предотвратить деспотизм и гарантировать благоденствие государства.

Кант подчеркивает необходимость свободы “публичного пользования своим разумом”, имея в виду беспрепятственное высказывание своих взглядов перед другими людьми, в результате этого “народ становится постепенно более способным к свободе действий”, а правительство находит “для самого себя полезным обращаться с человеком, который есть нечто большее, чем машина, сообразно его достоинству”.

Впрочем, Кант не призывает к прямому участию граждан в делах государства, он лишь проводит мысль о том, что наилучшим образом принципы республиканского правления могут быть осуществлены в государстве, возглавляемом монархом, который руководствуется той общей волей граждан государства, которую должным образом выражают философы. По Канту, именно философы, а не избираемые населением делегаты, являются подлинными представителями народа перед государственной

властью. Причем республиканское правление у Канта не тождественно демократии, которая наряду с самодержавием и аристократией чревата деспотизмом и противозаконным использованием власти. Кант оспаривает право народа наказывать главу государства, если даже тот нарушает свой долг перед страной.

Обратившись к работам немецкого мыслителя **Иоганна Готлиба Фихте** (1762–1814), мы увидим, что он убежденно отстаивал идею верховенства народа: “... народ и в действительности, и по праву есть высшая власть, над которой нет никакой иной и которая является источником всякой другой власти, будучи сама ответственна лишь перед Богом”. Фихте также утверждал, что “перед лицом собрания народа исполнительная власть теряет свою силу фактически и юридически”. Отсюда категорический вывод о безусловном праве народа на любое изменение неугодного ему государственного строя, о праве народа в целом на революцию.

Общая воля народа составляет стержень законодательства и определяет границы влияния государства. Если исполнительная власть в данной ситуации будет противодействовать народу, то он имеет право свергнуть ее вооруженным путем, и это действие нельзя квалифицировать как бунт – оно есть восстановление права. То есть право народа участвовать в управлении делами своего государства – безусловное и неотъемлемое право, проистекающее из первичности народного суверенитета по отношению к суверенитету государственному. Чтобы народный суверенитет был осуществлен и правительство строго подчинялось закону, Фихте предлагает учредить эфорат – постоянную контрольную, надзирающую власть, представители которой – эфоры – избираются самим народом. Эфоры могут приостанавливать действия исполнительной власти, если усмотрят в них угрозу правопорядку. Окончательную оценку действиям правительства дает народ. Позднее Фихте признал идею создания эфората нереалистичной.

Гегель защищал другую точку зрения. Согласно Гегелю, из всех политических форм государства нравственная идея получает полное развитие только в конституционной монархии. Доступ к государственным должностям при такой форме правления открыт каждому гражданину, но умение и пригодность являются необходимыми условиями” [73].

Однако, по мнению Гегеля, при такой организации исполнительной власти возможны злоупотребления, а также бюрократизация управления. Известным противовесом этому служит именно государственная иерархия, контроль сверху за деятельностью чиновников, права общин. В частности, по словам Гегеля, “обеспечение государства и управляемых против злоупотребления властью со стороны ведомств и их чиновников заключается, с одной стороны, непосредственно в их иерархии и ответственности и, с другой стороны, в правах общин, корпораций, посредством которых сами собой ставятся помехи примешиванию субъективного произвола в доверенную чиновнику власть, и контроль

сверху, оказывающийся недостаточным по отношению к отдельным случаям такого или другого обращения, дополняется контролем снизу” [74].

Таким образом, в противовес учению Руссо о народном суверенитете, воспринятому Фихте, он выдвинул идею о монархе как носителе государственного суверенитета, отрицая суверенитет народный. Гегель обосновывал это тем, что “народ, взятый без своего монарха... есть бесформенная масса, уже больше не представляющая собою государства” и потому вообще не обладающая суверенитетом [75].

В работе “Философия истории” позиция Гегеля относительно демократии как формы правления отчетливо выявляется из его отношения к наиболее значительным событиям того времени. Одним из таких событий была Французская буржуазная революция. В ходе революции Гегель усматривает доказательство того, что в его время невозможна демократическая форма правления. К кому перешло управление? – задает он вопрос и отвечает: “В теории оно перешло к народу, а фактически – к национальному конвенту и к его комитетам”. [76]. Примечательно, что Гегель считал несостоятельным принцип представительства большинства меньшинством. “Немногие должны быть представителями многих, но часто они оказываются только их притеснителями”, – заключает он [77]. Характерно, что, по мнению Гегеля, намерение создать для народа совершенно новое государственное устройство, претендующее на разумность, – “праздная выдумка”, обреченная на провал. Хотя стоит заметить, что Гегель высоко ценил творческую роль народа в ходе исторического развития. Вместе с тем считая деятельность народа “неосознанной”. Например, рассматривая законодательную власть, Гегель отвергает мнение, согласно которому эта власть должна выражать интересы народа. Народ, говорит Гегель, наименее знает, что он хочет. “Знание того, чего хочешь, и, тем более, того, чего хочет в себе и для себя сущая воля, разум, есть плод глубокого познания и проникновения, которое именно и не есть дело народа” [78]. Таким образом, Гегель не признавал за народом права определять законодательное изменение социально-политического строя. Вместо народного представительства Гегель предлагает представительство сословий. В этом он видит гарантию всеобщей свободы. Законодательная власть, по Гегелю, распадается на два сословных элемента, на две формы представительства в законодательных органах, из которого одна служит примиряющим звеном между монархом и гражданским обществом или народом, а другая – между исполнительной властью и народом.

Более целесообразным Гегель считал (учитывая стремление народных масс к участию в политической жизни, уже не поддающееся подавлению): Во-первых, информировать граждан через прессу о том, как проходит в сословных собраниях обсуждение государственных дел, так как это поможет “общественному мнению приходить к истинным мыслям”, “вникнуть в состояние и понятие государства”. Во-вторых, развивать общественное мнение и сделать возможным публичное выражение его через прессу, так как

“общественное мнение есть неорганический способ обнаружения того, чего народ хочет и что он думает”. Это исходит из того, что (как указывал Гегель в §308 своей “Философии права”) “все в отдельности должны лично участвовать в обсуждении и решении общих государственных дел, поскольку все они – члены общества, и дела государства — это дела всех”. Все имеют право оказывать влияние на их решение своим разумом и волей.

В записях лекций Гегеля, осуществленных его студентами и опубликованных в качестве приложения к “Философии права”, можно встретить и следующие утверждения по данному вопросу: “Народ — это общее выражение, заключающее в себя все, но под этим выражением охотно понимают толпу... Можно называть государство и народом, но часть суверенитета приписывают народу, противопоставляя его правительству”.

Далее в лекции Гегеля рассматриваются два положения:

1. Народ лучше всех знает, в чем заключается его благо, в чем заключается благо государства, ведь это дело каждого, и каждый знает это лучше всего.

2. Народу необходимым образом присуще и наибольшее желание осуществлять требование, что никто не относится к другому лучше, чем к себе самому.

Гегель же резюмирует: “Первое представление совершенно неверно, то же можно сказать и о втором”. Неверно, считает Гегель, что народ знает, что для него является наилучшим или даже хочет этого. Индивидуум редко знает, чего он на самом деле хочет, понимание этого не свойственно народу. Таким образом, Гегель считает непосредственное участие народа в управлении государством недостижимым в силу самих свойств этого народа. По его утверждению, в новое время демократия просто невозможна.

В 1861 г. **Джон Стюарт Милль** писал: “Очевидно, что единственное правление, в полной мере способное удовлетворить требованиям социального государства, – это правление, в котором участвует весь народ; что всякое участие народа в исполнении даже самых малозначительных общественных обязанностей полезно, и что это участие повсеместно должно быть настолько массовым, насколько допускает общий уровень самосознания данной общности, и что нет ничего более желательного, чем разделение между всеми высшей власти в государстве. Но поскольку все граждане общины, превосходящей своими размерами один небольшой город, могут принимать личное участие лишь в ничтожно малой толике общественных дел, то идеальным типом совершенного правительства является представительное правительство” [79].

В своем труде “Размышления о представительном правлении” Милль рассуждает о лучшем образе народного правления. По его мнению, “идеально лучший образ народного правления будет такой, в котором верховная власть, или право государственного контроля, принадлежит всему обществу, в котором каждый гражданин не только имеет голос в управлении, но может еще участвовать в действительном управлении страны, лично

отправляя различные общественные должности, местные или государственные” [80]. Милль считает, что народное правление превосходно удовлетворяет необходимым условиям хорошего правления (способствует хорошему ведению общественных дел посредством существующих в обществе нравственных, умственных и деятельных сил). При этом весь народ должен участвовать в представительном правлении. По словам Милля, “форма народного правления, которая может вполне удовлетворить всем требованиям гражданских обществ, есть та, где весь народ допускается к участию в управлении; что всякое участие, даже в самых мелких общественных должностях, благотворно; что участие народа в управлении должно быть так велико, как только позволяет степень развития всего общества, и в будущем нельзя желать ничего более для народного правления, как участие в нем всего народа”.

Но так как в стране, превосходящей размерами один маленький город, каждый может лично участвовать только в самой незначительной доли управления, то, считает Милль, идеально лучший образ народного правления есть правление представительное” [81]. Чем менее развит народ, тем менее будет к нему прикладываться эта форма, считает Милль. Представительная форма, по мнению мыслителя, считается неудовлетворительной в случае отсутствия для нее “прочного существования”, “трех условий”: 1) если народ не согласен ее принять, 2) если народ не имеет желание и способность совершить все необходимое для ее сохранения, 3) если народ не имеет желания и способности выполнять обязательства и обязанности, которые она на него налагает [82]. Исполнительная власть должна находиться “в прямом соприкосновении с народом”, другие власти предназначены для удержания исполнительной власти в границах. Сущность представительного правления состоит в том, что весь народ или значительная его доля посредством своих депутатов, избираемых периодически, держит в руках высшую власть контроля, которая во всяком конституционном устройстве должна принадлежать кому-нибудь. Народные депутаты должны обладать этой властью во всей ее полноте [83]. Назначение депутатов – “указывать нужды и требования народа, обсуждать политические вопросы, подвергать контролю действия и общественных деятелей. Назначение представительного Собрания, по мнению Милля, “не управление государством, а проверка этого управления; оно обязано проливать на него свет гласности, в случае, если лица, составляющие правительство, не заслуживают доверия, или действия их не совпадают с желаниями нации, оно обязано удалять эти лица от должностей. В этом гарантии для свободы нации. Парламент имеет и другое назначение – “он в одно время есть Комитет национального недовольства и представитель национальных убеждений”.

Милль считает, что если под словом “демократия” подразумевать правление численного большинства, то весьма может случиться, что верховная власть будет действовать под влиянием частных или сословных интересов, заставляющих принять образ действий, несовместимый с общими

выгодами всех граждан” [84]. Опасности представительной демократии бывают двух родов: во-первых, опасность низкой степени умственного развития в представительном Собрании и во мнении народа, который его контролирует; и во-вторых, опасность сословного законодательства, если законы вотируются численным большинством, состоящим из людей, принадлежащих к одному сословию.

В понятии о демократии есть две различные идеи. Чистая ее идея состоит в том, что весь народ управляется всем народом посредством равномерного представительства. Демократия в понятии и на деле была правительством, где целый народ управлялся представителями одного только большинства этого народа. Первая идея есть синоним равноправности всех граждан. Вторая идея – есть привилегия в пользу численного большинства, которое одно владеет голосом на деле. Это есть следствие существующего порядка голосования – меньшинство на практике необходимо остается лишенным участия в управлении.

В равноправной демократии большинство народа, через своих представителей, должно одерживать верх над меньшинством. Большинство избирателей должно иметь и большинство представителей, но и меньшинство избирателей должно иметь своих. Пропорционально они должны иметь такое же представительство, как и большинство. Если же они его не имеют, то равноправность не существует, а есть неравноправность и привилегия: одна часть народа правит другой; у этой части отнята доля в управлении, что противно принципу демократии. Власть достается большинству большинства, а оно может составлять и часто составляет только меньшинство целого [85]. Таким образом, истинная представительная демократия, где представительством пользуются все, а не одно только большинство; где интересы и мнения меньшинства, хотя и должны уступать численному большинству, но тем не менее будут выслушаны; которая обуславливает равенство, беспристрастие и управление всех всеми” [86]. В демократическом правлении, по мнению Милля, нужна сторона, противодействующая демократии. В качестве такой стороны может выступить вторая палата Парламента. Одна палата будет народной, другая должна быть палатой государственных людей, Советом, составленным из всех общественных деятелей. Власть, сдерживающая народ, находилась бы в руках у людей наиболее способных [87]. Однако, считает Милль, характер представительного правления определяется все-таки устройством народной Палаты.

Милль считает, что важное условие для хорошего управления при народном правительстве заключается в том, чтобы лица, которым поручается исполнительная власть, не назначались по народному избранию, ни самим народом, ни через его представителей. Для управления нужны особые способности, оценить их могут только люди, которые сами обладают ими. Найти людей способных к занятию общественных должностей – задача весьма трудная и требует тонкой разборчивости [88]. Участие народа в

судебной деятельности, по мнению Милля, имеет громадное значение. Народ должен участвовать и принимать на себя некоторую долю судебных обязанностей в качестве присяжных. Это один из тех немногих случаев в политике, когда народу лучше действовать прямо и лично самому, нежели посредством представителей. Это может быть единственный случай, где обществу легче переносить ошибки должностного лица, чем последствия его ответственности за эти ошибки [89]. Люди массы имеют еще одну возможность лично участвовать в ведении дел, касающихся целого общества, считает Милль. При местном представительстве, кроме участия в избрании представителей, многие из граждан могут быть избраны в представители и сами, а многие могут, по выбору или по очереди, занимать ту или другую из многочисленных местных административных должностей [90].

Одним из создателей теории демократии Нового времени стал французский социолог, историк и политический деятель **Алексис де Токвиль** (1805–1859). Он изложил свою теорию в работе “О демократии в Америке”, написанной после его путешествия по Соединенным Штатам в 1832 г. Изучая политический опыт США, А. Токвиль сделал ряд важных выводов и высказал немало интересных мыслей по поводу демократической формы правления и осуществления народовластия. По его мнению, “принцип народовластия в той или иной степени всегда заложен в основу любых общественных институтов, но обычно почти невидим”. Там, “где господствует принцип народовластия, каждый человек обладает равной долей этой власти и каждый в одинаковой степени участвует в управлении государством” [91].

Действительность Америки послужила фоном изложения и представила собой общую характеристику общества, основанного на равенстве граждан. Америка, по мнению Токвиля, это та страна, “в которой можно по достоинству оценить принцип народовластия, где можно изучить его в применении к общественной деятельности и судить как о его преимуществах, так и о его недостатках” [92]. Принцип народовластия, действующий в Америке, заключается, по мнению автора, в следующем: “общество действует вполне самостоятельно, управляя само собой. Власть исходит исключительно от него. Народ участвует в составлении законов, выбирая законодателей; участвует в претворении этих законов в жизнь – путем избрания представителей исполнительной власти. Народ сам управляет страной, ибо права, предоставленные правительству, весьма незначительны и ограничены; правительство постоянно чувствует свою связь с народом и повинуетя. Народ властвует в мире американской политики, словно Господь Бог во Вселенной. Он – начало и конец всему сущему; все исходит от него и все возвращается к нему” [92]. Подтверждением, что именно народ в Америке управляет страной, является следующее: народ сам выбирает тех, кто создает законы, и тех, кто их исполняет; он же избирает суд присяжных, который наказывает нарушителей закона. Все государственные институты не только формируются, но и функционируют на

демократических принципах. Например, народ прямым голосованием избирает своих представителей в органы власти и делает это ежегодно, чтобы его избранные находились в полной зависимости от народа. Таким образом, государственное правление имеет представительную форму. В Соединенных Штатах, замечает Токвиль, как во всякой стране, где существует народовластие, страной от имени народа управляет большинство. “Основной демократических форм правления является безраздельная власть большинства, так как, кроме него, в демократических государствах нет ничего постоянного. Из всех видов политической власти законодательная власть лучше всего поддается воле большинства. Например, “по воле американцев ее представители избираются непосредственно народом и на очень короткий срок. Это принуждает их выражать не только основополагающие взгляды своих избирателей, но также их преходящие страсти”.

Токвиль, утверждая, что “вся англоамериканская политическая система построена на принципе народовластия”, стремится показать “все новые и новые сферы приложения этой доктрины”. По его мнению, именно местные институты власти способны претворить принципы народовластия. Местные институты власти, утверждает Токвиль, приносят пользу всем народам, однако “никто не испытывает в них большей нужды, чем народ, живущий при демократическом общественном строе”. Поскольку демократическое государство, не имеющее местных институтов власти, совершенно не гарантировано от деспотизма. “Научить массу людей пользоваться свободой в больших делах невозможно, когда они не привыкли к ней в малых”, – считает автор.

На примере системы управления штата, жизнь которого сосредоточена в трех основных центрах (община – округ – штат), Токвиль попытался продемонстрировать осуществление принципов народовластия через местные институты власти. В общине законодательная и исполнительная власти максимально приближены к населению, а принцип представительства совершенно не используется. “Корпус избирателей после назначения должностных лиц общины сам направляет их деятельность во всем, что подчинено законам штата, которые исполняются общинными властями прямо и безоговорочно”. По словам Токвиля, “независимость общины в Соединенных Штатах логически вытекает из самого принципа народовластия, а все американские республики в той или иной степени признают эту независимость”. В тех штатах, “где люди менее образованны и, следовательно, община в целом менее способна к разумным действиям, у нее меньше возможностей обеспечить надлежащее управление”, роль переходит к округу – крупной административной единице, “власти которой становятся промежуточным звеном между правительством штата и простыми гражданами”. Жители каждого округа выбирают определенное количество депутатов, из которых формируется представительный орган – совет округа.

Таким образом, “в обязанности и общины, и округа входит обеспечение своих собственных интересов. Штат правит, но не управляет”.

Для демонстрации практического осуществления принципов народовластия Токвиль останавливается и на описании штата, и его правительства. Законодательная власть штата вверена двум палатам. Первая из них называется сенатом. Сенат – законодательный орган, отличается от палаты представителей принципом представительства и порядком избрания, продолжительностью срока полномочий сенаторов и сущностью самих полномочий. Палата представителей избирается народом, сенат – законодательным собранием штата. Палата представителей имеет законодательные функции, срок полномочий членов палаты представителей – два года, сенаторы получают свои мандаты на шесть лет. Палата представителей формируется в результате прямых выборов, а выборы в сенат – двухступенчатые, т. е. сенаторы избираются в два тура. При этом все граждане каждого штата всеобщим голосованием избирают законодательные органы штата. По федеральной конституции эти законодательные органы представляют собой избирательный корпус, и уже из его депутатов избираются члены сената. “Люди, избранные таким путем, всегда точно представляют большинство народа, который управляет”. Токвиль видит “в двухступенчатой системе выборов единственное средство сделать политическую свободу доступной для всех классов народа” [93].

В целом принцип народовластия стал, по мнению Токвиля, преобладающим при образовании палаты представителей, а принцип независимости штатов – при формировании сената. Например, каждый штат имеет право направлять в конгресс двух сенаторов и определенное число членов палаты представителей, пропорциональное численности населения данного штата”.

Кроме достоинств А. Токвиль отметил и слабые стороны демократии, ее некоторое несовершенство. По его утверждению, недостатки демократической формы правления “растут по мере усиления власти большинства”. Всевластие “само по себе дурно и опасно”, оно приводит к зарождению тирании. Существованию демократии угрожают две основные опасности: “первая заключается в полном подчинении законодательной власти волеизъявлениям массы избирателей. Вторая состоит в концентрации в законодательных органах всех прочих видов правительственной власти”.

Существует еще одна причина неспособности демократического правительства. Токвиль считает, что “народ не только видит менее ясно, чем высшие классы, на что можно надеяться или чего следует опасаться в будущем”, но он к тому же не так, как они, переживает беды сегодняшнего дня. Народ больше обходится чувствами, нежели разумом. В этом случае “один человек лучше может справиться с государственным правлением, чем весь народ при условии, что культурный уровень правителя и народа равен”. Один человек управляет государством более последовательно, чем весь

народ, он “более настойчив, лучше видит целое и более тщателен в деталях, с большим знанием дела подбирает себе помощников”.

В заключение, рассуждая о демократии и принципах народовластия, Токвиль говорит о том, что “если нам не удастся постепенно ввести и укрепить демократические институты и если мы откажемся от мысли о необходимости привить всем гражданам идеи и чувства, которые подготовят их к свободе и позволят ей пользоваться, то никто не будет свободен – ни буржуазия, ни аристократия, ни богатые, ни бедные. Все в равной мере попадут под гнет тирании. Если мы не сумеем установить мирную власть большинства, то все мы рано или поздно окажемся под неограниченной властью одного человека” [94]. Таким образом, рассмотрев взгляды А. Токвиля относительно демократической формы правления и концепции народовластия, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, утверждение демократии он рассматривал как мировую тенденцию, вызванную утверждением социального равенства и упадком аристократии. Во-вторых, А. Токвиль – явный сторонник концепции и принципов народовластия. Сама сущность демократического правления представляет для него “верховенство большинства”. Именно демократия способствует благополучию наибольшего числа граждан, обеспечивает политическую свободу и широкое участие масс в управлении. В-третьих, кроме достоинств А. Токвиль отметил и слабые стороны идеи народовластия, ее некоторое несовершенство и прежде всего то, что она, как и другие формы правления, не застрахована от угрозы индивидуализма, проявлением которого выступают эгоизм, политическая апатия граждан, их растущее безразличие к общественным проблемам.

80-е годы XVIII столетия в конституционной истории США – годы поисков новых конституционных принципов и форм. Одной из наиболее острых и сложных проблем было определение природы складывавшейся в Америке после войны за независимость системы представительного правления. Взгляды Руссо и Монтескье нашли свое наиболее полное и последовательное отражение в Конституции США 1787 г. Преамбула к этому документу гласит: “Мы, народ Соединенных Штатов...”, отражая тем самым то, что народ является единственным источником власти [95]. Однако отцы-основатели американского государства и авторы Конституции США не предусматривали необходимость непосредственного прямого контроля граждан за осуществлением важных направлений политики или выбором главы исполнительной власти. Признавая идею народного суверенитета (она означает, что народ – единственный источник политической власти), считая выборы наиболее эффективным способом формирования властных институтов, создатели конституции не доверяли избирателям и боялись взрыва “народных страстей”.

Наряду с утверждением единства источника власти в Конституции США проводилось очень четкое организационно-правовое разделение властей. Также в этом документе нашла свое отражение система сдержек и

противовесов: были предусмотрены и процедура импичмента, и отлагательное вето президента, и многие другие институты, которые являются составной частью современного права. Джеймс Медисон – четвертый президент США, игравший значительную роль в создании Конституции, утверждал: “Концентрацию всей власти – законодательной, исполнительной и юридической – в одних руках... можно с полным правом считать определением тирании” [96].

Имелись разные представления о природе и назначении этой системы после обретения независимости. Хотя все американцы считали себя республиканцами и исходили из идеи народного суверенитета, они по-разному интерпретировали республиканизм, конституционные формы политической жизни.

Для некоторых республиканизм означал полный разрыв с принципами “смешанного правления”. По мнению сторонников такой точки зрения, победа американской революции означала установление именно народного правления, исключающего какое-либо участие аристократии в политической власти. Они представляли себе народ как однородную массу, объединенную общностью интересов, стремлением к общему благу, и поэтому категорически отвергали идею “верхней палаты” как органа представительства аристократии, равно как и единоличную исполнительную власть, напоминавшую монархическую прерогативу.

Американские республиканцы в большинстве случаев верили в универсальность модели “смешанного правления”. При этом даже такие демократы, как Томас Джефферсон, исходили из идеи существования во всяком обществе своей естественной аристократии, интересы которой должны быть представлены особой палатой. Творчество таких американских ученых, как Дж. Адамс и А. Гамильтон, отличается политическим консерватизмом в подходах к анализу обустройства не только системы государственной власти, но и общества, и государства в целом, а также в подходах к концепции народовластия. Конституционная реформа 1787 г. с ярко выраженным консервативным характером – тому подтверждение. А. Гамильтон замечал: “Говорят, что голос народа – глас божий; но хотя это изречение многими цитируется и принимается на веру, на самом деле оно неверно. Народ обладает буйным нравом и непостоянством; он редко способен судить и решать правильно”.

Критика идеи народовластия содержится и в трудах видного идеолога “смешанного правления” в Америке 80-х годов XVIII столетия, известного бостонского адвоката, автора конституции Массачусетса 1780 г. и будущего президента США **Джона Адамса** (1735–1826).

Всякая попытка установить народовластие, по мнению Адамса, объективно ведет к утверждению тирании: “В действительности слово “демократия” означает всего лишь народ, не имеющий никакого правительства, живущий в период, когда еще нет никакой конституции”. Выдвигая на первый план анархические черты народовластия, Адамс

предупреждал соотечественников, что демократия в своих радикальных проявлениях политически опасна, поскольку неизбежно приводит общество к социальному суициду: “Демократия никогда не была и не может быть столь же желательна, как аристократия или монархия, но пока она существует, она проливает больше крови, чем две последние. Помните, демократия всегда недолговечна. Она вскоре исчерпывает, истощает и убивает себя. Никогда еще не существовало демократии, не совершившей самоубийства” [97].

Причины неустойчивости демократии он видит в том, что все члены общества не способны одновременно участвовать в управлении государством: “Утверждение, будто люди – лучшие хранители своих вольностей, неверно. Они худшие их хранители, они вообще не умеют их беречь. Они не могут ни судить, ни действовать, ни думать, ни выражать свою волю, выступая в качестве политического целого. Отдельные личности обуздывали самих себя, народы и большие группы людей – никогда”.

Отвергая идею народовластия как вредную для общества мифологему, Адамс вместе с тем отстаивает концепцию республиканского обустройства американского общества. “Само слово “республика”, – цитирует он Цицерона, – означает, что собственность народа должна быть представлена в законодательном собрании и должна устанавливать господство справедливости”.

Демократия, по мнению Адамса, так же, как и другие классические формы правления – монархия, аристократия, со временем перерастает в деспотию. Поэтому его идеалом является смешанная форма правления, образующая баланс трех структурных элементов: исполнительной власти, верхней палаты парламента (аристократии) и нижней палаты (представителей). Согласно Адамсу, и богатые, и бедные должны иметь возможность защищать свои интересы: первые – собственность, вторые – свободу. “Но ни богатые, ни бедные не могут быть защищены одними своими представителями в соответствующих палатах. Такая защита может быть обеспечена только исполнительной властью, наделенной правом абсолютного вето на решения обеих палат и способной выступить в роли арбитра, когда они не могут прийти к соглашению” [98].

Допуская главу исполнительной власти в осуществление законодательной прерогативы, Адамс сознательно настаивал на необходимости такого смешения властей в лице “монарха”. Баланс может быть обеспечен только путем деления суверенитета между монархией, аристократией и демократией. При таком условии каждая из них сможет сдерживать амбиции другой: “власть должна действовать против власти”. При этом монарх, по схеме Адамса, нужен, прежде всего, как противовес амбиции аристократии в пользу народной свободы.

Адамс считал, что Конституция США 1787 г. не обеспечивала необходимого баланса в делении суверенитета (т. е. законодательной власти). В то время как сенат и палата представителей равны по своим полномочиям, третья правительственная власть, президент, не равна ни

“аристократической”, ни “демократической” ветвям и поэтому неизбежно будет слабеть, в то время как две другие – усиливаться. Кроме того, “аристократическая власть” (сенат) сильнее и “монархической” (президент), и “демократической” (палата представителей) и, в конце концов “проглотит их”.

В целом концепция Адамса о “смешанном”, сбалансированном правлении защищала двухпалатную систему (бикамерализм), критиковала однопалатную ассамблею и фиксировала объективную закономерность олигархического перерождения народного правления в случае концентрации власти в одном представительном собрании. Адамс считал демократическим представительство только в нижней палате конгресса, тогда как в сенате усматривал исключительно представительство аристократии, а в президенте – носителя монархической прерогативы.

Среди мыслителей американского Просвещения особое место по праву занимает **Т. Пейн** (1737–1809 гг.), ярчайший теоретик и публицист периода Американской революции, автор таких трудов, как “Здравый смысл”, “Американский кризис”, “Права человека”, “Век разума”, оказавших огромное влияние на мировоззрение не только элитарных кругов США, но и рядовых американцев. В трудах Т. Пейна главное место уделено проблемам прав и свобод граждан, разработке идей и приоритете гражданского общества над государством, суверенитета американского народа, автономии штатов.

Т. Пейн первым в истории американской государственно-правовой мысли обосновал концепцию создания независимого американского государства и учреждения республиканской формы правления. Т. Пейн считал, что в случае учреждения авторитарной исполнительной власти неизбежно произойдет возвращение на путь деспотического правления, а это может, в свою очередь, означать потерю суверенитета, поскольку исключительным субъектом такового является только народ, граждане страны.

Идеи Т. Пейна о форме правления кратко и емко сформулированы им в риторических вопросах, адресованных английскому народу в 7-й части “Американского кризиса”:

- 1) Что является первоисточником власти и почестей в любой стране?
- 2) Не принадлежит ли прерогатива народу?
- 3) Существует ли такая вещь, как английская конституция?
- 4) Какая народу польза от короля?
- 5) Не был ли тот, кто придумал королевскую власть, врагом человечества?
- 6) Как может человек, не приносящий никакой пользы, тратить без стыда по миллиону в год, и нельзя ли этим деньгам найти лучшее применение?
- 7) Не лучше ли он (король) мертвый, чем живой?

8) Не является ли конгресс, построенный по типу американского, самой удачной и прочной формой правления во всем мире?

Настоящие риторические вопросы становления народовластия, ликвидации института наследственной монархии, учреждения демократической республики, принятия Конституции являются исходными позициями в разработке Т. Пейном политико-правовых идей о форме правления.

Договорная концепция возникновения государства для Пейна – основополагающая исходная позиция при строительстве новой системы государственной власти. По мнению Пейна, правительство – всего лишь следствие договора, заключаемого между членами общества, а это значит, что правительство не может быть субъектом договорного процесса, “ибо это означает поставить следствие раньше причины: ведь поскольку до возникновения правительств должен был существовать человек, было обязательно такое время, когда никаких правительств не было и в помине, и, стало быть, не могли существовать и правители, с которыми заключался этот договор”. В творчестве Т. Пейна прослеживается не только последовательная критика института монархической власти, но и выстраивается механизм принятия Конституции, формы республиканского правления, а также модель института президента в системе государственной власти.

Формы правления Т. Пейн делит на два вида: республику как правление на основе выборов и представительства и монархию в содружестве с аристократией как правление на основе права наследования власти. Основой первой формы правления является разум, а второй – невежество. Отсюда Пейн прослеживает логику “здорового смысла” – осуществление правления государством требует легитимности и эффективности, то есть таких характеристик правителей, которые не могут передаваться по наследству, что может означать только одно: для невежественной страны уготовано невежественное правление, то бишь монархия. Критикуя систему государственной власти Англии, Пейн констатирует, что она состоит “из порочных остатков двух древних тираний, к которым примешаны кое-какие новые республиканские элементы. Во-первых, остатки монархической традиции в лице короля. Во-вторых, остатки аристократической тирании в лице пэров. В-третьих, новые республиканские элементы в лице членов Палаты общин, от доблести которых зависит свобода Англии” [99]. Следует заметить, что Пейн выступал не против личностей каких-либо монархов, признавая, что в истории Европы немало было милосердных королей – вся его критика направлена против деспотических принципов правления, против института монархии как такового. По мысли Пейна, необходимо учреждение новой формы правления – республиканской, а точнее – “чистой демократии”, означающей общее и равное представительство интересов граждан в законодательном органе.

Одним из первых, кто обратил внимание на дефекты концепции “смешанного правления” Дж. Адамса, был лидер республиканской партии,

“отец” федеральной конституции 1787 г., автор концепции “сдержек и противовесов” Джеймс Мэдисон (1751–1836). Мэдисон отстаивал принцип плюралистического правления. Для него республика означала именно народное правление, в котором народ осуществляет свою власть через представителей.

Вместо упрощенной схемы деления общества на бедных и богатых Мэдисон прослеживает многополярную модель социальной стратификации населения с помощью основного критерия – “интереса”. При этом он выделяет несколько групп интересов: “землевладельческого, промышленного, торгового, финансового и многих других помельче, приходящих в столкновение друг с другом”, “регулирование которых и составляет задачу современного законодательства”.

Наличие плюрализма интересов в обществе является главной гарантией гражданской свободы, поскольку такой плюрализм делает невозможным образование “деспотизма большинства”. Многообразие, а значит, и противоположные друг другу интересы взаимно нейтрализуют друг друга в процессе взаимодействия, создавая таким образом определенный социальный баланс, механизм “сдержек и противовесов” в обществе, который маргинализирует крайности политического процесса. Как же выстроить механизм сдержек и противовесов? Прежде всего, надо исходить из того, что “единственным законным источником власти является народ, а потому только от народа должна исходить конституционная хартия, согласно которой различные ветви правления облечены властью; и это вполне согласуется с республиканской теорией, диктующей обращаться к народу не только всякий раз, когда нужно расширить, урезать, укрепить или преобразовать полномочия органов правления, но и когда одна из ветвей власти станет покушаться на внесенные в конституцию полномочия другой. Сфера действий каждого ведомства отлично согласована в силу общности порученной им задачи, и ни одно из них не может притязать на исключительное и верховное право устанавливать границы для других. Как же иначе, если не обращаться к народу, поручившему ему выполнение задачи и единственно способному растолковать ее подлинное значение и потребовать выполнения, – как же иначе предотвратить вторжения со стороны более сильного и исправить зло, причиненное слабому?” [100]. Но, такой механизм прямого народовластия, по мнению Мэдисона, нельзя подключать в условиях обычных “рабочих” конфликтов, ибо “в каждом подобном случае неизбежно возникает мысль о недостатках правления, а частые обращения такого рода в значительной мере лишают правительство почтительного отношения, которое накладывает время на все сущее и без которого, пожалуй, мудрейшее и свободнейшее правительство не обретает необходимой устойчивости. Если справедливо, что все правительства опираются на мнения, то не менее справедливо, что сила мнения каждой отдельной личности и его влияние на ее поступки в немалой степени зависят от числа лиц, которые, как она полагает, это мнение, с ней разделяют. В

одиночестве разум человека робок и осмотрителен, но становится тем тверже и увереннее, чем больше число лиц к нему присоединяется”. “Опасность нарушить общественное спокойствие чрезмерным возбуждением общественных страстей – еще одно и более серьезное возражение против того, чтобы часто выносить конституционные вопросы на суд народа”.

Отстаивая двухпалатную структуру парламента, он считает, что она должна стать не институциональным отражением различия интересов различных слоев населения, а механизмом интегрированного представительства всех интересов, существующих в обществе. “Предоставьте всю власть собственникам, и бедняки будут угнетены. Дайте власть неимущим, и получится обратный результат. Если же вы предоставите каждому из них необходимую долю участия в законодательной власти в целях защиты их интересов, то каждый будет чувствовать себя в безопасности”, а дело свободы и справедливости будет обеспечено. “Необходимо также, по мнению Мэдисона, чтобы все назначения на высшие должности в исполнительных, законодательных и судебных органах исходили из первоисточника власти – от народа и шли не по сообщающимся друг с другом каналам”.

Выступая за то, чтобы законодательный орган страны стал институтом интеграции политических интересов различных слоев населения, Мэдисон доказывал необходимость такой избирательной системы, которая бы обеспечивала и личные права, и права собственности. Принцип предоставления права избирать в верхнюю палату парламента только собственникам, а в нижнюю – исключительно неимущим, недопустим, считал он. Джеймс Мэдисон понимал под “чистой демократией” общество, состоящее из небольшого числа граждан, которые собираются и осуществляют государственное управление непосредственно. Это общество не допустит никаких мер против злоупотреблений со стороны фракции. Республика с той или иной системой представительства, считает Мэдисон, “открывает иные возможности и обещает избавление от пагубных последствий фракционности.

Таким образом для того, чтобы образующуюся в результате выборов фракцию большинства лишить возможности подавлять права меньшинства, Дж. Мэдисон предложил модель федеральной республики с представительным правлением.

Согласно этой модели потребности граждан выражает двухпалатный парламента, палаты которого и обеспечивают компромисс между интересами больших и малых штатов США. Созданные специфические институты были призваны воспрепятствовать установлению прямого правления народа. Поэтому в американской политической системе все ветви власти (законодательная, исполнительная и судебная) не только разделены, независимы друг от друга, но и равноценны. В соответствии с этой моделью и был создан механизм сдержек и противовесов, который до сих пор

обеспечивает эффективность и стабильность американской политической системы.

Как и Джон Адамс, Мэдисон видел неизбежность общественного неравенства. Подобно большинству американских государственных деятелей того времени (Джон Адамс, Джеймс Уилсон, Томас Джефферсон, Александр Гамильтон, Ричард Генри Ли, Джордж Мэйсон и др.), Мэдисон был сторонником бикерализма, разделения и необходимого взаимного контроля властей, полагая, что в самом правительственном механизме должны существовать “сдержки и противовесы” в целях обеспечения сбалансированного и справедливого республиканского правления.

Мэдисон был далек от того, чтобы представлять американский народ как социально однородную массу, а американское общество – бесклассовым. Как и Джон Адамс, Мэдисон считал защиту права собственности, наряду с защитой индивидуальной свободы, важнейшей функцией правительства, и в этой части отводил сенату США важную роль. Однако он был категорически против того, чтобы называть его аристократической палатой, органом представительства интересов “богатых и благородных”. Если сенат и был призван сдерживать “страсти большинства”, предотвращать принятие палатой представителей необдуманных решений, то в интересах не какой-то несуществующей “естественной аристократии”, а той разнородной массы собственников, какую представляло собой в то время большинство американского народа.

Джон Адамс считал правительственную систему “сдержек и противовесов” главным средством обеспечения “правления законов, а не людей”. Но для Мэдисона это был всего лишь вспомогательный механизм, а главным средством обеспечения режима гражданской свободы и справедливого правления были те “сдержки и противовесы”, которые существовали в самом американском обществе в виде разнообразия социальных сил и интересов, религиозных и политических группировок.

Согласно Мэдисону, при таком многообразии взглядов и интересов возможно только формирование большинства при решении отдельных вопросов политической жизни, “правления меняющихся коалиций полного единообразия мышления большинства быть не может. Противоположные мнения и интересы ослабляют, нейтрализуют друг друга, как бы взаимно погашаются в процессе соперничества. И поэтому исключается возможность установления тирании правящего большинства над оппозиционным меньшинством, игнорирования правительством большинства интересов других социальных групп, подавления инакомыслия. Свобода возникает именно в условиях баланса противоположностей, равновесия противостоящих друг другу социальных сил и интересов, а этот баланс поддерживается взаимным социальным контролем, сдержками и противовесами.

При этом Мэдисон полагал, что чем больше территория, число партий и разнообразие самих взглядов и интересов, тем меньше будет вероятность

посягательства большинства на права меньшинства и возможность осуществить это посягательство на практике.

Еще в 1752 г. Д. Юм усомнился в обоснованности мнения теоретиков того времени (включая и Монтескье) о том, что единственно возможная форма правления в государствах с обширными территориями – монархия и что республиканская форма правления возможна лишь в государствах с малой территорией и населением. Дело, полагал Юм, состоит, скорее, как раз наоборот, поскольку на обширной территории отдельные части населения настолько разъединены и отдалены от центра, что создание фракций и вовлечение их во всякого рода заговоры и перевороты затруднительно. Мэдисон воспользовался этой идеей Юма и выдвинул против противников федеральной конституции 1787 г. аргумент, что именно в плюрализме интересов и обширной территории Союза – единственная реальная возможность установления в США стабильного республиканского строя, обеспечения правления большинства при одновременном уважении прав меньшинства.

Согласно Мэдисону, ключом к решению проблемы раскола общества на непримиримые фракции является распространение системы представительного республиканского правления на более обширную территорию, создание такой республики, где фракционная борьба была бы рассеяна, а представительная система служила бы известным фильтром для взаимоисключающих требований и исключала бы возможность господства одной фракции над другой.

Но представительная система для Мэдисона – не только средство нейтрализации пагубных последствий фракционности. Она – важнейшее средство осуществления народного правления, та конкретная форма, которая обеспечивает участие народа в реализации государственной власти. При этом самым большим достижением конституционного конвента в Филадельфии было, по Мэдисону, последовательное закрепление принципа народного правления в федеральной системе законодательной и исполнительной власти. Мэдисону было мало назвать представительство “стержнем республиканизма”. Главный смысл республиканского правления – формирование правительства из самых широких слоев общества, “а не из незначительной части его населения или привилегированного класса”.

Для Мэдисона республика – это именно представительная форма демократии, “народного правления”, но никак не аристократия или сословное представительное правление. Он категорически отвергал любые попытки интерпретировать государственный строй США в категориях классической теории смешанного правления.

Мэдисон отвергал британскую концепцию верховенства парламента как чуждую американскому принципу народного суверенитета и высшей силы конституции, призванной гарантировать гражданам свободу убеждений и выражения взглядов. Он настаивал на том, что только при последовательном соблюдении принципа народного представительного

правления возможно избавление Америки от угрозы тирании, автократии и олигархии. Для него США были “смешанной формой” в одном отношении – в смысле соединения черт “национального” (унитарного) и федерального (союзного) государства, поскольку федеральная правительственная система представляла интересы не только народа в целом, но и отдельных штатов. И сенат, по Мэдисону, не аристократическое учреждение, не палата лордов на американской земле, а всего лишь вторая палата высшего органа народного представительства – конгресса США. Модель представительного правления Джеймса Мэдисона отвечала идеологическим потребностям американской буржуазной революции, которая в период своего завершения особенно нуждалась в консолидации американского народа, политической интеграции его в более прочный федеральный союз на базе конституции 1787 г. (с. 70).

Концептуальная идея народовластия получила в трудах демократа и общественно-политического деятеля американского Просвещения **Томаса Джефферсона** (1743–1826). В одном из своих первых сочинений “Общий обзор прав Британской Америки” (1774 г.), в виде анонимного обращения к английскому народу Джефферсон прямо пишет о необходимости вернуть народу “права, полученные по законам природы” [101]. И этому должен способствовать не кто иной, как сам король Англии.

Первая работа Джефферсона, посвященная идее народовластия, выдержана в духе политической дипломатии, но при обращении к монарху Его Величество автором воспринимается “не больше, как главный чиновник своего народа, назначенный законом и наделенный известной властью, чтобы помочь работе сложной государственной машины, поставленной для того, чтобы приносить пользу народу, и, следовательно, подверженный контролю народа”. Другими словами, Джефферсон обращается к монарху как главе исполнительной власти и главе государства, недвусмысленно напоминая Его Величеству, что власть его производна от народа.

Как известно, в Конституциях новейшего времени суверенитет народа выражается через ставшую общепринятой фразу: “Единственным источником государственной власти является народ”. В американской декларации суверенитет народа был выражен Джефферсоном гораздо глубже в силу того, что увязывался с правами человека и гражданина и выражался социальным языком: “Мы считаем самоочевидным истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основана на согласии управляемых; что если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа”.

В Декларации озвучена еще одна важная мысль, ставшая позднее теоретической основой для оправдания Джефферсоном целесообразности перманентных народных революций – о праве народа на сопротивление. Идея о праве народа на сопротивление, высказанная Джефферсоном в Декларации, переросла в дальнейшем в важный теоретический вывод о перманентной революции как высшей форме волеизъявления народа, а значит – и гарантии народовластия. Заметим, что идеи народовластия принципиально важны в творчестве Джефферсона, тем более что институт Президента видится им только в рамках правления народа.

В своем письме к С. Керчевалю “Народное правительство” Джефферсон обрисовал общие контуры собственной модели режима народовластия [102]. Джефферсон предлагает концепцию народовластия, исходя из понимания республики как “государства, все члены которого имеют равное право голоса в управлении через представителей (а не лично, что было бы невыполнимо вне пределов города или небольшого района), избранных ими самими и ответственных перед ними на какой-то короткий промежуток времени”.

“Мы в Америке считаем, что необходимо ввести народ в каждый государственный орган в той мере, в какой он способен осуществлять свои права” – писал Джефферсон в 1789 г., при этом указывая на меру осуществления прав народа. По его мнению, народ “непригоден осуществлять исполнительную власть, но пригоден для избрания человека, который будет это делать. Он непригоден для законодательной деятельности, поэтому у нас он только выбирает законодателей. Он непригоден для того, чтобы трактовать право, но вполне способен решать его фактические вопросы. Поэтому в суде присяжных его представители решают все фактические вопросы, предоставляя постоянным судьям определять законы на основе этих фактов”.

Задача государственного обустройства – создать условия для “отбора аристократии талантов и добродетелей”, устранив такие препятствия, как феодальные привилегии, религиозную и социальную дискриминацию. “Та форма правления является наилучшей, которая наиболее эффективно обеспечивает отбор естественной аристократии для правительственных учреждений на замену искусственной аристократии богатства и происхождения”, – писал в письме Дж. Адамсу Джефферсон.

Республиканское управление он расположил в следующем порядке: 1) общая федеральная республика для всех вопросов, относящихся к внешней и федеральной политике; 2) республика штата, относящаяся исключительно к гражданам; 3) окружные республики, занятые делами и интересами округа; 4) районные республики для местных вопросов.

Для реализации собственной модели народовластия в форме парламентской модели, образующей систему представительной власти и самоуправления, Джефферсон предлагал провести политические преобразования по следующим направлениям:

- всеобщее избирательное право;
- равное представительство в законодательных учреждениях;
- представители исполнительной власти, избираемые народом;
- судьи, избираемые или сменяемые;
- избираемые судьи, присяжные и шерифы;
- разделение на административные районы;
- периодические поправки к Конституции [103].

При этом Джефферсон считает, что каждый округ, каждый район должен представлять собой небольшую республику, и каждый человек в штате должен быть активным членом народного правительства, осуществляя лично большую часть прав и выполняя большую часть обязанностей.

В своей концепции государственного устройства Т. Джефферсон предложил демократическую избирательную систему, согласно которой право участия в выборах следует предоставить всему взрослому мужскому населению страны независимо от имущественного положения. Для пресечения олигархических тенденций при выборах законодательного собрания автор стремился к тому, чтобы все графства штата были представлены пропорционально численности населения. А также настаивал на создании конституционных гарантий, которые обеспечили бы поддержание демократии.

Таким образом, американский просветитель предложил конкретные преобразования, которые должны стать основой для осуществления народовластия и демократического правления в целом. В частности, Джефферсон предлагал развить структуры местного самоуправления, а в системе высших органов государственной власти отдавал предпочтение Парламенту. Он выступал за парламентаризм как непосредственное производное от самоуправления народа. Соответственно, институт Президента виделся ему в системе парламентской республики. В дальнейших своих произведениях “Автобиография”, “Заметки о штате Виргинии” Джефферсон также активно рассуждал о демократической форме правления и народовластии, придерживаясь принципа правления большинства и полагая, что лекарством от зла, приносимого демократией, является еще большая демократизация, поскольку от народа можно ожидать несправедливостей в целом меньше, чем от правящего меньшинства.

Американский просветитель, рассуждая о происхождении самоуправления, постоянно констатирует, что “народ – источник всей справедливой власти” и “согласно большинству конституций штатов вся власть наследуется народом; народ может пользоваться ею во всех случаях, когда считает себя компетентным (например, при выборе своих исполнительных и законодательных должностных лиц и вынесении решений присяжными из народа во всех судебных случаях, в которых какое-либо обстоятельство требует проверки) или может выступать через представителей, избранных на основании свободных и равных выборов. Далее, отмечает Джефферсон, народ обладает правом и долгом всегда быть

вооруженным; народ имеет право на свободу собственности и свободу печати” [104]. Критикуя принятую в 1776 г. конституцию Виргинии, Джефферсон предлагал урегулировать взаимоотношения между различными звеньями власти, что обеспечило бы стабильный демократический порядок. Он предлагал ввести систему балансов и сдерживающих факторов, которые гарантировали бы политическое равновесие. По мнению Джефферсона, “все ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная – сходятся в законодательном органе. Средоточие их в одних и тех же руках как раз и определяет деспотическое правление. Ничуть не будет легче, если вся эта власть находится в руках многих, а не кого-то одного” [105]. В основу организации правительства должен быть положен принцип “четкого разделения законодательной, исполнительной и судебной власти.

Джефферсон придерживается принципа, что “правительства являются республиканскими, только если они выражают волю своего народа и выполняют ее”. Республиканским следует считать такое государство, где “все члены имеют равное право голоса в управлении через представителей, избранных ими самими и ответственных перед ними в какой-то короткий промежуток времени. Подлинной основой республиканского правительства, считает Джефферсон, является равноправие каждого гражданина, равные личное и имущественное права и распоряжение ими. “Каждый гражданин, который сражается или платит, проявляет свое справедливое и равное право в выборах” [106].

В итоге, по мнению Джефферсона, “превращение каждого гражданина в активного члена правительства, сотрудничающего в тех ведомствах, которые ему ближе всего и больше всего его интересуют, привяжет его самыми сильными чувствами к независимости своей страны и ее республиканской конституции”. В управлении, считает автор, “все вопросы, большие и малые, могут успешно решаться только путем разделения и подразделения обязанностей. И все, вместе взятое, прочно объединяется благодаря тому, что каждому гражданину лично поручается часть управления народными делами” [107]. Таким образом, Джефферсон выстраивал модель государственной власти, основанную и ориентированную на конкретное политическое участие масс, при которой “каждому гражданину лично поручается часть управления народными делами”.

Анализируя теоретико-методологические подходы к исследованию идеи народовластия и в частности специфики генезиса идеи народовластия, стоит обратить внимание и на политическую российскую историю, которая также отличается наличием оригинальных политических идей и учений относительно идеи народовластия.

С точки зрения сторонника просвещенного абсолютизма **В.Н. Татищева** (1686–1750), государство есть средство обеспечения общего блага, главное условие сохранения жизни и продолжения человеческого рода. Государство внимает разуму подданных, правит, опираясь на хорошо разработанный и строго соблюдаемый свод законов. Правда, верховного

носителя власти (монарха) он ставил над гражданами и сословиями, оправдывая любые его действия. Однако такое оправдание объяснялось ими тем, что сам правитель является просвещенным монархом, правителем – мудрецом [108]. Не без очевидного влияния идей Просвещения нарастала критика концепции просвещенного абсолютизма. Она сопровождалась появлением идей ограничения абсолютной власти, введения принципов конституционализма, парламентаризма. Профессор Московского университета **П.И. Новгородцев** (1866–1924) развил идею социального государства, так как был убежден, что право на достойное человеческое существование должно быть гарантировано государством. По мнению ученого, свобода возможна лишь при наличии материальных условий для ее фактического осуществления. П.И. Новгородцев был одним из основателей конституционно-демократической партии России (кадеты). В статье “Демократия на распутье” (1923 г.) П.И. Новгородцев ярко описал кризис новой демократии, начало которого можно приблизительно датировать последней четвертью XIX века и который по сей день нельзя считать разрешенным. При этом Новгородцев выступил сторонником совершенно верного методологического подхода, который должен бы являться для сегодняшней России, впрочем, не только для нее, основным в политической сфере. Вот его слова: “Первые провозвестники демократической идеи соединяли с своей проповедью чисто религиозное воодушевление. Для них демократия была своего рода религией. Следы этого политического фетишизма встречаются иногда и в воззрениях наших дней: за неимением другой веры возлагают все надежды на демократию как на всемогущую и все исцеляющую силу, и на нее переносят весь жар сердца, весь пламень энтузиазма...” [109].

Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой. Нередко думают, что провозглашение всяких свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма” [110]. Звучит это вполне современно.

Как видим, главнейшее условие, скорее, даже имманентная черта демократии – зрелость народа (демоса). Но способен ли вообще какой бы то ни было народ стать достаточно зрелым для сознания своих прав и уважения чужих, понимания своих обязанностей и необходимости самоограничения – вот в чем вопрос. Разумеется, степень зрелости различна в разные периоды истории и в разных государствах. Но достигает ли она той величины, которая удовлетворяет всем требованиям демократии? Недаром Ж.-Ж. Руссо говорил:

“Если брать понятие демократии во всей строгости его значения, то истинной демократии никогда не было и не будет” [111]. Примеров “народной незрелости” даже в государствах с, казалось бы, устоявшейся демократией можно привести очень много. В свое время русский либеральный юрист С.А. Котляревский описал, как в Швейцарии второй половины XIX века (уже в то время представлявшей классическую демократию) всенародным голосованием были отвергнуты право на труд, введение бесплатной медицинской помощи и некоторые другие прогрессивные законопроекты, поскольку швейцарские граждане испытывали недоверие к социальным новшествам и не были расположены к крупным государственным тратам [112]. Итак, демократия-идеал и демократия-реальность довольно существенно расходятся. Поэтому задача политической мысли и практики состоит в том, чтобы народ воспринимал развитие общества как бесконечную дорогу к достижению демократии-идеала. И если принять такую идею развития, тогда можно говорить уже и о формах правления, которые способны наилучшим образом защитить избранный путь общественного развития.

Вера в самостоятельность России, ее особый путь развития в целом не противоречила идее революционного переустройства общества. Условия для распространения радикальных идей социального преобразования в России существовали: низкий уровень жизни значительной массы населения, заметный разрыв в доходах различных групп общества, сословные привилегии одним и ограничения для других, отсутствие гражданских и политических прав и т. д. Идея революционного низвержения самодержавия вызревала давно, а впервые сформулировал ее в виде теории писатель и философ **А.Н. Радищев** (1749–1802) – родоначальник революционной традиции в России, сторонник установления республиканского демократического строя [113]. Вместо монархии он предлагал народное правление в форме добровольной федерации вольных городов по примеру древнего Новгорода и Пскова. Демократическое народное правление, по мнению А. Н. Радищева, соответствует “человеческому естеству”, поскольку основано на принципах народного суверенитета и неотчуждаемости естественных прав личности. Во главе федерации, по его мнению, должны стоять достойные люди, выдвинутые народом. После А.Н. Радищева идею революционного переустройства стремились реализовать декабристы. Монархия, по проекту П. И. Пестеля (1793–1826), должна уступить место республиканскому правлению, гарантирующему естественные права и свободы личности. Он отрицал принцип разделения властей, но полагал, что высшие органы власти (Народное Вече, Державная Дума, Верховный Собор) должны формироваться посредством всеобщего избирательного права.

Во второй половине XIX в. политическая мысль России испытала значительное влияние европейского социализма, анархизма. Это активизировало те силы в России, которые отрицали сложившиеся формы государственности. Однако теперь представители радикальной политической

мысли стали больше уделять внимания не столько формированию идеалов государственного устройства, сколько определению средств реализации своих идеалов.

В.Г. Белинский (1811–1848), А.И. Герцен (1812–1870), Н.Г. Чернышевский (1828–1889), Д.И. Писарев (1840–1868) настаивали на вооруженном восстании как единственном средстве свершения самодержавия. Они утверждали, что это должна быть крестьянская революция, цель которой – установить “социальную республику” с верховной властью народа. Основой будущего экономического и политического строя революционеры-демократы считали крестьянскую общину, хотя, заметим, уже в тот период она не представляла собой единого образования, а расслаивалась. По Н.Г. Чернышевскому, в “социальной республике” законодательная власть должна принадлежать народу, правительство же должно быть ответственно перед ним. Народ, представленный народным собранием, контролирует исполнительную власть [114]. Неприязнь к западному либерализму и конституционализму, сложившимся государственным институтам, самодержавию отчетливо прослеживается в русском анархизме. Наиболее известные представители анархизма **М. А. Бакунин** (1814–1876) и **П.А. Кропоткин** (1842–1921) исходили из тезиса: государство есть зло, поскольку мешает естественному существованию людей.

Представительная демократия, по мнению Бакунина, – институт, основанный «на мнимом господстве мнимой народной воли, будто бы выражаемой мнимыми представителями народа в мнимо-народных собраниях». Но Бакунин поднимал и вопросы, которые и поныне дискутируются учеными и политиками. Автор «Государственности и порядка» ратовал за многоступенчатую – имеющую общинный, провинциальный, национальный и международный уровни – федерацию, негосударственную организацию, основанную на самоуправлении, построенную по иерархическому принципу и реализующую власть индивидов и ассоциаций [115]. Анархия, по М.А. Бакунину, – это “вольный союз земледельческих и фабричных рабочих товариществ, общин, областей и народов и, наконец, в более отдаленном будущем – общечеловеческое братство, торжествующее на развалинах всех будущих государств”. Поэтому М. А. Бакунин критиковал идею К. Маркса о диктатуре пролетариата, считая ее лишь новой формой подавления одной части общества другой.

Как и Бакунин, Кропоткин был сторонником федерации. Но он допускал возможность ее существования и в государственной форме (пусть только на время). Допущение к федерации (как переходной ступени к безгосударственному строю) предполагает не только «территориальную», но и «функциональную» децентрализацию государства [116].

П.А. Кропоткин называл идеал будущего устройства общества “анархическим коммунизмом”, под которым он понимал вольный союз самоуправляющихся общин. В основе такого союза должны лежать, по его

мнению, свободные взаимосоглашения людей, над которыми не довлеет никакая верховная центральная власть. Анархисты резко критиковали идеи государственного социализма, подчеркивали развращающее влияние власти на личность, требовали справедливости и уважения прав и свобод индивида. Именно эта критика определяет их значимость в истории политической мысли России в рассматриваемый период [117].

В 1920–1930-х большие надежды анархисты связывали с развитием прямой демократии и общественной самостоятельности – собраний, сходов, кооперативов, ассоциаций, союзов и т. п., идущих на смену государственным учреждениям [118]. Специфика русского современного анархизма состоит, прежде всего, в коллективистско-коммунистической ориентации.

Таким образом, можно определенно сказать, что проблема народовластия является одной из стержневых в развитии политической мысли человечества.

В ее разработку существенный вклад вносили не только мыслители, являвшиеся активными сторонниками народовластия, но и те, кто выступал в качестве его критиков. Стоит заметить, что в их работах были вскрыты наиболее глубокие недостатки народовластия, причины и пути их устранения. В одной из таких работ: «Великая ложь нашего времени», написанной К.П. Победоносцевым, народовластие характеризовалось как одно из самых лживых искусственно насаждаемых политических начал, утвердившихся со времени французской революции, в основе которого лежит идея о том, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Из этой идеи вытекает, теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции [119]. По мнению автора, является грубой ошибкой принимать человека за центр вселенной, как по Птолемеевой системе – землю. «Вся причина, в том, что человек, следуя впечатлению, становится на ложную точку зрения и ему кажется, что вся вселенная около него движется». Подлинный патриот, по словам автора, противник народовластия, ибо дело власти – самопожертвование, быть носителем правды, попечителем о благе народа единого и неделимого. В системе парламентаризма имеет место игра в собиране голосов, подкуп, организация партий, провозглашение свободы личности независимого от ее качеств, произвол, отсутствие порядка. В то же время сторонники народовластия преимущественное внимание уделяли его достоинствам, преимуществам перед другими способами организации и осуществления власти в обществе. Исходя из этого, анализ концепции народовластия не может ограничиваться изучением трудов лишь мыслителей – сторонников народовластия. Необходим комплексный и всесторонний анализ преемственно развивавшейся концепции народовластия именно в современных условиях, когда установление народовластия стало социальной потребностью общества. Следует учитывать, что концепция народовластия не представляет собой простую сумму высказываний ее сторонников. Она не может быть сведена к какой-либо одной теории, синтезировавшей все

остальные, хотя и характеризуется как система основных положений, объединяемых одной общей идеей о принадлежности власти народу и о способах осуществления им этой власти.

Как показывает политическая история становления и развития политической мысли, идея народовластия была в фокусе изучения почти всех мыслителей начиная с античных времен. Данная идея во многом была обусловлена поиском наилучшей модели правления и организации государственной власти. Большинство трактовок политической власти, а также самих определений категории «власть» в ранней истории политической мысли в первую очередь связывает ее функциональное значение с необходимым порядком и согласием между людьми, оптимальным управлением и целесообразным регулированием человеческих отношений. Рецепты преодоления властного отчуждения и тем самым реализации идеи народовластия предлагались самые разные: от проектов «смешанной власти» (Полибий, Макиавелли), «разделения властей» (Локк, Монтескье), «сдержек и противовесов» (Джефферсон, Гамильтон) до идеи полной ликвидации системы государственно-публичной власти вместе с самим государством (Бакунин, Кропоткин) [120].

Политическая история разработки идеи народовластия свидетельствует о довольно широком спектре мнений ее исследователей. А также позволяет нам констатировать тот факт, что теоретические разработки мыслителей и ученых демонстрируют наличие диаметрально противоположных взглядов в отношении реализации идеи народовластия. В античности идея народовластия рассматривалась в качестве наилучшего способа и механизма осуществления политической (то есть государственной) власти.

В эпоху позднего средневековья, а также в новое время теоретические разработки идеи народовластия дополнились ключевыми аспектами. Во-первых, идея народовластия стала выступать как внутренний механизм ограничения политической власти. Во-вторых, сувереном стал выступать народ, а не институты власти, обладающие лишь теми полномочиями, которые делегировал им народ. В-третьих, ни один из политических институтов власти не может быть единственным выразителем общей воли народа. В-четвертых, разделение власти на ветви предопределило то, что воля народа ими может быть осуществлена только тогда, когда они это совершают вместе и в равной степени. Таким образом, все ветви власти выражают волю народа по его уполномочию, в соответствии с присущими им функциями и в пределах установленной нормативно-правовой базой. В то же время отметим, что именно средневековая и позднероманская политическая мысль искала иное обоснование демократии как народовластия доверенного монарху, своеобразной демократической легитимизации верховного права власти королевской особе или, иначе говоря, снимала проблемы выбора между монархией и республикой, деспотией и

демократией. В этот период оставалась неразрешенной дискуссионная проблема: кому принадлежит закон? Народу или монарху?

В-пятых, идея народовластия в политической мысли Нового и Новейшего времени большинством исследователей воспринималась как эфемерная мифологема, которую невозможно реализовать в политической действительности. В идеологии демократического движения и в массовом сознании эта идея как бы изначально приобрела характер аморфной мифологемы, символизирующей обобщенный идеальный образ желанного будущего.

В-шестых, концептуальные подходы и наработки ученых были в дальнейшем реализованы на практике в процессе утверждения и оформления демократических национальных государств.

В-седьмых, на современном этапе развития политической мысли идея народовластия оформилась как основной принцип конституционализма, без которого невозможно демократическое государственное правление. Кроме того, современные исследователи идеи народовластия выделяют такой аспект, как не зависящее ни от кого право народа самостоятельно и полностью распоряжаться своей судьбой, создавать такой общественный и государственный строй, который соответствует его воле, иметь такую форму цивилизации и культуры, какую он желает. Ряд исследователей полагают, что власть народа не ограничивается государственной властью, то есть сферой политики. Она включает в себя социально-экономические, психологические и многие другие компоненты общества. Особо выделим мнение некоторых ученых о том, что власть народа, за исключением революционных событий, реализуется, прежде всего, как государственная власть, имеющая различные формы организации, в том числе и монархию.

В-восьмых, из исторического опыта вытекает задача тщательного изучения реального состава народа во всей полноте составляющих его частей как имеющих прямое отношение к нему в качестве определенной социально-культурной, экономической и политической целостности. Это необходимо для разработки социального, экономического, политического, правового, духовно-нравственного механизма его самореализации как целого на основе общего консенсуса. В качестве такового может выступить механизм народовластия. Таким образом, с историко-политической точки зрения оказывается принципиально важным преодолеть «разорванность» народа на отдельные части, а также отождествление его с отдельными его составными частями. Народ необходимо рассматривать в полном составе его частей как единое целое, а также учитывать сущностные черты, качества и свойства народа как целого, поскольку полный и объективный учет социального состава народа имеет исходное значение для развития форм собственности, распределения и осуществления власти в обществе. Фактически существующий состав народа должен быть юридически оформлен как конституция общества. Это означает правовое закрепление статуса составных частей народа и народа как целого, механизмов (процедур, форм,

институтов) его реализации. Закон должен четко регулировать основы отношений внутри народа между его составными частями, отношения народа и его составных частей с создаваемыми ими государственными и общественными организациями, а также некоторые принципиальные вопросы их организации и деятельности, имеющие отношение к народовластию.

Таким образом, подробно изучив эволюцию развития политической мысли относительно идеи народовластия, мы полагаем, что концепция народовластия включает в себя следующие наиболее важные и неотъемлемые составные элементы, идеи и принципы:

1. Первичным субъектом и носителем власти является народ. Народ – носитель суверенитета и верховный законодатель.

2. Принцип народного суверенитета – провозглашает народ источником и конечным обладателем всякой власти.

3. Поскольку главенство принадлежит народу, граждане должны обладать законодательной властью и выражать свою волю на собраниях голосованием.

4. Народ правомочен делегировать власть государственным и негосударственным институтам, власть которых производна. Отсюда следует, что народ — это реальный субъект власти, а носителями этой власти являются определенные институты. Наличие социальных организаций и институтов, с помощью которых осуществляется принцип народовластия и таким образом осуществляется властная воля народа как конституционного суверена, наделяющего институты (выборы, референдум, парламент, местное самоуправление) властными полномочиями.

5. Правовое равенство свободных граждан и демократический принцип «равенства» (выборы по большинству голосов).

6. Сосредоточение всей полноты законодательной власти в народном представительстве, выборность всех должностных лиц, избрание высших органов исполнительной власти народным представительством и подчинение их власти законодательной, а также республиканский образ правления.

7. Власть законодательная должна определять компетенцию исполнительной власти. Исполнительная власть призвана строго держаться рамок закона и может быть устроена по-разному, но в любом случае должна осуществлять волю законодателя – народа.

8. Исполнительные функции в государстве вверяются правительству, во главе которого стоит правитель, избираемый и ответственный перед народом. Основная задача правителя – проводить на практике то, что считает необходимым народ-законодатель.

Определив генезис идеи народовластия, мы можем перейти к рассмотрению концептуальных моделей народовластия, содержащихся в определенных видах демократии, поскольку, на наш взгляд, каждая теория демократии несет в себе свою определенную концептуальную модель народовластия.

Контрольные вопросы

1. В какое время были сформулированы первые теоретические схемы народовластия?
2. Назовите имена философов и мыслителей, которых интересовали идеи демократии.
3. С какими качественными характеристиками народа в историко-политических теориях связывались различные варианты решения вопроса о сущности народовластия?
4. Какие наиболее важные и неотъемлемые составные элементы, идеи и принципы включает в себя концепция народовластия?

Тестовые вопросы

- 1 Автором диалога «Законы» является:
 - A) Платон
 - B) Аристотель
 - C) Демосфен
 - D) Плутарх
- 2 Автором работы «Левифан» является:
 - A) Дж. Локк
 - B) Руссо
 - C) Спиноза
 - D) Гоббс
- 3 Государственный строй, основанный на разделении власти и законности:
 - A) Классицизм
 - B) Монархизм
 - C) Либерализм
 - D) Теократизм
- 4 От чего зависит эффективность власти в государстве по Ф. Аквинскому:
 - A) От аристократии
 - B) От количества властвующих
 - C) От правосознания элиты
 - D) От народа

Использованная литература

1. Платон. “Государство”. Собр. сочинений, том 3, часть 1. – М., 1971. – С. 551 d.
2. Там же. С. 557a, b, c.
3. Там же. С. 563 d, e.
4. Монтескье. О духе законов. Избр. произв. – 1955. – С. 171.
5. Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. – М., 1895.
6. См. об этом: Алексис де Токвиль. Демократия в Америке: Пер. с франц./ Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.; его же. Старый порядок и революция. – М., 1903.
7. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. – Москва: Издательская группа «Юрист», 2003. – 688 с., с. 64–65.
8. Р. Пельман. История античного коммунизма и социализма. — “Общая история европейской культуры”, т. II, с. 252.
9. Аристотель Политика. Афинская полития. / Предисл. Е. М. Темнова. – М.: Мысль, 1997. – 458 с., с. 105.
10. Аристотель. Политика. Афинская полития. / Предисл. Е. М. Темнова. – М.: Мысль, 1997. – 458 с., (с. 209).
11. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. – Москва: Издательская группа «Юрист», 2003. – 688 с., с. 66.
12. Цицерон. Диалоги о Государстве, о законах. – М., 1966. – С. 39.
13. Там же. – С. 43.
14. Цицерон О законах. – Т. 3, с. 5.
15. Новгородцев П.И. Сочинения. – М., Раритет, 1995. – С. 391.
16. Цит. по: История политических и правовых учений. Древний мир / Под ред. В.С. Нерсесянц. – М.: “Наука”. 1985. – 348 с., с. 166.
17. Цит. по: Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М., 1981, 330 с., с. 99.
18. Там же. – С. 44.
19. Там же. – С. 116.
20. Там же. – С. 100.
21. Там же. – С. 128.
22. Цит. по: Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. – М. 1981. – 168 с., с. 14.
23. Цит. По: История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. – М., 1986. – 346 с., с. 20.
24. Боргош Ю. Фома Аквинский. Пер. с польск. М. Гуренко. Изд. 2-е. – М., “Мысль”, 1975. – 183 с., с. 122.
25. Боргош Ю. Фома Аквинский. Пер. с польск. М. Гуренко. Изд. 2-е. – М., “Мысль”, 1975. – 183 с., с. 122.
26. Цит по: История политических и правовых учений. Ответ. Ред. В.С. Нерсесянц. М.: “Наука”. 1986. – 346 С., с. 53.

27. Цит по: История политических и правовых учений. Ответ. Ред. В.С. Нерсесянц. М.: "Наука". 1986. – 346 с., с. 51.
28. Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х т. – М., 1964. Т.2. –С.197.
29. Мееровский Б. В. Гоббс. – М., "Мысль", 1975. – 208 с., с. 157.
30. Там же. – С. 198.
31. Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х т. – М., 1964. Т. 2. – С.209.
32. Джон Локк. Избранные философские произведения в 2-х т., т. 2. – М., 532 с., с. 75.
33. Там же. – С. 76, 82–83.
34. Там же. – С. 86.
35. Там же. – С. 125.
36. Там же. – С. 137.
37. Там же. – С. 123.
38. Б. Спиноза. Избранные произведения в 2-х т. – М., 1957. Т.2. – С. 210.
39. Там же. – С. 316.
40. Там же. – С. 327.
41. Вико Джамбаттиста. Основания новой науки об общей природе наций. Перевод и комментарии А.А. Губера. Под общей редакцией и со вступительной статьей М. А. Лифшица. – Л., 1940. – С. 427.
42. Монтескье Ш. О духе законов // Избр. произведения. – М., 1955. – С. 169.
43. Ковлер А.И. Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории. – М.: Наука, 1990. – 256 с., с. 65.
44. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955. – С. 170.
45. Азаркин Н. М. Монтескье. – М., 1988. – С. 67, 68.
46. Там же. – С. 70.
47. Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. – М., 1994. – С. 112.
48. Сумбатьян Ю.Г. Концепция разделения властей: история и современность // Вестник Московского университета, Серия 12. Политические науки, 2000 г., № 2, с. 3–17, с. 5.
49. Ж. Мелье. Завещание. – М., 1954., т.2. – С. 211–212.
50. Там же. – С. 360.
51. Там же. – С. 214.
52. Морелли. Кодекс природы, или истинный дух ее законов. – М.-Л., 1950. – 259 с., с. 203–242.
53. Там же. – С. 221.
54. Г. Мабли. Избранные произведения. – М.-Л., 1953. – 340 с., с. 222.
55. Там же. – С.280.
56. Поршнева Б. Ф. Мелье. – М., 1964. – С. 220, 222.
57. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. / Пер. с фр. – М.: "КАНОН – пресс, 1998. – 416 с., с.253.
58. Там же. – С. 216.

59. Попер Карл Раймунд. Открытое общество и его враги. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”, т. 2. 1992. – 448 с., с. 64.
60. В.И. Зуев. “Власть” в системе политологических категорий / Государство и право. 1992, № 5, с. 90–97, с.95.
61. Жан Поль Марат. Памфлеты. – М., 1937. – 134 с., с. 18–19.
62. Жан Поль Марат Избранные произведения. Т.1. – М., 1956. – 360 с., с. 306.
63. Там же. – С. 270, с. 306.
64. Там же. – С. 288.
65. Там же. – С. 303.
66. Там же. – С. 79.
67. Там же. – С. 198.
68. Жан Поль Марат. Памфлеты. – М., 1937. 134 с., с. 36.
69. Гольбах П. А. Избранные произведения в 2-х томах, т. 2. – С. 243.
70. Кант И. Сочинения. Т. 4 (2). – С. 268.
71. Там же. – С. 265.
72. Там же. – С. 269.
73. Гегель Г. В. Ф. Сочинения, т.8. М.-Л., 1929–1959., с.421.
74. Гегель Г. В. Ф. Сочинения, т. 7. – М.-Л., 1929–1959., с. 318–319.
75. Поппер Карл Раймунд. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. Под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992. – 528 с, с.69..
76. Гегель Г. В. Ф. Сочинения, т. 8. – М.-Л., 1929–1959., с. 416.
77. Там же. – С. 415.
78. Гегель Г. В. Ф. Сочинения, т. 7. – М.-Л., 1929–1959., с. 324.
79. Цит по: Р. Даль, с. 94.
80. Дж. Ст. Милль. Размышления о представительном правлении. – СПб. 1863. – с. 360, с.45.
81. Там же. – С. 59.
82. Там же. – С. 61.
83. Там же. – С. 77.
84. Там же. – С. 109.
85. Там же. – С. 122М123.
86. Там же. – С. 152.
87. Там же. – С. 244М245.
88. Там же. – С. 258М259.
89. Там же. – С. 266.
90. Там же. – С. 280.
91. Токвиль Алексис. Демократия в Америке: Пер. с франц./ Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с., с. 62, 68.
92. Там же. – С. 63.
93. Там же. – С. 164.

94. Там же. – С. 237.
95. США. Конституция и законодательные акты. – М., 1993.
96. Демократия: государство и общество. – М., 1995. – С. 16.
97. Цит. по: В.Л. Паррингтон. Течения американской мысли. В 3 т. т.1. – М., 1962 г. – С. 392.
98. В.Г. Каленский. Мэдисон против Джона Адамса: две модели представительного правления в конституционной истории США / Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. – М. 1980. 168 с., с. 64.
99. Пейн Т. Избранные сочинения. – М.: Изд-во АН СССР, 1959 г. – с. 24.
100. Федералист. Политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея: Пер. с англ. / п.р. Яковлева Н. Н. – М., Прогресс-Литера, 1994 г. – С. 339.
101. Джефферсон Т. Общий обзор прав Британской Америки // Американские просветители. Избранные произведения в 2 т., т. 2. – М., 1969 г. – С. 7–27.
102. Джефферсон Т. Письмо С. Керчевалю // Американские просветители. Избранные произведения в 2 т., т. 2 – М., 1969 г. – С. 114–124.
103. Американские просветители. Избранные произведения в 2-х томах. Т.2. – М., 1969. – 444 с., с. 119.
104. Там же. – С. 442.
105. Томас Джефферсон. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. – Л., 1990. – 314 с., с.196.
106. Американские просветители. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. – М. 1969. – 444 с., с.117.
107. Там же. – С. 118–119.
108. А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Русская философия XI–XIX веков. – Ленинград. – 1970. – 650 с., с. 78.
109. Новгородцев П.И. Сочинения. – М., Раритет, 1995. – С. 391.
110. Там же. – С. 394–396.
111. Цит. по: Новгородцев П.И. Указ. соч. – С. 395.
112. Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт полит.-морф. обзора. – СПб., 1907. – С. 38.
113. А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Русская философия XI–XIX веков. – Ленинград. – 1970. – 650 с., с. 125..
114. А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Русская философия XI–XIX веков. Ленинград. – 1970. – 650 с., с. 380.
115. Баталов Э. Русский анархизм вчера и сегодня // Свободная мысль. – 1995. – № 12. – с. 110–114., с. 111.
116. Баталов Э. Русский анархизм вчера и сегодня // Свободная мысль. – 1995. – № 12. – с. 110–114., с. 111.
117. Трубецкой Н. Общевразийский национализм // Свободная мысль. – 1992. – № 7. Ерасов Б. Россия в евразийском пространстве // общественные

- науки и современность. – 1994. – № 2. Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. – 1993. – № 6. Панарин А. Западники и евразийцы // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. Гайденок П. П. “Вехи”: неуслышанное предостережение // Вопросы философии. – 1992. – № 2. Люкс Л. Интеллигенция и революция // Вопросы философии. – 1991. – № 11. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1990. Интеллигенция и народ. Круглый стол // Философские науки. – 1990. – № 2.
118. Баталов Э. Русский анархизм вчера и сегодня // Свободная мысль. – 1995. – № 12. – С. 110–114., с. 112.
119. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. – М., 1993.
120. См. об этом подробнее: Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. – М., 1989.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАТЕГОРИЯ «НАРОДОВЛАСТИЕ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В результате длительного политического развития идея о праве народа на участие в управлении делами государства получила всеобщее признание в ходе развития политической истории человеческой цивилизации. Это право закреплено международным сообществом в международном пакте о гражданских и политических правах, принятом Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году:

1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие. Такое понимание прав человека идет в русле предложений о необходимости создания новой отрасли права – международного права по правам человека [1]. Тем более эта проблема важна и для национальных правовых систем.

2. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами, ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на взаимной выгоде... Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств на существование.

3. Все государства должны поощрять осуществление права на самоопределение, уважать это право [2]. По Конституции Республики Казахстан народ является полноправным субъектом власти. Ст. 1 Конституции Республики Казахстан 1995 года закрепляет право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (что является проявлением принципа народного суверенитета – одного из принципов основ конституционного строя Республики Казахстан).

Понятие “народовластие” в политической науке является новым и недостаточно изученным. Методология всестороннего изучения категории “народовластия” требует научного определения, раскрытия сущностных признаков и специфических черт избранного нами предмета научного исследования. Эта необходимость вытекает не только из требования научного познания к идентификации понятийного аппарата предмета исследования, но и из практической целесообразности и значимости категории “народовластие”, как для политической науки, так и для совершенствования способов и механизмов народовластия в становлении демократической политической системы Республики Казахстан.

Интерпретация термина «народовластие» представляет собой непростую задачу, поскольку в политической науке отсутствует его общепризнанная терминологическая идентификация.

Попытаемся выделить наиболее принципиальные аспекты этой проблемы.

Прежде чем рассмотреть некоторые взгляды и точки зрения современных ученых политологов относительно понятия народовластия, следует обратить внимание на существующие общие “энциклопедические” определения демократии, поскольку в большинстве случаев именно через раскрытие понятия “демократия” выявляются существенные признаки, черты и принципы категории народовластия.

На наш взгляд, выяснение понятия и сущности демократии, ее содержания и форм в их единстве многообразия дает также выход на определение различных моделей и концепций народовластия.

Наиболее общеупотребительное определение демократии отождествляет ее с “народовластием”, это определение стало во многом классическим. Оно имело место уже в древнегреческой политической мысли и проявилось в рассмотрении демократии как формы государства, при которой вся власть принадлежит народу и осуществляется им непосредственно на основе соединения законодательной, исполнительной и судебной власти. Такие представления базировались на весьма узкой трактовке понятия «народ», что свидетельствует о возможности классово-волевой трактовки демократии.

Мы разделяем научные взгляды тех авторов, которые считают необходимым разделять эти два понятия, учитывая при этом неразрывную их взаимосвязь. В подтверждение неразрывной связи этих двух понятий исследователь Ковлер А.И. замечает, что “демократия лишена какого-либо конкретно-исторического содержания, если игнорировать тот факт, что власть народа, как и любая другая власть, существует не сама по себе, а осуществляется через систему политических институтов, образа правления на основе воплощенных в праве принципов общественно-политической жизни, систему ценностей данного общества” [3]. Для аргументации нашей точки зрения обратимся к лексическим словарям и энциклопедиям. Обращение к таковым показывает, что термин “демократия” употребляется “1) для обозначения народовластия, 2) для характеристики государства, которое отличается рядом юридических признаков (признаком воли большинства в качестве источника власти и декларирование свободы и равноправия граждан), 3) как синоним прав и свобод граждан” [4].

В Большой Советской энциклопедии “демократия” определяется как “форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод” [5].

Более объемным и конкретным с точки зрения политического содержания представляется определение демократии, данное в Словаре-справочнике. Демократия определяется как: “1) народовластие в государстве; 2) форма устройства любой организации, основанной на равноправном участии ее членов в управлении и принятии в ней решений по большинству. В этом смысле говорится о партийной, профсоюзной, производственной и

даже семейной демократии. В таком значении демократия может существовать всюду, где есть организация, власть и управление; 3) основанный на определенной системе ценностей идеал общественного устройства и соответствующее ему мировоззрение. К числу составляющих идеал ценностей относятся свобода, равенство, права человека, народный суверенитет и некоторые др.; 4) социальное и политическое движение за народовластие или осуществление тех или иных демократических целей и идеалов” [6].

Таким образом, в вышеприведенных определениях демократия рассматривается тождественно по отношению к понятию народовластия. В частности, прямо указывается, что центральным в политологии является понимание демократии как народовластия в государстве (первое значение), т. е. демократия представляет собой один из типов политической системы (форму государства), необходимыми признаками которого являются: признание народа высшим источником власти; выборность важнейших органов государства; равноправие граждан и, прежде всего, равенство их избирательных прав; подчинение меньшинства большинству при принятии решений и их реализации.

В современной политической науке используются как нормативная, так и эмпирическая трактовки демократии, которые, несмотря на различия, базируются на общих признаках демократии и отражают сложное и противоречивое взаимоотношение идеала и реальности [6]. В широком смысле слова демократия рассматривается как форма организации и функционирования самоуправляющегося общественного организма (понимаемого и как отдельный социальный институт, и как определяемая сфера общественной жизни), основанная на принципах равного права всех членов общества (организации, коллектива) принимать участие в управлении им, выборности руководящих органов, их подотчетности выборщикам. В этом смысле демократия существует не только в политической сфере, но и в других сферах общественной жизни – в экономике (производственная демократия), в деятельности общественных организаций, не входящих в политическую систему общества. Различают непосредственную и представительную демократию. При первой основные решения принимаются самими избирателями (на народных собраниях, путем референдумов), при второй – выборными учреждениями (например, парламентами)” [7].

Демократия трактуется и как форма общественной власти, государства, основанная на признании народа в качестве источника власти. Суть демократии – политическая власть должна исходить от народа, служить ему – первая заповедь демократического общества. Демократия начинается не там, где народ на словах признается источником политической власти, а именно там, где создана система политических институтов, норм, структур и учреждений, обеспечивающих гражданам, общественным организациям более или менее организованное участие во власти и контроль над нею. Следовательно, в своем идеале демократия должна распространяться на все

слои общества, осуществлять демократический принцип верховенства народа, или народовластия, равноправие и свободы личности.

Далее отмечается, что демократия призвана создавать условия для участия всех граждан в экономической деятельности и в управлении делами общества, для постоянного развития личности, ее инициативы и способностей. Под полным развитием демократии понимается действительно всеобщее участие всей массы населения во всех государственных и общественных делах.

Демократический принцип организации означает активное участие масс не только в обсуждении общих правил, постановлений и законов, не только контроль за их выполнением, но и непосредственно в их выполнении. Это означает, что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь” [8].

В другом политологическом словаре можно также встретить тождество демократии и народовластия, однако, с определенной оговоркой, что “в реальной жизни демократия не является народовластием, поскольку весь народ не может выполнять функции политического властвования”. Отсюда под демократией понимают форму правления государства [9].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что в целом демократия характеризуется в большинстве случаев как идеал народовластия, основанный на таких основополагающих ценностях, как свобода, равенство, уважение человеческого достоинства, солидарность.

Стоит заметить, что тождественное понимание демократии как народовластия подвергается со стороны многих современных политологов критическому пересмотру. С этим нельзя не согласиться, так как ни одна из когда-либо реально существовавших в мире демократий не была властью народа (что предполагало бы не государственное управление, а общественное самоуправление) и в лучшем случае являлась властью большинства над меньшинством, а чаще всего формой правления хорошо организованного привилегированного меньшинства, в большей или меньшей степени подконтрольного народу.

Определенный разрыв понимания демократии как народовластия с реальностью пытается преодолеть ее трактовка, которая основывается на эмпирическом подходе, требующем абстрагироваться от человеческих идеалов и желаний и исследовать демократию такой, какова она есть на самом деле. В этом случае демократия трактуется, например, как форма правления меньшинства, элиты, основанная на конкуренции потенциальных руководителей за доверие избирателей, выражаемое на выборах (Й.А. Шумпетер), или как полиархия.

Пытаясь разделить неразрывные понятия “демократия” и “народовластие”, идеологи либеральной демократии перенесли основной акцент с концепции народовластия на принцип народного суверенитета,

реализуемого через институт выборности органов управления или, как установилось в практике демократических режимов, через институт свободных выборов, проводимых на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права.

Интересно, что в “Казахстанской политологической энциклопедии” наряду с определением демократии раскрывается именно сущность категории “народный суверенитет”. Указывается, что “народный суверенитет” основан на признании всего граждански правомочного населения той или иной страны источником политической власти. Эта концепция исторически связана с разрушением концепции суверенного правителя в эпоху буржуазных революций и с возникающим в Новое время противопоставлением государства и гражданского общества, когда развивается представительское правление, используются разного рода формы прямой демократии (референдумы, плебисциты и т. п.), а в отдельных случаях и формы демократии участия [10].

В научной литературе можно найти как отождествление, так и разграничение народовластия с такими понятиями, как: «суверенитет народа», «полновластие народа», «народоправство», «самоуправление», «управление», «государственная власть», «представительное правление», «непосредственная демократия». То или иное решение вопроса о соотношении понятий можно найти в работах Л. А. Григоряна, Р. Гетц, В. Т. Кабышева, М.И. Кукушкина, В. А. Ржевского, Ю. И. Скуратова, М. В. Цвик, Ю. А. Тихомирова и др. авторов.

Изучая народовластие с различных точек зрения и выделяя в качестве предмета исследования отдельные его важнейшие стороны либо подходя к его определению с точки зрения отдельных наук, советские ученые дали различные определения понятия народовластия. По мнению исследователя Б.В. Кожанова, в советской литературе существует несколько точек зрения по вопросу о понятии социалистического народовластия. К их числу он относит определения народовластия через понятие самоуправления (А.П. Бутенко, А.И. Щиглик, В.Г. Гулиев, Б.Н. Топорнин) и в качестве «демократической системы управления государственными и общественными делами, которая действует не только для трудящихся, то есть при их непосредственном и решающем участии (И.П. Ильинский, И. Рожко)» [11]. Интересно, что сам Б.В. Кожанов определяет социалистическое народовластие как «совокупность разработанных форм и методов, обусловленных сущностью советского государства, с помощью которых граждане осуществляют свою государственную и общественную власть с целью решения задач социалистического строительства» [11]. Таким образом, в этом определении больше делается акцент на формы и методы осуществления гражданами своей государственной и общественной власти, что, безусловно, важно. Однако такой подход значительно сужает объем понятия народовластия, сущность которого выводится из сущности государства и тем самым ведет к огосударствлению народовластия.

Ограничивается и круг субъектов народовластия гражданами. В этом случае из системы субъектов народовластия исключается народ в целом, под которым подразумеваются не только граждане, но и классы, слои, народности, нации, трудовые и территориальные общности.

Среди различных подходов к определению понятия «народовластие», на наш взгляд, можно выделить несколько основных.

Первый подход связан с отождествлением народовластия с властью народа как целого и последующим сведением власти народа к государству с Советами народных депутатов в качестве его политической основы, либо к политической системе, определяемой как механизм социалистического народовластия. В свою очередь, в рамках последнего выделяются две точки зрения: первая акцентирует внимание на объединяющей роли государства в политической системе, а вторая – на самостоятельности каждого элемента этой системы.

Необходимо отметить, что в определенное время преобладало и определение народовластия через государственную или общественную власть. Причем, в первом случае, как уже отмечалось, народовластие отождествлялось с демократией, а во втором – с самоуправлением.

Общим для всех подходов являлось сведение народовластия к действующим властным структурам, либо к формированию понятия «народовластия», исходя из абстрактных принципов. Однако оба подхода не привели к пониманию народовластия как самостоятельной и действительно функционирующей системы властвования.

Российский исследователь Д.Ю. Шапсугов справедливо отмечает, что каждая трактовка народовластия имеет свои определенные основания, выражающие действительные связи. Дело лишь в том, что абсолютизация каждого такого основания на деле приводит к отождествлению либо противопоставлению названных выше понятий, что неизбежно связано с неадекватными представлениями о народовластии [12].

При этом классическим примером могут служить трактовки народовластия, сводившиеся к отождествлению его с полновластием Советов. Недостаток такой трактовки заключается именно в отождествлении народа и Советов, поскольку лозунг «Вся власть Советам» означал признание последних как представительных органов в качестве единственного и монопольного обладателя власти. Примечательно, что данное положение, получившее закрепление в советских Конституциях и которое истолковывалось как высшее проявление народовластия, фактически являлось признанием отсутствия власти непосредственно у народа.

Имели место и трактовки народовластия, в основе которых лежали различные представления о демократии и самоуправлении и их соотношении с народовластием. К их числу относятся: отождествление народовластия с самоуправлением; рассмотрение народовластия как предпосылки возникновения самоуправления; представления о народовластии как процессе, начинающемся с установления демократии, имеющей тенденцию к

развитию в сторону самоуправления как наивысшей формы осуществления власти народа. Стоит заметить, что многие исследования советских ученых носят абстрактно-теоретический характер и не являются анализом действительности, а выступают как должное выражение непротиворечивой должной практики и поэтому содержат в себе свою логику и свою систему доказательств. Так, например, по мнению советского исследователя В.А. Ржевского, народовластие, рассматриваемое как институт общественного строя СССР, выражает не только сущность социалистического государства, но в плане своей организации характеризует его форму в качестве системы социалистической демократии, обеспечивающей власть народа в процессе вовлечения трудящихся в различные способы управления государством. При этом, по мнению исследователя, система социалистической демократии выступает как форма организации государственной власти, включающая различные государственные и общественные системы осуществления народовластия во всех областях хозяйственной, политической и социально-культурной деятельности. В результате обеспечивается социалистическое самоуправление народа, по своему содержанию тождественное системе демократии, имеющей в целом государственно-властный, политический характер. Вместе с тем подчеркивалось, что систему социалистического народовластия нельзя сводить исключительно к политической системе общества, ибо тогда невозможно раскрыть всеобщий характер государственной власти при социализме [13]. Широкое распространение получило определение народовластия как совокупности государственной и общественной власти. При этом в качестве конституционного механизма осуществления власти рассматривалась вся политическая система в единстве государственных и общественных ее институтов [13].

Таким образом, из изложенной общей характеристики сложившихся подходов к понятию народовластия становится очевидным то деформирующее влияние на теоретические исследования народовластия, которое оказало имевшее место огосударствление народа. В дальнейшем практика показала иллюзорность такого рода понимания народовластия, его несоответствие действительности.

Некоторые последние издания политологических словарей содержат конкретное раскрытие самого понятия “народовластие”.

Так в “Политологическом словаре” термин народовластие понимается как “полная власть народа, когда он является ее единственным источником и носителем суверенитета. Слово является точным переводом греческого слова – демократия. Имеет, однако, и особое смысловое наполнение, подчеркивая суверенитет, верховенство народа по отношению к органам государственной власти” [14]. В данном случае под суверенитетом (фр. *souverainete* – верховная власть) понимается верховенство и независимость власти, совокупность политического полноправия государства, нации, народа и человека.

При этом демократия определяется как “наиболее современная форма политического и экономического устройства общества, основанная на признании народа в качестве источника власти; конкретно-исторический тип государства, декларирующий принципы народовластия, права и свободы граждан, возможность действий различных политических сил, контроль за деятельностью органов власти.

Более емкое определение народовластия содержится в “Политической энциклопедии”. Понятие народовластие определяется следующим образом. “В современном понимании народовластие может быть определено как идеал самоопределения политического сообщества через институты и механизмы волеизъявления равноправных индивидов, обладающих свободой личного выбора. В таком толковании народовластие составляет нормативное измерение идеи современной демократии, ее основание.

Отмечается, что наиболее кратко и экспрессивно либерально-демократическую формулу народовластия выразил в свое время А. Линкольн, назвав демократию системой, при которой “власть принадлежит народу, осуществляется народом и в интересах народа”.

К этому вышесказанному стоит добавить, что при выявлении сущности народовластия следует различать античное содержание народовластия, когда во времена полисной организации народовластие предполагало правовое равенство граждан, их прямое участие в процессе политического управления и современное содержание концепции народовластия. Поскольку идея народовластия получила совершенно иную окраску в условиях тоталитарных и авторитарных режимов XX века, проявивших, несмотря на различия их доктрины, общее стремление противопоставить “буржуазной демократии” как ограниченной, ущербной, служащей интересам меньшинства, “подлинную волю народа”, выраженную в ходе плебисцита или на выборах в Советы, др. представительные учреждения” [15].

Выявив сущностные признаки и черты понятийного аппарата категории народовластия, на наш взгляд, уместно будет перейти к рассмотрению некоторых взглядов и мнений современных ученых. Целесообразность анализа политических взглядов современных ученых заключается в попытке представить авторское определение понятия “народовластие”.

Современный исследователь Ковлер А.И., автор книги “Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории”, учитывая многообразие значений демократии, а также неразработанность методологических принципов историко-правового анализа исторических форм демократии, попытался исследовать проблемы методологии и уточнить понятия демократии и народовластия. По мнению автора, по мере усложнения политической картины мира и наслоения на нее политических доктрин, апеллирующих к демократии, она приобретала самые различные толкования [16]. Согласившись с мнением автора, стоит еще раз

подчеркнуть, что различные формы и типы демократии зарождали в себе определенную модель народовластия с присущими ей механизмами и принципами. Тем более, что история политических учений содержит различные определения демократии и народовластия, а мыслители каждой эпохи вкладывали в эти понятия свое содержание.

Еще Ф. Энгельс отмечал, что понятие демократии “изменялось всякий раз с изменением понятия демос”, указывая тем самым на классово-исторический характер демократии [17]. Определение исследователя Г.Х. Шахназарова, который понимает под демократией “форму государственного устройства, основанную на принципах народовластия, равенства и свободы”, на наш взгляд, полностью можно применять лишь к зрелой представительной демократии, когда подлинное народовластие имеет под собой социально-экономические и конституционные гарантии и обеспечено реальным использованием гражданами своих политических прав и их массовым участием в управлении делами государства и общества, в общественно-политической жизни.

Следовательно, при научном анализе понятия народовластие необходимы иные подходы к его определению, нежели отождествление демократии с понятием народовластие. Такой подход может быть оправдан лишь для более развитых форм современной демократии. Поскольку в условиях высокой степени участия граждан в управлении делами государства и общества демократия перерастет в подлинное народовластие. По мнению Ковлера, “для выявления сущности и форм демократии в классово-антагонистических обществах необходимы иные определения демократии, нежели этимологическое отождествление ее с народовластием или механическая трактовка демократии как правления большинства”.

Примечательно, что против этимологического (основанного на переводе с греческого) отождествления любого типа демократии с “народовластием” выступили в свое время ряд советских исследователей, указывающих на то, что слово “демос” имело в Древней Греции иное, чем “народ” значение, а означало скорее “массу” и притом часто массу не гражданскую [18]. Вместе с тем советские исследователи считали, что достижение реального народовластия выступает как критерий подлинной демократии, как ее идеал.

В этой связи один из советских исследователей Ю. А. Тихомиров подчеркивал следующее: “Понятие демократии как народовластия, как важнейшего принципа общественной жизни, как социальной ценности имеет самостоятельное значение. Весь народ в целом, классы, слои, коллективы, граждане служат субъектами социального управления, ведь привлечение масс к управлению есть цель и средство управленческой деятельности” [19]. Интерес к практике прямой демократии проявляли советские исследователи, особенно в плане теоретического обоснования развертывания социалистического самоуправления народа [20].

Прямая демократия была прогрессивным явлением до тех пор, пока она обеспечивала массовое участие в управлении, сокращая дистанцию между субъектами и объектами властвования. К современным формам прямой демократии в масштабах государства относятся референдумы (плебисциты).

Стоит отметить, что многие советские исследователи пытались проанализировать сущность народовластия, ее конституционную основу и форму проявления. По их мнению, правовой основой народовластия в СССР и его гарантией является Конституция СССР 1977 года.

Действительно, Конституция СССР 1977 года содержала в себе определенную в теоретическом плане модель или концепцию народовластия. Предполагалось, что именно через Советы народных депутатов осуществляется власть народа. Принцип народного суверенитета действительно был закреплен в Конституции СССР 1977 года. В ст. 2 говорилось, что вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов”. Следовательно, советский народ – единственный источник власти, только ему, и никакой другой отдельной группе общества, принадлежит государственная власть.

А полномочия советского народа находят свое воплощение в высших и местных органах государственной власти. Высшими органами государственной власти являются Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик. Местными органами государственной власти в СССР являются Советы народных депутатов, организованные на местах в соответствии с административно-территориальным делением страны.

Наиболее ярким проявлением народовластия в СССР считалось непосредственное образование народом органов государственной власти. Участие в управлении государственными и общественными делами – важнейшее политическое право советских граждан, гарантированное Конституцией СССР. В частности, ст. 48 Основного Закона предусматривалось, что граждане СССР избирают и могут быть избраны в Советы народных депутатов, участвуют в осуществлении контроля за их деятельностью и в решении других важнейших вопросов государственной и общественной жизни. Таким образом, выборы в Советы – “самая широкая форма непосредственного осуществления народовластия”.

Большая роль в осуществлении народовластия возлагалась на общественные организации – профсоюзы, комсомол, органы народного контроля, кооперацию, многочисленные творческие силы интеллигенции, научно-технические общества, различные самодеятельные организации трудящихся.

Еще одно право граждан СССР закреплялось в ст. 48 Конституции СССР. В осуществлении народовластия большое место занимало право

широкого обсуждения трудящимися важнейших актов партии и правительства по вопросам хозяйственной, социально-культурной и политической жизни страны.

Предусматривалась и другая форма непосредственного выражения народовластия – референдум, при помощи которого народ мог выразить свою волю и придать ей общеобязательный, государственно-правовой характер.

Рассуждая о демократии, советские исследователи считали, что самое непосредственное отношение к понятию демократии имеет народовластие. И хотя внешне эти понятия – демократии и народовластия – могли восприниматься как тождественные, с течением времени по мере того, как одна общественно-экономическая формация уступала место другой, слово “демократия” приобретало и новое звучание, и большую остроту” [21]. По мнению советских исследователей, “народовластие и демократия различаются, прежде всего, по их субъектам. Субъектом народовластия является только народ как целая социально-политическая категория, а субъектом демократии могут быть классы, партии, различные общественные организации, отдельные коллективы, граждане”.

Демократия, не тождественна с народовластием еще и потому, что демократические начала, классово ограниченные, имеют место в эксплуататорском обществе при полном отсутствии народовластия. Следовательно, заключают авторы, только при социализме демократия и народовластие могут выступать как тождественные, но не равнозначные понятия. При капитализме же такое тождество вообще исключается. Социалистическая демократия как подлинно народная демократия, безусловно предполагает принадлежность государственной власти трудящимся”.

Вообще народовластие, или народный суверенитет, характеризовались в советское время полнотой и стабильностью. Считалось, что народовластие в СССР – это сам факт принадлежности власти народу, а социалистическая демократия – это прежде всего степень участия масс в делах государства, в осуществлении своей власти.

По мнению советских исследователей, расширение именно такого участия и есть развитие демократии, а значит, укрепление и совершенствование механизма народовластия, но не расширение самого народовластия. Демократия и народный суверенитет – два стержневых понятия народовластия, отражающие политическую сущность советского общества.

Советские исследователи отмечали, что демократия представляет собой одну из древнейших форм политической власти в обществе, форму государства, которому на деле присущ политический режим народовластия [22]. Демократия – это власть народа, осуществляемая в интересах народа и самим народом. Из этой формулы, отмечали исследователи, вытекает, что политическая власть исходит от народа, принадлежит ему, и это первая

“заповедь демократического общества”. Демократия начинается не там, где народ на словах признается источником политической власти, а именно там, где создана система политических институтов, норм, структур и учреждений, которая обеспечивает гражданам более или менее организованное участие во власти и контроль над нею [23]. Непременным условием демократии является конституционное оформление государственного строя, наличие писаной конституции, которая сама по себе всегда воспринималась и воспринимается многими людьми как символ демократии и ее непосредственное воплощение в жизни [24]. В любом демократическом обществе высший представительный орган государственной власти формируется путем выборов, в которых принимают участие все или большинство взрослого населения страны. К элементарным демократическим институтам относятся такие формы прямого народного волеизъявления, как референдумы (плебисциты), опросы (демоскопия), а также различные способы, с помощью которых demos, т. е. народ, наделяется, по крайней мере формально, правом требовать отчета от исполнительной власти, открыто обсуждать ее дела через свободную печать, оспаривать действия чиновников в независимом суде и т. д. Реализация прямой (непосредственной) демократии должна сочетаться с реализацией разнообразных форм представительной демократии, отмечали советские исследователи [25]. Наличие и сочетание прямой (непосредственной) и представительной демократии должны быть присущи любому типу демократической системы. Наряду с огромным числом самоуправляющихся ячеек, в рамках которых люди сами решают возникающие перед ними проблемы, функционируют государство и его органы, признанные, как того требует политическая теория, устраивать общие дела, действовать в интересах всего общества. Органы государственной власти должны получить мандат на ведение общих дел от народа или его большинства, представлять народ и осуществлять властные полномочия от его имени и по его поручению. Формируемая на выборах система представительных органов государственной власти выполняет на высшем уровне законодательные функции, а также выступает организатором управления всеми государственными делами. Система представительных учреждений государственной власти должна иметь прочную самоуправленческую основу, и, таким образом, прямая демократия предшествует представительной, придает ей силу и авторитет [25]. **Таким образом, в теоретическом плане так представлялся механизм народовластия в эпоху существования Советского государства. А институт политического представительства считался одним из неизбежных признаков демократии как формы правления.**

По мнению российского исследователя Б. Н. Калашникова, демократия должна иметь стержневой смысл. По своему содержанию она представляет власть народа и для народа, а по форме предполагает наличие таких необходимых институтов, как разделение властей, выборность должностных лиц, наличие гарантированных прав и свобод человека [26].

Российский исследователь К.С. Гаджиев определяет демократию как народовластие. Он замечает, что термин «демократия» в дословном переводе с древнегреческого языка означает «народовластие» или «власть народа». В этом смысле важнейшим признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. Причем разные народы могут по-разному трактовать содержание и формы этого народовластия. Имеются существенные разночтения в понимании демократии в античном мире и на современном Западе. Гаджиев замечает, что в Западной Европе и Северной Америке базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона. Народовластие у народов и стран других регионов может иметь иное содержание, иные параметры и конфигурацию, нежели скажем, у американцев, французов, англичан и др. [27]. Демократия, по мнению исследователя, продемонстрировала способность приспосабливаться к самым различным национально-культурным условиям. Но при этом особо хочется подчеркнуть, что привитие и институционализация демократических форм политической самоорганизации общества на той или иной национальной почве отнюдь не может сводиться к механической трансплантации готовых форм, принципов и институтов западной демократии. Существуют нормы, ценности и институты, которые в силу своей исторической и политико-культурной специфики не могут быть воспроизведены в чистом виде вне их первоначального контекста. В массиве национального сознания каждого народа имеются базисные, врожденные элементы, определяющие сам дух, менталитет, характер данного народа, и они не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему. Перспективы модернизации и демократизации в значительной степени зависят от состояния сознания народа, от степени его готовности принять и реализовать основные принципы и нормы политической демократии [28]. Другой исследователь А.Н. Медушевский отмечает, что под демократией в узком смысле слова понималась форма государства, основанная на признании народа источником и одновременно носителем власти, осуществляющим ее путем реализации своих гражданских прав и свобод [29]. По мнению исследователя, в современное время теоретически влиятельным становится тезис, согласно которому демократия – это только форма государственной организации, которая может иметь различное социальное содержание и использоваться всеми политическими течениями для достижения своих целей. Наиболее полно этот вывод был сформулирован, вероятно, Лениным в книге «Государство и революция». С помощью гегелевской диалектики здесь доказывается парадоксальный тезис о том, что буржуазная демократия – это диктатура класса капиталистов, в то время как пролетарская диктатура – это высшая форма демократии. Что касается собственно демократии, то это не что иное, как одна из форм государственного устройства, которая может

быть в разных условиях заполнена различным социальным содержанием [30]. На наш взгляд, мнение российского исследователя М.Н. Марченко относительно выявления сути таких сложных и неразрывно связанных между собой понятий, как демократия и народовластие, является наиболее приемлемым. По мнению исследователя, определение демократии как народовластия или, скажем, как формы государства не может в полной мере удовлетворить ни теоретические (интеллектуальные) потребности общества или его отдельных представителей, ни их практические запросы. Ибо представление о демократии как о форме государства является весьма односторонним, а представление о ней как о народовластии – слишком общим, непременно требующим определенной детализации и «расшифровки» [31]. В восточной и арабской общественно-политической литературе также прослеживается интерес как ученых, так и государственных деятелей к проблеме народной власти.

Например, ярко выраженный исламский отпечаток носит структура народовластия в современной Ливии, учрежденная М. Каддафи и получившая «социалистическое» звучание: демократия народа и для народа, солидарного в коллективном труде при системе распределения общественного продукта по труду. По утверждению Каддафи, такая организация общества представляет собой форму социализма, соответствующую умме пророка Мухаммеда [32].

В “Зеленой книге” ливийского лидера Муаммара Каддафи излагаются его взгляды на вопросы государственного устройства общества. В ней обосновывается принцип «прямой народной демократии», осуществляемой всем народом через народные собрания и комитеты. Тем самым Каддафи провозглашает путь создания общества «прямого народовластия».

Демократия, по мнению Каддафи, включает два слова – народ и кресла. Она означает власть народа. Власть помимо народа есть представительство или опекунов. Представительство – это обман, к которому прибегают правители. Народу и только народу должны принадлежать их кресла. Мы живем в эпоху масс, стремящихся утвердиться у власти. Завершился период, когда народ избирал того, кто им правит. Наступил, по мнению Каддафи, этап народного самоуправления. Осуществить его можно через создание народных конгрессов и комитетов. Конгрессы и комитеты должны существовать повсюду. Так, после эпохи республик, наступило время Джамахирии, эпоха, когда каждый и управляет, и правит. Настала эпоха перестройки, эпоха всемирной теории, эпоха Зеленой книги [33]. В Зеленой книге Каддафи подробно изложены причины его отрицательного отношения к парламентской демократии. Парламенты составляют основу существующей традиционной современной демократии, но представительство народа в парламентах является обманом, а парламентаризм – это порочное решение проблемы демократии. Основное назначение парламента – выступать от имени народа, что само по себе недемократично, поскольку демократия означает власть самого народа, а не власть тех, кто выступает от его имени.

Сам факт существования парламента означает власть без народа. Подлинная демократия возможна лишь при участии самого народа, а не его представителей [34]. По словам Каддафи, парламенты стали узаконенным барьером, мешающим народу осуществлять свою власть, отстранившим массы от участия в политике и монополизировавшим их власть. Парламенты стали средством узурпации и присвоения власти народа. Если парламент сформирован партией, победившей на выборах, то он является не народным парламентом, а парламентом партийным и представляет данную партию, а не народ [35].

Партия, по мнению Каддафи, представляет часть народа, между тем как суверенитет народа неделим. Партия правит от имени народа, на деле же никакое представительство от имени народа невозможно [36]. Один из институтов демократии – референдум также по мнению Каддафи – фальсификация демократии. Каддафи предлагает создать такое орудие правления, которое не было бы ни партией, ни классом, ни кланом, ни племенем и являло бы собой весь народ в целом, а не «представительство» от его имени [37].

Единственным средством осуществления народной демократии являются народные конгрессы и народные комитеты. Прямая демократия – это идеальное решение и идеальный метод правления. Власть народа находит выражение только в одной форме, и осуществление власти народа возможно лишь одним путем – путем создания народных конгрессов и народных комитетов. Сначала все население разбивается на первичные, низовые народные конгрессы. Каждый конгресс избирает в качестве руководящего органа комитет. Комитеты формируют народные конгрессы на уровне округов, то есть уже не первичные. Далее, массы, объединенные в первичные народные конгрессы, избирают административные народные комитеты, которые заменяют собой государственную администрацию и берут на себя управление всеми отраслями хозяйства общества. Народные комитеты, управляющие отраслями общественного хозяйства, ответственны перед первичными народными конгрессами, которые определяют их политику и контролируют исполнение. Вопросы, обсуждаемые народными конгрессами и народными комитетами, окончательно формулируются на их форуме – Всеобщем народном конгрессе, где совместно собираются руководящие органы народных конгрессов, народных комитетов. Тем самым управление становится народным, народным становится контроль, утрачивается отжившее определение демократии, гласящее, что демократия – это контроль народа над правительством, и на его место ставится правильное определение, гласящее, что демократия – это народный самоконтроль [38]. Таким образом, установка Каддафи – “власть народа без представительства или депутации”, что явится “осуществлением прямой демократии в ее организованной и эффективной форме”. Основой такой демократии становятся народные съезды и народные комитеты. Такой же народный характер должно носить

нормотворчество, основывающееся на мусульманских понятиях о справедливости.

В рамках нашего исследования определенный интерес также представляют взгляды общественного деятеля Китая Сунь Ят-сена (1866–1925 гг.), который являлся выразителем так называемой **крестьянской демократии** Китая первой четверти XX века. В частности, он сформулировал три народных принципа и считал их характер универсальным. Он писал, что вся история стран Европы и Америки есть история претворения в жизнь таких великих принципов, как национализм, народовластие и народное благосостояние. Принцип народовластия, который Сунь Ятсен считал и основой политической революции, ее сердцевиной, означал требование уничтожения императорской власти и учреждения демократического конституционного режима. Принцип народовластия предусматривал предоставление народу как косвенных, так и прямых прав для обеспечения массам реальной возможности участвовать в делах государства [39].

На теорию трех народных принципов опиралось и учение о конституции пяти властей. Чтобы народ в действительности владел, управлял и пользовался всем в государстве, государственная власть должна была делиться – по плану Сунь Ятсена – на самостоятельные независимые друг от друга власти: законодательную, исполнительную, судебную, экзаменационную и контрольную. Законодательная власть принадлежит парламенту, главой исполнительной власти является президент, судебную отправляют судьи. Две остальные власти образуют компетенцию должностных лиц контрольного и экзаменационного юаней (т. е. особых палат, входящих в состав правительства) [40].

Однако ключом к конституции пяти властей Сунь Ятсен считал лишь прямое народовластие, осуществляемое благодаря уездному самоуправлению. Конституцию пяти властей он сравнивал с машиной, а прямое народовластие – с рычагами этой машины. Прямая власть народа складывается из четырех великих прав: избирательного, права смещения должностных лиц, права законодательной инициативы и права референдума. Первые два права Сунь Ятсен подробно не комментировал – они были ясны и так. Правом законодательной инициативы он называл право народа создавать – когда это нужно – новые законы или добиваться отмены того или иного принятого законодательным юанем закона, если он кажется народу вредным. Право референдума – это право народа одобрить отвергнутый законодательным юанем хороший закон и тем самым обеспечить его принятие. Лишь наличие этих прав у народа дает ему реальную демократию [41]. **Позиция современных казахстанских исследователей по поводу категорий демократии и народовластия заслуживает особого внимания.** Ряд казахстанских исследователей придерживается своего мнения относительно сущности идей демократии и народовластия, а также осуществления идеи народовластия через различные демократические институты.

По мнению исследователя Е.М. Абен, в качестве основополагающей парадигмы современного государственно-правового устройства стран и народов разделение власти является именно тем инструментом, который позволяет предотвратить утверждение тотального всевластия. Оно, в конечном счете, направлено на то, чтобы полнее отражать интересы народа – источника этой власти [42]. При этом исследователь замечает, что необходимо использование термина «разделение власти», а не «разделение властей», ибо в функциональном отношении государственная власть едина и неделима, в противном случае, пришлось бы дифференцировать и волю источника всякой государственной власти – народа. Примечательно, что Е.М. Абен акцентирует внимание на децентрализации политической власти как на условии институционализации демократии. По его словам, споры идут о путях политического развития Казахстана либо через децентрализацию политической власти, в ее западном варианте – при равноправии всех участников политического процесса, либо через усиленную централизацию власти в руках Президента и исполнительной власти. По его мнению, как показывает реальность социально-экономического и политического бытия Казахстана, второй вариант трансформации для Республики более приемлем. Опыт других стран, пытавшихся механически скопировать западную модель политической структуры и президентства, без учета традиций, политической практики и социально-экономического деления общества, доказывает фатальность такого демократического правления. Следовательно, Казахстан должен исходить из своей специфики политического развития, при этом не отбрасывая опыт демократического строительства других стран. Эффект зеркального отражения в данном случае Республике вряд ли подойдет [43]. Претворение в жизнь идеи народовластия через модель разделения властей, которая предусматривает использование системы сдержек и противовесов, видится и казахстанским политиком и ученым С. Абдильдиным.

По его мнению, этот принцип был введен не ради борьбы за власть, а ради укрепления государственности, ради того, чтобы в интересах многонационального народа Казахстана принимались и осуществлялись обоснованные и взвешенные решения. В Казахстане, замечает С. Абдильдин, принципу разделения властей в наибольшей мере отвечает именно президентская форма правления, когда президент, будучи главой государства, возглавляет одновременно исполнительную власть, законодательную осуществляет парламент, а судебную – суды. Именно эта форма правления в наибольшей мере отвечает задаче укрепления государственности, потребности во власти, способной оперативно принимать и реализовывать необходимые решения в быстро меняющейся социально-экономической и политической обстановке. В этом и состоит основное достоинство, сила президентской власти. Но всякое демократически организованное общество должно иметь средства, ограждающие от концентрации власти в руках одного органа или лица. Это и является одной из важнейших задач законодательной и судебной ветвей власти в условиях

президентской республики [44]. Однако, замечает С. Абдильдин, «при любой форме правления основным признаком демократического государства является наличие сильной представительной власти во главе с парламентом». Будучи подлинно представительным органом, парламент своим мнением выражает интересы всех слоев общества, благодаря чему удается разрешать многие противоречия, направлять порой несовпадающие интересы различных групп населения в единое русло общегосударственного интереса. Подлинное разделение властей предполагает наличие постоянно действующего, профессионального парламента [45].

По мнению С. Абдильдина, демократия как форма жизнедеятельности общественного организма в своих конкретных воплощениях всегда шла снизу, с мест, от народа, и в зависимости от того, в какой мере решаются его проблемы на местах, в такой же степени проявляется и волеизъявление народа – от тихого вызревания «гроздьев гнева» до кризисных форм [46].

То, что именно разделение власти способствует претворению идей народовластия, находит свою поддержку и со стороны другого казахстанского ученого Л.А. Байдельдинова. По его мнению, принцип дисперсии государственной власти имеет безусловную экономическую и политическую ценность. Он реализуется в конфедеративном или федеративном государственном устройстве, в развитии различных форм местного самоуправления, в принципе разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Политической формой государственно-властного устройства, обеспечивающей и необходимую централизацию власти, и ее рассредоточение, дисперсию является - демократия. Дисперсия власти социально необходима, замечает ученый, так как власть, особенно государственная власть, по своей природе – агрессивная функция. Поэтому ее сосредоточение в одном центре, в одних руках, в одной властной структуре таит в себе серьезную общественную опасность.

Л.А. Байдельдинов подчеркивает особую социальную ценность демократии:

- демократия обеспечивает более полное участие населения в решении коренных вопросов его жизни;
- она легко усваивается гражданами как форма и способ их политической самодеятельности;
- она содержит в себе необходимые социальные, экономические, организационные, правовые, информационные, общекультурные условия для активизации субъектов политических отношений;
- демократия создает обстановку открытости и легальности политической деятельности, повышая ее публичность и насыщенность реальными интересами граждан;
- демократическая система легко впитывает в себя политические новации, восприимчива к изменениям в социально-политической обстановке. Она непрерывно развивается;

- демократия – глубоко эшелонированная политическая система, создающая широкое поле для маневра;

- для демократической системы характерно разнообразие сил, средств, методов политического воздействия, богатого арсенала, обеспечивающего политическую стабильность;

- демократическая система содействует выработке компромиссных решений, торжество консенсуса, она сглаживает, гармонизирует социально-политическую обстановку [47].

По словам Л.А. Байдельдинова, при всей социальной необходимости демократии в ней имеются некоторые негативные аспекты. Среди них особое место в политической жизни занимает охлократическая тенденция, неизбежная спутница демократического обустройства общества. Охлократия – элемент политической реальности, тенденция, провоцируемая демократической обстановкой и, в известной степени, неотъемлемый элемент самой демократии. Наиболее наглядная форма охлократии – стихийная, площадная демократия масс, где последние путем непосредственного давления на государственную власть стремятся добиться реализации своих нужд. Охлократия с ее претензией на народовластие, народоправство, как показал исторический опыт большевизма, таит в себе опасность перерождения в тиранический режим. И в этом плане фундаментальное значение имеет формирование и функционирование институтов представительной демократии. Представительство выражает то, что государственно-властная деятельность по своей сути и содержанию является элитарной. Именно представительная демократия обеспечивает приход к государственной власти лучших легитимным путем. Выбор лучших принадлежит гражданам. Этот отбор они осуществляют на основе достаточно развитых в современных условиях контактов [48].

Другой казахстанский исследователь С. А. Дьяченко считает, что фундаментальным началом народовластия в Республике Казахстан является положение о том, что народ осуществляет власть непосредственно через республиканские референдумы и свободные выборы, а также делегирует осуществление своей власти государственным органам. Весьма существенным является принцип единства системы государственной власти [49]. Свое мнение исследователь подкрепляет положениями, содержащимися в статье 3 Конституции Республики Казахстан, о том, что:

а) единственным источником государственной власти является народ;

б) народ осуществляет власть непосредственно через республиканский референдум и свободные выборы, а также делегирует осуществление своей власти государственным органам;

в) никто не может присваивать власть в Республике Казахстан. Присвоение власти преследуется по закону. Право выступать от имени народа и государства принадлежит Президенту, а также Парламенту республики в пределах его конституционных полномочий. Правительство

республики и иные государственные органы выступают от имени государства в пределах делегированных им полномочий;

г) государственная власть в республике едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия их между собой с использованием системы сдержек и противовесов [50].

Конституционные нормы, замечает С. А. Дьяченко, признающие народ единственным источником государственной власти и порядок осуществления им власти (статья 3), закрепляющие права, свободы и обязанности граждан, являются фундаментом для формирования гражданского общества [51]. Исследователь Балгимбаев А.С. считает, что управление в демократическом обществе предполагает гармоничное сочетание представительной и непосредственной демократии. В разных странах она осуществляется неодинаково. Самое важное – это определить границу, разделяющую государственное управление и (общественное) самоуправление на местном уровне, принципы их взаимоотношений и установить систему регулирующих их норм. Здесь важно понять, что одинаково недопустимы как принижение институтов местного самоуправления, так и любые попытки поставить их на место государственных институтов. Следует осознать, что эти институты дополняют друг друга при условии, что они наделены реальными полномочиями по решению муниципальных проблем. При формировании институтов самоуправления полезным был бы опыт непосредственной демократии казахского кочевого общества. В русле укрепления представительной демократии лежит расширение выборности и совершенствование выборного законодательства. Разрабатывается программа поэтапного введения выборов глав администраций, намечен постепенный переход к практике формирования избирательных комиссий маслихатами, что позволит устранить вмешательство исполнительной власти в избирательный процесс. Важно и логически оправдано вместе с совершенствованием закона о выборах принять закон об отзыве депутатов с учетом специфики выборов по пропорциональной системе, ротации депутатов, избранных по партийным спискам [52].

Балгимбаев А.С. отмечает, что в связи с тенденцией децентрализации власти во весь рост встает и такая проблема, как развитие местного самоуправления в рамках представительной демократии. При ее решении надо исходить из того, что государственная власть и объективное самоуправление не противостоят, а взаимодополняют друг друга. Каждая из них необходима в определенных границах при переходе, за которые управление перестает быть эффективным. Важно не только определить границу, разделяющую государственную власть и общественное самоуправление, но и принципы и механизмы взаимодействия этих двух форм управления как необходимого инструмента регулирования общественных отношений [53].

Конкретные модели демократии определяются и тем самым отличаются друг от друга прежде всего степенью воплощения в жизнь, приближения к идеальной конструкции, степенью адекватности идеалу, а это последняя находится в прямой зависимости от уровня зрелости гражданского общества, общей и политической культуры, т. е. своеобразной установочной и поведенческой матрицы, в пределах которой располагается политическая система [54]. Профессор Ишмухамедов А.Ш. считает, что к числу основополагающих принципов демократии относится принцип большинства, включающий в себя учет интересов меньшинства, составляющий сущность доктрины суверенитета государства. Сообразно этому принципу народ провозглашается источником верховной государственной власти. Становление подлинной демократии возможно лишь тогда, когда граждане будут обладать не только политическими, но и социально-экономическими правами [55].

Выборы президента, считает Ишмухамедов А.Ш., подтвердили положение о том, что развитие по пути демократии – путь политической борьбы за реальное народовластие [56]. По его мнению, с демократическим развитием Казахстана связывается совершенствование институтов политической системы, в том числе его представительной демократии. Это настоятельно выдвигает необходимость и целесообразность проведения в РК, хотя бы в экспериментальном порядке, выборов акимов в ряде городов и областей, выборов органов местного самоуправления [57].

Исследователь А. Котов отмечает, что высшей юридической силой народного волеизъявления закреплена исторически необходимая система государственной власти. Институт президентства призван олицетворять и осуществлять государственное единство казахстанского народа. Парламентаризм в Казахстане как идея и практика представительного осуществления законодательной власти от имени народа есть и будет. Но легитимным представителем казахстанского народа является не только конституционно избираемый и формируемый двухпалатный парламент в составе мажилиса и сената, действующих на постоянной основе (см. ст. 50–51 Конституции 1995 г.). А еще есть и должен быть Президент всех казахстанцев, ибо наша демократия как единство власти и народа предполагает не только персонификацию государственной власти, но также одновременное возрастание решающей роли граждан в политике, развитие в Казахстане форм прямого волеизъявления избирателей. Это, в свою очередь, делает главу государства Казахстан представителем и олицетворением единства народа Казахстана, ведь за него голосует вся страна как один избирательный округ. А парламент объективно представляет многообразие народа Казахстана, поскольку избирается и формируется по разным территориям, округам, как прямо, так и косвенно, разными субъектами политического процесса (см. р. 4 Конституции 1995 г.) [58]. Неограниченное право выступать от имени народа и государства принадлежит Президенту. Парламент же имеет право выступать от имени народа «в пределах его

конституционных полномочий» (ст. 3, ч. 3). При этом Конституция 1995 года преемствует существо положения прежней Конституции о том, что никто не может присваивать власть в Республике Казахстан, усиливая его указанием на преследование таких действий по закону (ср. ч. 3 ст. 3 Конституции 1995 г. и положение четвертое Основ конституционного строя Конституции 1993 г.) [59]. Полнота представительства народа Казахстана, единого в своем многообразии, непрерывность и своевременность формирования и выражения его воли и интересов в законодательстве с необходимостью предполагают не только представительный орган в нашем государстве – парламент и также главу этого государства – Президента, но еще и одновременную, точнее сказать, параллельную законодательную деятельность как парламента, так и главы государства. Конечно, в соответствующих правовых объемах и сферах общественных отношений, не дублируя, но восполняя законодательные функции друг друга [59].

Конституция Республики Казахстан 1995 года исключает «конкурирующее» законодательство двух, представляющих единство (Президента) и многообразие (парламента) казахстанского народа, демократических институтов [59]. Первостепенное значение при «разделе власти» приобретает проблема соотношения между ее исполнительной и законодательной ветвями. Иными словами, речь фактически идет о том, какая форма правления предпочтительнее – президентская, парламентская или смешанная президентско-парламентская. И президентская, и парламентская формы правления имеют свои преимущества. Первая обеспечивает большую быстроту, оперативность и эффективность управления, вторая, как правило, оказывается значительно демократичнее и представительнее. При всем этом мировой опыт свидетельствует, что приоритет обычно отдается президентской форме правления [60]. Высказывания казахстанских ученых, политиков относительно идей демократии также заслуживают внимания с целью раскрытия сущности и принципов реализации идеи народовластия.

Первый Президент Республики Казахстан – Н. А. Назарбаев неоднократно высказывал свое собственное мнение относительно **понятия демократии**, демократического управления и свое мнение по поводу идеи народовластия. Демократия, по мнению Н. А. Назарбаева, это диктатура закона, в которой ведущую роль должна играть сильная исполнительная власть. И, наоборот, отсутствие сильной власти превращает демократию в анархию и вседозволенность. По мнению Н.А. Назарбаева, главным гарантом стабильности и демократии в республике должна, как и везде, стать государственная власть во главе с Президентом. Но это нельзя понимать как намерение установить авторитарный режим в Казахстане и, что основы демократии в Казахстане может построить лишь сильная исполнительная власть.

Только сильная исполнительная власть сможет заложить прочные основы демократии, хотя во все времена символом и опорой демократии был

парламент. По мнению Н. А. Назарбаева, народ во все времена уважал сильную и презирал слабую власть. При слабой власти демократия превращается в хаос, охлократию (власть толпы), анархию и вседозволенность. Отсюда необходимость «сильной государственной власти во главе с Президентом [61]. 30 сентября 1998 г. Первый Президент Назарбаев Н. А. в традиционном ежегодном послании народу Казахстана предложил ряд мер по перестройке политических институтов страны. Он изложил семь фундаментальных принципов демократии: усиление роли партий в политической системе; укрепление автономии и обеспечение независимости Мажилиса и Сената, с целью обеспечения стабильности и преемственности властных полномочий; укрепление роли неправительственных организаций в строительстве гражданского общества; становление независимого суда как краеугольного камня демократического общества; развитие свободной и независимой прессы; изменение отношения к женщинам посредством повышения их представительства во всех органах власти [62]. По мнению Н. А. Назарбаева, демократия опирается на сложный механизм частных добровольных институтов, благодаря которым граждане осуществляют свое участие в политической жизни, выражают свое несогласие и отстаивают свои интересы. Далее Президент указывает, что демократия должна обеспечивать возможность высказаться большинству. А большинство граждан практически в любой стране волнуют проблемы местного уровня. Люди хотят вносить свой вклад в решение тех вопросов, которые их волнуют.

В Послании первого Президента страны народу Казахстана отмечается, что процесс демократизации политической системы идет по следующим основным направлениям:

- укрепление независимости судебной системы, правовая реформа;
- расширение полномочий представительных органов власти;
- расширение выборности в совершенствовании выборного законодательства;

- укрепление институтов гражданского общества [63]. По мнению исследователя Е. Ертысбаева, демократия – это своего рода институционализированное разногласие, законодательное закрепление противоречий и разногласия, утверждение различий между людьми [64]. Ертысбаев считает, что в Казахстане сформировалась многополюсная политическая демократия. Главным условием демократии является высокоорганизованное гражданское общество, характеризуемое густой сетью независимых от государственного механизма посреднических групп и добровольных организаций [65]. ...Демократизация – это не технический проект, предназначенный для прямого претворения в жизнь, а сложный и многомерный процесс. Основная задача перехода к демократии была решена в принципе на рубеже 80-х–90-х годов, хотя впереди еще предстоит долгий процесс консолидации демократических структур и их совершенствования. И тогда на смену демократизации неизменно придет демократия [66]. По

словам Е. Ертысбаева, «...когда говорят, что одно лицо обладает большей властью, чем другое, это означает, что оно имеет большую свободу действий, то есть, говорят о власти, где точнее было бы сказать о праве на свободное ее применение». На наш взгляд, данное высказывание вполне может объяснить и вскрыть суть современной идеи о народовластии. Поскольку, если понимать под лицом или субъектом власти народ, то можно утверждать, что народ в демократическом обществе в принципе должен обладать своим естественным правом на свободное применение власти.

По мнению академика С. З. Зиманова, под демократическим государством подразумевается режим, в котором признается власть народа, а не какой-либо его части. В правовом государстве реализуется идея верховенства права и закона во всех сферах общественной жизни. Национальная государственность указывает на наличие в структуре общества нации, самоопределившейся в государственность, которой, с одной стороны, обязана государственность своим возникновением, а с другой стороны, создается гибкая политическая структура, способная выполнять в рамках общих задач и специфические задачи национального возрождения этноса и его развития [67]. С. Зиманов указывает, что в практике парламентаризма не только Казахстана, но и государств СНГ, весьма слабой и неотработанной остается связь между правом законодательной инициативы, которым обладают субъекты, определенные законом, и правом инициативного законодательства, которым обладают население и органы власти, отдельные граждане и их объединения. Эта связь составляет ключевую роль в демократическом государстве в отношениях между депутатами и избирателями, является источником и фактором жизненности законов, принимаемых Парламентом. Суть этой связи состоит в том, что законодательные предложения снизу должны повсеместно поощряться, и они должны стать одним из основных каналов выхода на законотворчество. В демократических государствах механизм этой связи хорошо отработан и организационно оформлен [68]. С.З. Зиманов, считает, что три ветви власти являются подсистемами «единой и системной государственной власти» [69]. Казахстанский ученый А.М. Джунусов замечает, что само толкование понятия «демократия» разнообразно и противоречиво, как нередко случается, когда речь идет о сложных, изменчивых концепциях, рационализирующих социальную действительность. В самом широком смысле демократия означает такой способ общественной жизни, при котором каждый человек имеет равные возможности свободного участия в реализации ценностей этого общества. В более узком смысле демократия – это возможность членов общества участвовать свободно во всех областях жизни, касающихся их лично или коллективно. В наиболее ограниченном смысле термин указывает на возможность граждан государства свободно участвовать в принятии конкретных политических решений, затрагивающих их интересы. Исторически значение понятия «демократия» развивалось от наиболее ограниченного к самому широкому. Демократию как теорию политического

управления (демократия в узком смысле слова) раскрывают две основные концепции: одна делает упор на подчинение воле большинства; другая – на свободное участие индивидов в формировании этой воли. Первая концепция подчеркивает обязанность подчинения воле большинства (мажоритарная демократия) или посредством «чистой» или «прямой» демократии, когда все граждане принимают решения непосредственно (всеобщие выборы, референдум и др.), или путем представительной демократии, когда люди избирают представителей (депутатов, делегатов и т. д.), которые принимают решения за них. Сторонники второй концепции признают обязанность подчинения постольку, поскольку обеспечиваются права меньшинства с тем, чтобы это меньшинство имело возможность попытаться стать большинством [70].

Рассматривая теоретический аспект идеи народовластия, стоит обратить внимание и на точку зрения и позицию некоторых современных зарубежных исследователей по поводу данной категории в современной политической науке.

Примечательно, что среди зарубежных исследователей активная дискуссия о возможностях прямого участия граждан в политической жизни началась после Второй мировой войны. Приведем позиции некоторых зарубежных исследователей, которые, кстати, перекликаются во многом с мнениями вышеназванных российских и советских исследователей. Достаточно сказать, что в исследованиях зарубежных исследователей можно встретить тождественное восприятие двух понятий – демократии и народовластия.

Исследователь В. Поссенти считает, что «самое полное и самое известное определение демократии принадлежит, вероятно, Аврааму Линкольну, который в своем Геттисбергском обращении (19 ноября 1863 г.) определил ее как «управление народа, народом и в интересах народа» (government of the people, by the people, for the people). Народ осуществляет свое изначальное право на самоуправление и является непосредственным источником политического авторитета (of the people), причем последний выражается народом (by the people) и конституируется ради блага народа (for the people). В. Поссенти замечает, что предпочитает говорить о республиканской демократии или демократической республике, чтобы подчеркнуть необходимость конвергенции демократического принципа (общественное самоуправление и передача авторитета снизу вверх) с принципом республиканским, ориентированным на общее благо и восприимчивым к гражданским добродетелям. Эти две вещи – самоуправление и общее благо – должна сохранить любая демократическая философия общества. По мнению исследователя, определение Линкольна указывает форму и цель демократического правления, но оставляет в стороне множество других критериев и принципов этого правления, да и всякого другого правления тоже: авторитет, закон, общее благо, право и т. д. [71].
Немецкий социолог Р. Дарендорф также замечает, что демократия – не

просто многообразие взглядов, не просто форум, где всякое мнение имеет хождение, демократия – это система правления. Ее цель – обеспечить тем, кто правит, поддержку народа, по крайней мере на старте; и демократия должна давать возможность править. Вопреки буквальному значению слова действующая демократия – не «правление народа», такого на свете просто не бывает. Демократия – это правительство, избираемое народам, а если необходимо – то народом и смещаемое; кроме того, демократия – это правительство со своим собственным курсом [72]. Определенная группа американских обществоведов рассматривает политическую власть в США как воплощение не столько национального единства, сколько общественно-политического плюрализма. Признанным мэтром плюралистической теории американской политической власти на протяжении последних десятилетий являлся Роберт Даль. В своих трудах он развил оригинальный вариант этой теории, в соответствии с которым системе политической власти США было дано название полиархия, то есть имеющая несколько источников «множественная власть». Согласно Далю, ни одна из существующих современных политических систем, в том числе и американская, не может быть названа демократией, ибо в абсолютно точном смысле последняя означает непосредственное управление народом делами общества и государства, как и равные возможности (а не только права) доступа всех граждан к политической власти. Подобная демократическая власть является идеальным образцом, который в существующих условиях утвердить невозможно, но к которому можно и нужно стремиться [73]. Вместе с тем американская политическая система, по Далю, обладает и рядом фундаментальных свойств политической демократии. К таковым относятся: право избирать и быть избранным, наличие альтернативных источников информации и свобода выражения своего мнения, свободные и проводимые на основе состязательности регулярные политические выборы, свобода создавать и поддерживать политические движения и организации, в том числе политические партии, подконтрольность и сменяемость политических лидеров и должностных лиц [74]. Американский политолог изобрел для обозначения политической системы США термин полиархия. Помимо государства, по его мнению, власть и влияние в США присутствуют во множестве других ячеек – это церкви, семья, предпринимательские союзы, фирмы, корпорации, профсоюзы, сельские и городские общины и т. д. Политическая власть рассредоточена по горизонтали и вертикали как в государстве, так и в гражданском обществе, при этом множественные ее источники оказывают реальное, хотя и неодинаковое воздействие на процесс принятия политических решений. Идеалом для него все же служит демократия, и американский политолог предложил ряд либеральных реформ, которые способствовали бы развитию демократических основ в США. Одну из главных целей он видел в выравнивании возможностей доступа к политической власти разных, в том числе полярных (например, богатые и бедные) социальных групп, в связи с чем предлагал определенное

перераспределение национального богатства с помощью налогообложения и иных реформ [75]. Интерес представляет позиция современного французского исследователя Ж. Ведель относительно идеи народовластия. Он пишет, что “очевидно, что наибольшая идентификация управляющих и управляемых осуществляется в прямой демократии, когда сам народ решает без посредников все вопросы, связанные с общественными делами, идет ли речь о законотворчестве, об административном управлении или об отправлении юстиции, когда каждый в полной степени выступает в качестве управляющего и управляемого.

Но, тем не менее, замечает автор, очевидно и то, что подобная система неприменима в современном государстве независимо от его размеров. Тем не менее, прямая демократия остается идеалом, который будет вдохновлять организацию компетенций, которую управляющие должны будут делегировать управляемым”.

Ж. Ведель наделял прямую демократию XX века следующими чертами:

- предоставление избирательного права всем гражданам, начиная с возможно более раннего возраста;
- императивный мандат избранникам народа, напрямую подотчетным перед своими избирателями и отзываемым ими;
- однопалатные народные собрания, назначающие на короткий срок исполнительные органы;
- отказ от принципа разделения властей как отдаляющего власти от избирателей;
- назначение администраторов из числа народных избранников;
- выборность судей и т. д.

Надо сказать, что в дальнейшем в зарубежной политической науке определение демократии как тождества народовластия стало наиболее распространенным и приобрело классический характер, что наблюдалось и наблюдается в современной российской и отечественной политической науке.

Профессор университета Огайо Э. Олденквист так определил идею демократии: это власть для народа посредством самого народа, которая конкретизирована в системе институтов и процедур, поддерживаемых законом и конституцией. Важнейшие из них – права человека, система разделения властей и механизм регулярных выборов [76].

Типичное либеральное определение демократии дал сороковой президент США Р. Рейган: “Демократия – не столько способ правления, сколько способ ограничить правительство, чтобы оно не мешало развитию в человеке главных ценностей, которые дают семья и вера”. А бывший президент США Билл Клинтон охарактеризовал ее так: “Демократия – это рынок”.

Стоит привести еще одно мнение современного и достаточно известного итальянского историка государства и права П. Де Франчиши. По его мнению, “демократия, согласно этимологии этого слова, означает

правление демоса, т. е. с точки зрения конституционной теории, всех жителей полиса» [77]. Один из основателей элитизма, итальянский социолог Г. Моска критиковал демократию, заявляя, что, с одной стороны, она не более, чем миф, с другой – что такого рода иллюзия порождает «худший вид политической организации и диктатуру тех, кто победил на выборах и говорит от имени народа». Правление большинства и политическое равенство – лозунги, начертанные веком на своем знамени – неосуществимы. Народ не может управлять, ибо: 1) он некомпетентен в политике; 2) массы в лучшем случае инертны, а в худшем – в состоянии буйства – подрывают «устой общества»; 3) наконец, управление масс технически невозможно. И если первоначально элитизм был открыто враждебен демократии, то начиная с 30-х годов ряд элитистов попытались совместить его принципы с признанием буржуазно-демократических институтов. Сторонники «демократического элитизма», не отрицая открыто идею народного суверенитета, пытаются уточнить эту идею: это уже – не правление народа, а власть демократической элиты [78].

Так, исследователь Дж. Шумпетер требует перестать отождествлять демократию с народоправием. Как и Моска, он считает, что власть народа – миф: абсурдно верить, что народ компетентен в политике. Вместо формулы «правление народа» он предлагает другую: «правительство, одобряемое народом». Само демократическое правление у него имеет элитарную структуру. Правящая элита признается необходимой для любого общества, в том числе демократического; отличительная черта демократии – в том, что она устанавливает конкуренцию элит за позиции власти. Ее определяют как политическую систему, в которой партии борются за голоса избирателей; элиты относительно открыты, и массы в некоторой степени влияют на политику, выбирая между конкурирующими элитами. В концепции демократии Шумпетера различные элиты выносят «на продажу» свои программы, а массы «покупателей» принимают или отвергают их [79]. К. Маннгейм также берется за поиски возможностей совмещения элитизма с демократией. Результаты этих поисков он формулирует так: «Действительное формирование политики находится в руках элиты, но это еще не значит, что общество не демократично. Ибо для демократии достаточно, чтобы граждане, хотя они и не имеют возможности прямого участия в управлении, могут по крайней мере в некоторых интервалах выражать свои эмоции» [80]. В целом, по мнению критика «демократического элитизма» П. Бакрак, «демократический элитизм» отвергает как «наивную» веру в возможность народоправия, которая, «хотя и приятна демократическому сознанию», непригодна для «массовых обществ». Вместо взгляда на народ как на опору демократии «демократический элитизм» видит эту опору в «демократическом» характере элиты [81].

На наш взгляд, правомерной и обоснованной следует все-таки признать позицию авторов, разграничивающих понятия демократии и народовластия, но считающих их не двумя разными общественными явлениями, а двумя

неразрывно связанными друг с другом сторонами единого явления – общенародного государства как организации политической власти. И согласиться с мнением исследователя Цвик М. В. о том, что понятия демократии и народовластия “не полностью тождественны, однако “констатация того факта, что их смысловая нагрузка не совпадает, отнюдь не умаляет их единства” [82].

Народовластие и демократия, на наш взгляд, различаются, прежде всего, по их субъектам. Субъектом народовластия является только народ как целая социально-политическая категория, а субъектом демократии могут быть классы, партии, различные общественные организации, отдельные коллективы, граждане. В целом, на наш взгляд, категорию народовластие можно определить как власть народа, который является ее единственным источником и носителем суверенитета.

В современном понимании народовластие может быть представлено как конкретная модель или определенная концепция. Сущность, характер, формы и способы осуществления народовластия могут зависеть от многих существенных моментов. В первую очередь от типа политического режима вообще, а также от формы демократического государственного правления. Та или иная модель народовластия может также выступать как модель самоопределения политического сообщества через политические институты и механизмы волеизъявления равноправных граждан, обладающих свободой выбора.

В казахстанской политической науке наиболее точно определяются две позиции по поводу осуществления казахстанской модели народовластия. Первая группа казахстанских ученых (Е.М. Абен, А.Ш. Ишмухамедов и др.) считает, что разделение власти является именно тем инструментом, который позволяет предотвратить утверждение тотального всевластия. Оно, в конечном счете, направлено на то, чтобы полнее отражать интересы народа – источника этой власти. Выборы президента подтвердили положение о том, что развитие по пути демократии – путь политической борьбы за реальное народовластие. Принципу разделения властей в наибольшей мере отвечает именно президентская форма правления, когда президент, будучи главой государства, возглавляет одновременно исполнительную власть, законодательную осуществляет парламент, а судебную – суды. По их мнению, как показывает реальность социально-экономического и политического бытия Казахстана, наиболее приемлемым вариантом трансформации для Республики является усиленная централизация власти в руках Президента и исполнительной власти. Вторая группа казахстанских ученых (С. Абдильдин и др.) считает, что претворение в жизнь идеи народовластия должна быть через модель разделения властей, которая предусматривает использование системы сдержек и противовесов.

Контрольные вопросы

1. Назовите различные подходы к определению понятия «народовластие».
2. Как определяется понятие народовластие?
3. Определите сущностные признаки и черты понятийного аппарата категории народовластия.
4. Назовите основные позиции современных исследователей по поводу категорий: демократия и народовластие.

Тестовые вопросы

1. Выберите верные суждения о демократическом политическом режиме:
 - A) Одним из признаков демократии является юридическое признание и институциональное выражение суверенитета власти народа.
 - B) Демократия невозможна без существования государственной собственности на средства производства.
 - C) Различают прямую и косвенную демократию.
 - D) Демократический политический режим предусматривает обязательное наличие двухпартийной политической системы.
2. Историческими типами демократии являются:
 - A) античная
 - B) средневековая
 - C) современная
 - D) западная
3. Выберите верные суждения о демократических ценностях.
 - A) Важнейшей ценностью демократии является рыночная экономика.
 - B) Под демократией может подразумеваться идеальная модель общественного устройства, основанного на ценностях свободы, равенства и прав человека.
 - C) Ценностью демократии является гласность.
 - D) Верховенство закона не может быть демократической ценностью.
4. Выберите верные суждения о принципах демократии.
 - A) Признание народа источником высшей власти в обществе не имеет отношения к принципу представительства.
 - B) Реальное наполнение принципа суверенитета народа заключается в реализации народом своей политической функции источника власти.
 - C) Верховенство власти народа и его независимость являются ценностью и принципом демократии.
 - D) Принцип суверенитета народа органически связан и реализуется через принципы «большинства» и «представительства».

Использованная литература

1. Климова Е. В., Бургенталь Т. Права человека в международном праве // *Общественные науки за рубежом.* – 1991. № 1, Серия 4. Государство и право. – С. 154.
2. Права человека: Сборник документов. – М., 1990. – С. 166–179.
3. Ковлер А.И. Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории. – М.: Наука, 1990. – 256 с., (с.76).
4. *Философская энциклопедия.* – М., 1960. Т.1. – С. 456.
5. БСЭ. 3-е изд. – М., 1972. Т.8. – С. 80.
6. См.: Введение в политологию: Словарь-справочник. / Сост. Г.Л. Купряшин, Т. П. Лебедева, Г. И. Марченко и др. Под ред. В. П. Пугачева. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 264 с.
7. *Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 550 с., с. 111–112.
8. Основы демократии и власти. Учебное пособие. Отв. Редактор Еськов Г. С. – М.: Изд-во “Союз”, 1993. – 299 с., с. 13–14.
9. *Политология. Краткий словарь.* – Ростов н / Д.: Феникс, 2001. – 448 с. – (Словари XXI века). Басенко Н. А., Доманов В.Г., Запрудский Ю.Г. (С. 75).
10. *Казахстанская политологическая энциклопедия* / Главный редактор: Т. Т. Мустафин. Алматы, 1998. – 447 с. (с. 348).
11. Кожанов Б. В. Народовластие в условиях реформы политической системы. – М., 1990. – С. 5–8.
12. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. – М.: Издательская группа «Юрист», 2003. – 688 с., с. 146.
13. Ржевский В. А. *Общественный строй развитого социализма.* – М., 1979. – С. 179. См. также: Бондарь Н.С., Ржевский В. А. Рецензия на книгу «Конституционные основы народовластия в СССР». – Л.: Изд-во ун-та, 1980 // *Правоведение.* 1982. № 2.
14. *Политологический словарь: Учеб. Пособ.* / Р. Г. Григорян, А. В. Гришин, Г. И. Демин и др.; под ред. В. Ф. Халипова. – М.: Высш. шк., 1995. – 192 с.
(с. 90).
15. *Политическая энциклопедия.* В 2 т. т.2 / Нац. обществ.-науч. фонд; Рук. Проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2000. – 701 с. (с.13–14).
16. Ковлер А.И. Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории. – М.: Наука, 1990. – 256 с. (с. 55).
17. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. 2-е изд. Т. 36. с. 112.
18. См.: Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. – М., 1966. – С. 73; Рахимбаев С.М. Формирование понятия “демократия” // *Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия.* 1971. № 1. – С. 21–22.
19. Тихомиров Ю. А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе. – М., 1978. – С. 128.

20. См.: Щиглик А.И. Самоуправление в условиях развитого социализма. – М., 1985; Социалистическое самоуправление: Опыт и тенденции развития. – М., 1986; Самоуправление: от теории к практике. – М., 1988; Кряжков В.А. Развитие институтов непосредственной демократии в современный период // Советское государство и право. 1988 № 9.

21. См.: Котов А., Котов К. Общество подлинного народовластия. – Алма-Ата, “Казахстан”, 1978. – 40 с., (с. 5).

22. Д. А. Керимов, Г. В. Мальцев, И. П. Ильинский Демократизация советского общества. – М.: “Мысль”, 1989. – 332 с. (с. 9).

23. Там же. – С. 10.

24. Там же. – С. 11.

25. Там же. – С. 13–14.

26. Б. Н. Калашников Демократия как возможная судьба России // Общественные науки и современность. № 2. – 1996. – с. 35–44, (с. 43).

27. К. С. Гаджиев Эпоха демократии? // Вопросы философии. № 9. – 1996. –

с. 3–22, (с. 7).

28. Там же. – С. 7–8.

29. А.Н. Медушевский. Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии. № 10. – 1993. – С. 3–23, (с. 3).

30. Там же. – С. 17.

31. Политология. Курс лекций. По ред. доктора юридических наук, профессора М. Н. Марченко. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Издательство Зерцало, 1999. – 608 с., (с. 235).

32. Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 216 с., (с. 32).

33. Каддафи М. Зеленая книга. – М.: Международные отношения, 1989. – 159 с., (с. 13.).

34. Там же. – С. 21.

35. Там же. – С. 23.

36. Там же. – С. 31.

37. Там же. – С. 44.

38. Там же. – С. 47.

39. История политических учений. Часть 2. / Под ред. К. А. Мокичева. – М.: «Высшая школа», 1972. – 374 с., (с. 305).

40. Там же. – С. 307.

41. Там же. – С. 308.

42. Е.М. Абен. Теория разделения власти и понятие «форма правления»: от истоков к современности // Саясат. 1998. – С. 47–59, (с. 54–55).

43. Е. Абенев. Децентрализация политической власти как условие институционализации демократии // Евразийское сообщество. – 1997. № 4.- с. 23.
44. Абдильдин С. Парламент Казахстана: от Союза к государственности. – Алматы: Казахстан, 1993. – 192 с., (с. 174).
45. Там же. – С. 174–175.
46. Там же. – С. 106.
47. Байдельдинов Л.А. Представительная демократия как социально обоснованная форма управления обществом // Евразийское сообщество. – 1999. № 4. – С. 129–133. (с. 130).
48. Там же. – С. 131.
49. Дьяченко С. А. Политический транзит в современном Казахстане. – Астана: Елорда, 2001. – 384 с., (с. 187.).
50. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 100 с., (с. 54).
51. Дьяченко С. А. Политический транзит в современном Казахстане. – Астана: Елорда, 2001. – 384 с., (с. 223).
52. Балгимбаев А.С. О реформировании политической системы // Евразия. – № 2. – 2001 г. – С. 48–58., (с. 55).
53. Там же. – С. 51–52.
54. Там же. – С. 48.
55. Ишмухамедов А.Ш. Проблемы становления и развития политической науки в Казахстане. Алматы. – 1999. – С. 91., (с. 17).
56. Там же. – С. 9.
57. Там же. – С. 14.
58. А. Котов. Особенности президентской республики по Конституции 1995 года // Мысль. – 1995. №1 0. – С. 24–28. (с. 25).
59. Там же. – С. 25.
60. С. Хенкин. Переходные периоды: слагаемые гражданского мира. // Свободная мысль. – 1994. №12. – С. 106–118, (с. 110).
61. Ертусбаев Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана: Елорда, 2001. – 576 с., (с. 369–370.)
62. Ертусбаев Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана: Елорда, 2001. – 576 с., (с. 441).
63. Назарбаев Н. А. К свободному, эффективному и безопасному обществу. Послание Президента страны народу Казахстана. // Казахстанская правда, 2000, 25 октября.
64. Ертусбаев Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана: Елорда, 2001. – 576 с., (с.376.).
65. Там же. – С. 456.
66. Там же. – С. 460.
67. С. Зиманов. Конституция и парламент Республики Казахстан. – Алматы: Жет Жарғы. – 1996. – 345 с., (с. 244).

68. Там же. – С. 239.
69. Е.М. Абен Теория разделения власти и понятие «форма правления»: от истоков к современности // Саясат. 1998. – С. 47–59 (с. 57).
70. А.М. Джунусов. Власть и оппозиция: историко-теоретические аспекты. – Алматы, 1997. – 210 с. (с. 72.).
71. В. Поссенти. Демократия и христианство // Вопросы философии. № 7. – 1996. – С. 92–102 (с. 94.).
72. Р. Дарендорф. Дорога к свободе: демократия и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. № 9. – 1990. – С. 69–74 (с. 70).
73. Согрин В.В. Политическая история США. – М.: Издательство «Весь мир», 2001. – 400 с. (с. 250.).
74. Там же. – С. 251.
75. Там же. – С. 252.
76. Б. Н. Калашников. Демократия как возможная судьба России // Общественные науки и современность. № 2. – 1996. – С. 35–44 (с. 35).
77. Francisci P. de. Arcana imperii. Roma, 1970. Vol. 2. P.61.
78. Ашин Г.К. Критика современных буржуазных теорий о роли народных масс и личности в истории. – М.: «Высшая школа», 1973. – 136 с. (с. 105–106.).
79. Там же. – С. 106–107.
80. Там же. – С. 107.
81. Там же. – С. 108–109.
82. Цвик М.В. Теория социалистической демократии: (Государственно-правовые аспекты). – Киев, 1986. – С. 31.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИДЕИ НАРОДОВЛАСТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Концептуальные модели идеи народовластия в современной политической науке разрабатывались в рамках теории демократии. Поскольку в большинстве случаев, на наш взгляд, именно через раскрытие понятия “демократия” определяются сущностные признаки, черты и принципы категории народовластия. Кроме того, на наш взгляд, выяснение понятия и сущности демократии, ее содержания и форм в их единстве многообразия дает также выход на определение различных моделей и концепций народовластия. Различные формы и типы демократии зарождали в себе определенную модель народовластия с присущими ей механизмами и принципами. История политических учений содержит различные определения демократии и народовластия, а мыслители каждой эпохи вкладывали в эти понятия свое содержание. Однако отметим, что наиболее общеупотребительное определение демократии отождествляет ее с “народовластием”, это определение стало во многом классическим. Мы разделяем научные взгляды тех авторов, которые считают необходимым разделять эти два понятия, учитывая при этом неразрывную их взаимосвязь. В современной политической науке есть группа ученых, которые считают, что при научном анализе понятия народовластия необходимы иные подходы к его определению, нежели отождествление демократии с понятием народовластия. Такой подход может быть оправдан лишь для более развитых форм современной демократии, поскольку в условиях высокой степени участия граждан в управлении делами государства и общества демократия перерастет в подлинное народовластие.

Прежде чем приступить к рассмотрению отдельных видов демократии, на наш взгляд, следует определить сущность категории “демократия”.

Демократия – одно из наиболее часто употребляемых понятий на современном этапе практически во всех постсоветских государствах. Популярность понятия “демократия”, возможно, связано с тем, что она действительно создает наилучшие возможности для индивидуального и общественного развития, реализации гуманистических ценностей: свободы, равноправия, справедливости и социального творчества. По словам Авраама Линкольна, демократия — это “народное правление, избранное народом ради народа”. Демократия как народовластие не только является результатом абстрактных философских рассуждений и благих пожеланий для человечества, но и отражает, хотя и в идеализированном виде, реальные политические процессы.

Демократия несет в себе определенный комплекс идей и принципов о свободе, она содержит комплекс практических норм и процедур, сформировавшихся на протяжении истории всего человечества. Демократия определяется как наделение свободы законным статусом. Именно поэтому

можно с полным правом назвать демократическими проверенными временем основные принципы конституционного правительства, права человека и равенство перед законом – характеристики, которыми должно обладать любое общество. Расхождения в понимании народовластия имеют фундаментальное значение при построении реальных политических систем. Способ осуществления одного из столпов демократии – народовластия позволяет нам выявить глубокие, принципиальные различия между классической либеральной, современной западной и социалистической демократиями.

Вопрос о том, что такое демократия, безусловно, относится к числу тех, которые вызывают серьезные споры. Семантические исследования свидетельствуют о том, что слово “демократия” используется в очень многих значениях [1]. Некоторые авторы подчеркивают **различия между политической и экономической демократией** (т. е. между демократией в политических институтах и демократией в экономической жизни) равно как и между демократией в политических партиях и демократией в организационной сфере.

Другие фокусируют внимание **на методах осуществления демократии**, а именно: на участии, представительстве и доверии. Как показано в работе

Д. Хелда “Модели демократии”, в истории политической мысли и в современных политических теориях насчитывается до десятка особых моделей демократии (Held D. Models of Democracy. Oxford, 1987).

Существует ли некая конкретная модель, которую можно было бы выделить в качестве “истинной”? Теоретики демократии делают упор на разные ее свойства: участие (Руссо), представительство (Милль), сдержки и противовесы (Мэдисон), конкуренцию элит (Шумпетер), соревнование (Даль), децентрализацию (Токвиль), равенство (Маркс), свободу (Хайек). Основные измерения демократии отражены, пожалуй, в знаменитом линкольновском определении: демократия – это правление народа, осуществляемое народом и для народа. Кто может сказать, какой из названных аспектов демократии наиболее важен: правление народа или представительство; правление, осуществляемое народом, или участие; правление для народа или свобода с равенством? И действительно, во второй статье французской конституции 1958 года говорится, что французская демократия включает в себя все три эти механизма [2].

Демократия предоставляет набор институтов в достижении “социального решения”, под которым понимается механизм, каким-то образом агрегирующий предпочтения индивидов в групповое решение [3].

Минимальный набор демократических институтов включает в себя те, что обеспечивают **реализацию двух основных принципов:** а) “один человек – один голос”, б) принятие решений простым большинством. Демократия не допускает, чтобы при голосовании индивид имел более одного голоса и предполагает так называемого победителя по большинству, т. е. такую норму

определения результатов выбора, согласно которой победившими считаются кандидат или альтернатива, набравшие наибольшее число голосов. Не приемлет она и диктатуры, то есть ситуации, когда один человек в состоянии определять исход выборов по собственным предпочтениям в противовес воле большинства группы (критерий отсутствия диктата). Наконец, демократия предполагает, что любая альтернатива, ставшая социальным решением, является результатом агрегации предпочтений граждан. Иными словами, что без такой агрегации никакая альтернатива, какими бы достоинствами она ни обладала, не может быть объявлена социальным решением (критерий суверенитета граждан) [4]. Минимальным институциональным условием демократии является наличие институтов, способных обеспечить голосование простым большинством при предоставлении каждому избирателю одного голоса. К таким институтам относятся: референдум, где рассматриваются два альтернативных предложения; президентские выборы с двумя кандидатами, а также парламентские выборы, на которых конкурируют две партии [4]. Данный исследователь касается проблемы демократического конституционного государства, в частности соотношения демократии и конституционализма. По его мнению, существуют пути их объединения. Наряду с минимальным набором демократических институтов, включающим в себя принцип “один человек – один голос” и правило простого большинства, демократии требуются дополнительные. Слабая версия конституционализма, по его мнению, обеспечивает такие институты, создавая определенные иммунитеты в сфере прав человека и вводя некоторую долю инерции в процесс принятия социальных решений с помощью механизмов разделения властей и территориальной децентрализации [5]. По мнению ряда исследователей, польза, приносимая сильным конституционным государством, настолько велика, что она перевешивает угрозу ослабления демократии. Другие расценивают компромисс между сильным конституционализмом и демократией по-иному, сокрушаясь, что сильное конституционное государство может повлечь за собой упадок демократии.

Демократия нуждается в институтах конституционного государства с его упором на процессуальную стабильность, подотчетность, независимость судебной власти, многоуровневость правительства, гражданские и политические права. Спорным является лишь вопрос о том, насколько сильными должны быть институты конституционного государства, учитывая тот факт, что при создании чрезмерного числа иммунитетов и излишней инерции максимизация власти закона может нанести ущерб демократии. Умеренный же конституционализм поддерживает жизнеспособность демократического государства.

Демократия, по словам Я.-Э. Лэйна, определяемая только через минимальный набор институтов достижения групповых решений, сопряжена с двумя сложностями. Во-первых, большинство способно притеснить меньшинство, и, во-вторых, принимаемые таким образом решения могут

оказаться нестабильными. Оба недостатка были осознаны вскоре после Французской революции, когда демократические методы выработки решений были введены в практику: первый из них – Токвилем, обратившим внимание на то, что равенство несет в себе угрозу свободе; второй – Кондорсе, отметившим опасность возникновения порочного круга при агрегации предпочтений. Конституционный строй в состоянии помочь в обоих отношениях, гарантируя иммунитеты и привнося инерцию в процесс принятия решений [6]. Известный современный философ Карл Поппер в своей книге “Открытое общество и его враги” защищает, по его словам, “форму демократического (“буржуазного”) общества, в котором рядовые граждане могут мирно жить, в котором высоко ценится свобода и в котором можно мыслить и действовать ответственно, радостно принимая эту ответственность” [7]. По мнению Поппера, демократия, или право народа оценивать и отстранять свое правительство, представляет собой единственный известный нам механизм, с помощью которого мы можем пытаться защитить себя против злоупотребления политической силой. **Демократия – это контроль за правителями со стороны управляемых.** При отсутствии демократического контроля у правительства не будет ни малейшей причины, почему бы ему не использовать свою политическую и экономическую власть в целях, весьма далеких от защиты свободы своих граждан” [8]. По мнению Поппера, старый вопрос “Кто будет правителем?” должен быть заменен более реальным вопросом: “Каким образом мы можем укротить его?”. [9]. Под демократией Поппер понимает “не какую-то неопределенную “власть народа”, или “власть большинства”, а многообразные общественные институты (и, в первую очередь, всеобщие выборы, т. е. право народа смещать свое правительство), позволяющие осуществлять общественный контроль за деятельностью и отставкой правительства, а также, не применяя насилия, проводить реформы даже вопреки воле правителей. Другими словами, применение насилия оправданно только при тирании, которая исключает возможность ненасильственных реформ, и должно иметь единственную цель – создание ситуации, позволяющей проводить ненасильственные реформы” [10]. **В политической науке общепризнанными столпами демократии являются следующие:** народовластие; правительство, основанное на согласии управляемых; правило большинства; права меньшинств; гарантии основных прав человека; свободные и честные выборы; равенство перед законом; справедливое судопроизводство; конституционные ограничения правительства; социальный, экономический и политический плюрализм; ценности терпимости, прагматизма, сотрудничества и компромисса [11].

На сегодняшний день в современной политической науке существует несколько основных подходов к определению сущности демократии.

1) Первый подход – негативный – рассматривает демократию буквально как власть черни и толпы, власть людей с низменными

наклонностями, попирающими все общественные устои (так, например, понимали демократию античные философы – Платон и Аристотель). Слабость этого подхода заключается в его очевидной односторонности, поскольку ни в одном социальном явлении, тем более таком сложном и многогранном, нельзя видеть одни только отрицательные стороны.

2) Второй подход – этимологический, то есть рассматривающий происхождение и изначальное значение термина “демократия”. Согласно этому подходу, демократия — это форма общественного устройства, основанная на равноправном участии членов общества в управлении с принятием решений большинством. Однако подобный подход к пониманию природы демократии мало что проясняет, т. к. даже в самом греческом языке составляющее его корень слово “демос” одновременно означает народ, толпу, чернь и всех людей вообще. Кроме того, остается неясным, как конкретно народ осуществляет свою власть при народовластии? Какие условия должны быть для этого созданы? Должны ли при этом существовать какие-либо ограничения власти народа?

3) Третий подход – нормативный – состоит в понимании демократии как определенного идеала общественного устройства, основанного на принципах свободы, равенства и братства, выдвинутых Великой Французской революцией. Слабость данного подхода состоит в том, что он не учитывает оторванность любого идеала от реальной жизни общества (в реальности зачастую недостижимы даже формальная свобода и равенство, а братство – вообще не политическая категория), противоречий, существующих между самими принципами свободы, равенства и братства (как показывает исторический опыт, свобода быстро сводит на нет равенство, а равенство – свободу).

4) Четвертый подход – социально-политический – трактует демократию как массовое общественное движение за осуществление демократических целей и идеалов. Как полагают специалисты по политической истории, оно возникло в Новое время в странах Европы под флагом борьбы с абсолютизмом за права третьего сословия. Слабость этого подхода к пониманию природы демократии заключается в том, что остается неясной связь массового устремления к демократии, массовых движений под демократическими лозунгами с реальным достижением демократии. Как показывает исторический опыт, массовые движения под демократическими лозунгами (например, рабочее движение начала XX в. в России под руководством РСДРП) могут вести и к тоталитаризму.

5) Пятый подход – так называемая “гражданская теория демократии” (российский политолог В. Махнач и др.) – рассматривает ее не просто как власть большинства (толпы), а именно как власть сознательных, активных, цивилизованных и политически культурных граждан. Главной проблемой понимаемой таким образом демократии является то, что такие граждане, как правило, составляют меньшинство общества.

6) Шестой подход – эмпирический (эмпирия – непосредственное чувственное восприятие событий и явлений окружающего мира) – призывает отойти от рассмотрения идеальных и несуществующих моделей демократии и рассматривать ее такой, какая она есть на самом деле. С позиций этого подхода демократия представляется как форма правления, основанная на свободной и честной конкуренции политиков в борьбе за власть с добавлением некоторых признаков – подотчетность правительства парламенту, власть закона, открытость общества, уважение к частной собственности и правам граждан, и т. д. Слабость такого понимания демократии проявляется в том, что, несмотря на отвлеченный характер идеальных моделей демократии, определенный идеал все-таки нужен для того, чтобы на него можно было ориентироваться в реальной политической жизни и усовершенствовать действительность. Полезность же этого подхода состоит в том, что он выделяет некоторые наиболее общие признаки демократии как реального явления.

Представителем данного подхода является **американский политолог Роберт Даль**. В своей книге “О демократии” исследователь рассуждает о демократии. По его мнению, “в гораздо большей степени демократия была предметом теоретических размышлений философов, чем реальной политической системой, которую люди должны были взять на вооружение и воплотить в жизнь. И даже в тех редких случаях, когда “демократия” или “республика” существовали на самом деле, большая часть взрослого населения была отстранена от участия в политической жизни” [12]. По его мнению, обстоятельства, которые благоприятствуют участию народа в управлении это – групповая самоидентификация, отсутствие вмешательства извне, принятие принципа равенства. А монархии, деспотии, аристократии, олигархии, основанные на той или иной форме социальной иерархии, приводили к исчезновению системы народовластия. К исконным врагам системы народовластия Р. Даль относит “экономический упадок, коррупцию, олигархии, войны, территориальную экспансию, узурпацию власти авторитарными правителями” [13]. В то же время, система народовластия или “народного правительства” в Греции, Риме и Италии, по мнению Р. Даля, не включала три основополагающих политических института – национальный парламент, состоящий из выборных представителей, и всенародно избранные местные правительства (т. е. органы местного самоуправления), полностью подчиненные национальному правительству.

С точки зрения американского политолога Р. Даля, современная развитая демократия опирается на семь основных институтов:

1) Суверенитет народа и выборность высших должностных лиц – т. е. народ как высший источник власти выбирает политических руководителей и может периодически сменять их;

2) Свободные и честные выборы – т. е. выборы с реальной конкуренцией и равенством шансов претендентов, без всякого принуждения избирателей к голосованию;

3) Всеобщее голосование, – т. е. положение, когда практически все взрослые дееспособные граждане имеют право голосовать на выборах;

4) Право претендовать на выборные должности, которым также должны обладать практически все дееспособные взрослые граждане;

5) Свобода слова – т. е. граждане должны иметь право свободно выражать свое мнение по самому широкому кругу политических и общественно значимых вопросов, критиковать политическую власть, ее политику и господствующую идеологию;

6) Альтернативная информация – т. е. в демократическом государстве помимо официальных должны существовать альтернативные источники информации, к которым граждане могли бы регулярно обращаться;

7) Независимость организаций – граждане должны иметь право с целью защиты своих интересов создавать независимые от государства объединения – ассоциации, политические партии, группы давления и т. д.

Все это, как принято сегодня считать, в совокупности и составляет сущность реальной демократии [14]. По мнению американского исследователя, перечисленные политические институты в совокупности “представляют собой не только новый вид политической системы, но и новый вид народовластия, никогда прежде не существовавший в обозримой истории со времен установления “демократии” в Афинах и “республики” в Риме”. Современный вид демократического правления в масштабах целой страны, отмечает Р. Даль, называется полиархической демократией. Политические институты полиархической демократии возникли в качестве ответа на требования полноценного и полноправного участия граждан в политической жизни.

К благотворным последствиям или преимуществам демократии, по мнению Р. Даля, относятся:

“1. Избавление от тирании. 2. Соблюдение основных прав и свобод. 3. Свобода личности. 4. Самоопределение. 5. Моральная автономия. 6. Возможность развития личности. 7. Защита основополагающих интересов личности. 8. Политическое равенство. 9. Стремление к миру. 10. Процветание” [15]. Именно с учетом всех этих преимуществ, по словам Даля, демократия представляет собой для большинства людей более предпочтительный вариант по сравнению с любой альтернативной ей политической системой. Р. Даль справедливо критикует “старинный и живучий довод”, утверждающий, что “большинство народа просто недостаточно компетентно, чтобы принимать участие в управлении государством. И народу лучше устраниваться от власти и предоставить это трудное дело тем, кто мудрее, – немногочисленной группе или одному человеку” [16]. Разумеется, утверждает Р. Даль, “правление народа вовсе не свободно от серьезных недостатков. Подобно всем прочим правительствам, “народные правительства” действовали несправедливо и жестоко по отношению к тем, кто оказался за пределами своих государств, и к тем, кто имел особый статус внутри страны, – к иностранцам, выходцам из колоний и

пр.”. Демократические права, считает Даль, должны быть распространены и на членов социальных групп, исключенных из процесса управления. Эта проблема успешно решалась и в XIX в., и в начале XX в., когда были отменены прежние цензы и ограничения, а всеобщее избирательное право сделалось нормой демократического правления” [16]. Р. Даль утверждает, что “все совершеннолетние граждане, на которых распространяется действие законов данного государства, должны быть признаны достаточно компетентными для участия в демократическом процессе управления этим государством” [17]. В современной политической науке классифицируют демократию по-разному. Демократия классифицируется, во-первых, в зависимости от того, как понимается народ и как осуществляется им суверенитет. При этом отметим, что понятие “народ” имеет неоднозначные трактовки. История политической мысли показывает, что в отличие от современного понимания понятия “народ” как всего населения государства раньше это понятие отождествлялось со свободными взрослыми мужчинами. И только позднее в двадцатом веке стали упразднять ограничительные цензы и политически дискриминировать определенные группы населения. Вплоть до начала двадцатого века ни одна из ранее существовавших демократий не предоставляла всему взрослому населению государства равных политических прав. Это были преимущественно классовые и патриархальные (только для мужчин) демократии. Именно в зависимости от состава народа его власть может выступать всеобщей или же социально (этнически, демографически, классово или же социально) ограниченной демократией. В зависимости от того, рассматривается ли народ как совокупность самостоятельных, свободных индивидов, как взаимодействие различных групп, преследующих в политике свои собственные специфические интересы, или же как единое, гомогенное целое, субъект, у которого доминируют общие интересы и воля, концепции и реальные модели демократии делятся на: индивидуалистические, плюралистические (групповые) и коллективистские. В зависимости от того, как народ участвует в управлении, кто и как непосредственно выполняет властные функции, демократия подразделяется на: прямую, плебисцитарную и представительную (репрезентативную). Таким образом, в зависимости от социально-политического положения главного политического актора демократии – народа осуществляется ее классификация.

Из вышеизложенного вытекает то, что **демократия – это явление очень сложное, однако определить момент ее зарождения просто.** Неоднозначность феномена демократии определяется не только расхождениями в понимании ее природы, но также длительной эволюцией ее исторических форм.

Самой первой исторической формой демократии, по мнению антропологов и этнографов, была **родовая** (первобытнообщинная) демократия. По их наблюдениям, в рамках родового первобытнообщинного строя все взрослые мужчины и женщины обладали правом голоса, в т. ч. в

Совете рода, который выбирал руководителей рода, принимал решения об объявлении войны и о принятии в род посторонних, осуществлялось общинное самоуправление. В то же время в рамках составленного из отдельных родов племени все решения принимал совет из старейшин и военных вождей, т. е. имело место аристократическое правление.

Таким образом, основными признаками родовой демократии являлись следующие:

- 1) Она существовала в замкнутых родовых коллективах и не распространялась на племенной уровень;
- 2) Отсутствовали разделение управленческого и исполнительского труда, не было специализированного аппарата управления и принуждения;
- 3) Власть вождей и старейшин опиралась не на институты принуждения, а на традиции и моральный авторитет.

Родовая демократия встречается в политической истории всех народов мира, где осуществляется непосредственная прямая модель народовластия. Родовая демократия представляет собой первичную примитивную форму коллективистской демократии. Всюду родовая демократия основывалась на кровнородственных связях, общей собственности, низкой плотности и относительной немногочисленности населения, примитивном производстве. Основная сфера отношений между людьми регулировалась обычаями и табу. Очевидно, что подобная форма демократии была несовершенной и могла существовать лишь в неразвитом обществе. С развитием же производства и общественного разделения труда, с возникновением частной собственности и социального неравенства первобытная демократия, естественно, уступила место авторитарным формам правления (монархии, аристократии, олигархии или тирании).

Следующей исторической формой демократии была т. н. рабовладельческая афинская. Впервые демократия как реальная модель народовластия осуществилась в Древней Греции. Эта форма правления осуществлялась в городе-государстве Афины в V веке до н. э. Перикловы Афины, названные так по имени их наиболее прославленного лидера, послужили источником вдохновения для поколений более поздних политиков-теоретиков и государственных деятелей. Центральным политическим институтом в Афинах VI–V века до н. э. было Собрание, привлекавшее обычно 5-6 тысяч участников и открытое для всех взрослых граждан мужского пола (женщины, рабы и иностранцы исключались). Собрание простым большинством голосов могло решать практически любые внутренние проблемы без всяких правовых ограничений. Суды проводились присяжными в составе 501 гражданина, также большинством голосов решавших, виновен человек или нет. Наиболее замечательным является, вероятно, то, что лидеры Собрания не избирались, а тянули жребий, поскольку афиняне считали, что любой гражданин способен занимать государственную должность. Да и самих должностей было мало: генералы избирались сроком на один год, во всем остальном перикловы Афины

обходились без таких общеизвестных исполнительных институтов, как президент, премьер-министр, кабинет или постоянная гражданская служба. Ответственность за принятие решений ложилась почти исключительно на плечи граждан-членов Собрания. Именно со времен Древней Греции отмечается, что основным столпом реальной демократии является народовластие.

Афинская республика представляла собой преимущественно коллективистскую форму демократии. Начало афинской демократии положили знаменитые социально-политические реформы архонта (верховного правителя) Солона, которые он осуществил в VI в. до н. э., перераспределив земельные владения от аристократии в пользу широких слоев свободных граждан и закрепив их право собственности законом. Как полагает известный российский востоковед

Л. С. Васильев, именно в результате политических реформ Солона возник общественный строй, опирающийся на юридически закрепленную частную собственность (чего не было нигде больше в Древнем мире), и создались благоприятные условия для дальнейшего развития свобод и начал демократии в Европе и на Западе в последующее время. В афинском полисе господствовала прямая демократия. Главным институтом власти служило Народное собрание. Именно в нем без каких-либо опосредующих звеньев – партий, парламента или бюрократии – формировалась общая воля, принимались законы и решения.

В числе особенностей афинской демократии можно назвать следующие:

1) Высшая власть в полисе Афины принадлежала народному собранию (экклезии), контролирующему деятельность исполнительной власти полиса (т. е. совета царей);

2) Правовое равенство свободных граждан (на рабов и мигрантов – неафинян (метеков) не распространялось);

3) Максимальное снижение имущественных цензов для участвующих в народном собрании и поощрение малоимущих к исполнению их гражданских прав;

4) Могла существовать только в условиях рабовладения и рабского труда, освобождающего свободных граждан для участия в политике;

5) Могла действовать только в масштабах отдельного города (полиса), т. к. деятельность народного собрания в масштабах среднего или крупного государства невозможна;

6) С утратой авторитетных руководителей, с ростом социального неравенства и с усилением влияния черни афинская демократия превращалась в деспотию большинства, а народное собрание – в место сведения счетов: происходили расправы бедных над богатыми, преследование инакомыслящих (вспомним расправу над великим философом Сократом), казни полководцев за военные поражения.

При прямой демократии все граждане без посредничества избранных или назначенных официальных лиц могут участвовать в принятии общественных решений. Такая система может иметь практический смысл только при относительно небольшом числе людей – например, в общинных или племенных советах или в местных органах профсоюзов, где все члены могут собраться в одном помещении для обсуждения вопросов и принятия решений путем консенсуса или большинством голосов. Древние Афины, общепризнанная первая демократия в мире, умудрялась осуществлять прямую демократию с помощью собраний, в которых участвовало пять-шесть тысяч человек, вероятно, максимальное число, которое можно физически собрать вместе для проведения в жизнь прямой демократии.

Современное общество, при его сложности и многочисленности, имеет не много возможностей для осуществления прямой формы демократии. Даже на северо-востоке Соединенных Штатов, в Новой Англии, где свято чтят традицию городского собрания, большинство сообществ стали слишком крупными, чтобы все жители могли собираться в одном помещении и прямым голосованием решать вопросы, касающиеся их общественно-политической жизни.

Следующей исторической формой демократии является демократия Древней Руси. Древнерусская государственность включала три основных института власти: вече, князя и боярскую думу. Вече представляло собой верховный орган власти, при этом отметим, что оно не являлось парламентом, состоящим из наделенных соответствующими полномочиями народных представителей. В работе вече имел право участвовать любой гражданин, любой член общины, своим голосом прямо оказывая влияние на все принимаемые решения. Чаще всего в работе вече принимал политическое участие только глава семейства или старший из числа нескольких домов. На вече принимали решение “за себя и за своих детей”, физически вполне взрослых, но не достигших еще гражданского равноправия [18]. По мнению Елчева В. А., Васецкого Н.А. и Краснова Ю. К. вече есть общеземская власть, которая необходима для решения земских дел, общей воли князя, бояр и народа, поэтому оно носило общенародный характер [19]. Вече охватывало практически все общественно-политические вопросы, будь это политические, административные, судебные, военные или финансовые. Вечевые постановления принимались на основе консенсуса, общего согласия, хотя порой этот консенсус достигался в ходе жарких дебатов и острой борьбы мнений. По мнению Бигунова Ю. К., Лукашова А.В. и Понеделко А.В. большую роль в процедуре вече играли лидеры общин, которые убеждали своих сограждан в необходимости принятия того или иного решения [20]. Однако окончательное решение оставалось за рядовыми участниками вечевого собрания, и это говорит о демократических началах древнерусской государственности.

Следующим институтом государственной власти в Древней Руси был князь. При этом князь, с одной стороны, – представитель высших слоев, с

другой стороны, влияние князя было весьма ограниченным, поэтому князь вынужден был вести такую политику, которая отвечала бы интересам широких слоев народа. Князь был главой земского войска, и именно здесь его власть была наиболее концентрированной. А в общественных делах князь и городская община составляли часть единого механизма народовластия. Отметим, что вече как высший орган государственной власти назначало и снимало князя. Община заключала с князем общественный договор, нарушение которого вело к изгнанию князя. В советский период историки признавали значительное влияние народа на политический процесс в Древней Руси. “Летописи пестрят указаниями на вмешательство горожан в политические дела. Горожане сажают на княжеский стол своих кандидатов или наоборот отказывают им в помощи. На городских площадях разыгрываются бурные сцены, и княжеская власть выступает перед размеренными народными массами” [21]. Отметим, что в Древней Руси существовал институт общенародного (вечевого) суда над князем, который нарушил договор или же допустил злоупотребление (древнерусский вариант импичмента).

Третьим институтом общинной государственности была Боярская дума. Боярская дума — это своеобразное аристократическое начало российской государственности. Князья были обязаны совещаться с боярами, поскольку бояре общались со своими общинами и передавали им все сведения о советах у князя и его позиции в отношении учета общественного мнения народных масс, стиль руководства, ошибки и удачи в процессе исполнения власти. Нарушение совещательного правила влекло для князя негативные последствия, вплоть до отстранения его от государственной деятельности. Таким образом, в Древней Руси существовал свой механизм разделения властей в целях демократического осуществления государственной власти в интересах самых широких слоев населения. Высшим органом власти было вече — общенародное собрание, представлявшее самые широкие слои населения. Интересы знати и аристократии представляла боярская дума, частью которого был князь. Князь представлял собой главу как исполнительной, так и судебной власти. Боярская дума и князь целиком и полностью зависели от народного волеизъявления.

Следующая историческая форма демократии — **демократия т. н. классического либерализма**, которая утвердилась в Новое время в результате религиозной Реформации, свержения абсолютистско-монархических форм правления в результате буржуазных революций XVI–XVIII вв. (нидерландской, английской, французской). Торжество либеральной демократии связано с утверждением принципов гражданского общества, конституционных форм правления, идей народного суверенитета и неотъемлемых прав граждан.

Родиной классического либерализма по праву считается Англия, где задолго до революции 1640 г. произошло ограничение ранее абсолютных

прав монарха через подписание им Великой Хартии вольностей (1215 г.), существовал парламент, автономное местное управление и т. д. Окончательно же конституционно-либеральная модель в истории Англии после т. н. Славной революции 1688 г. и была официально закреплена в Революционном уложении 1689 г. Основные принципы демократии классического либерализма таковы: отделение индивида от общества и государства, разграничение государства и гражданского общества, уважение прав меньшинства, правление на основе законов и минимальное вмешательство государства в экономику и т. д. Практически все вышеперечисленное входит в число характеристик современного либерализма как политической идеологии.

На основе этих принципов формируется современная модель т. н. либеральной демократии, основными характеристиками которой являются:

1) Индивидуализм, признание личности первичным и главным источником власти, приоритет прав индивида перед законами государства.

2) Формальный характер: свобода понимается не как активное участие граждан в политике, а как отсутствие принуждения и ограничений в индивидуальной деятельности.

3) Парламентаризм, преобладание представительных форм в политике (т. е. парламент выступает как высший выразитель воли всего народа).

4) Ограничение сферы деятельности государства охраной общественного порядка, безопасности и прав граждан, как следствие – его невмешательство в частную сферу и в экономику.

5) Ограничение власти большинства над меньшинством: гарантия неотъемлемых прав меньшинства и отдельной личности.

Все вышеназванное вполне естественно определяет и очевидные недостатки либеральной демократии. Во-первых, это, прежде всего, ее декларативный характер для бедных в условиях социального неравенства (права формально одинаковы, но у богатых возможностей больше), во-вторых – ограниченность из-за ставки на голосование как на основную форму участия граждан (участие в деятельности политических партий и движений, постоянный гражданский контроль за властью не предусматриваются); в-третьих – ее слабость из-за недооценки роли государства в деле управления обществом, а также из-за культивирования неограниченного индивидуализма, на деле ведущего к торжеству анархии и распаду общества.

Сегодня наиболее принятой формой демократии, как для городов с населением в 50 тысяч, так и для стран с населением в 50 миллионов, является представительная демократия, в которой граждане избирают официальных лиц для принятия политических решений, формулирования законов и проведения в жизнь программ ради общественного блага. От имени народа эти официальные лица могут продуманно и упорядоченно разбираться в сложных общественно-политических проблемах, что требует затрат времени и энергии и часто является непрактичным для подавляющего

большинства частных лиц. При этом процедуры избрания официальных лиц могут быть самыми разными. Например, на общенациональном уровне законодатели могут избираться в районах, каждый из которых выбирает одного представителя. При системе пропорционального представительства каждая политическая партия представлена в законодательном органе в соответствии с процентным соотношением к общему числу избранных по всей стране. Местные и районные выборы могут копировать эти национальные модели или избирать своих представителей менее формально, групповым консенсусом вместо выборов. Каков бы ни был способ и механизм избрания, официальные лица в представительной демократии занимают свои посты от имени народа и остаются подотчетными народу во всех своих действиях.

Все демократии являются такими политическими системами, в которых граждане свободно принимают политические решения в соответствии с правилом большинства голосов. Но подчинение меньшинства большинству не всегда бывает демократическим: никто, к примеру, не назовет честной или справедливой политическую систему, при которой 51% населения позволено угнетать остальные 49% именем большинства. В демократическом обществе правило большинства должно сочетаться с гарантиями прав личности, которые, в свою очередь, служат защите прав меньшинств – будь то этнические меньшинства или религиозные, или политические, или просто те, кто потерпел поражение в политических дебатах по спорному законодательству. Права меньшинств не зависят от доброй воли большинства и не могут быть отменены большинством голосов. Права меньшинств защищены, потому что демократические законы и институты защищают права всех граждан. Эти элементы определяют фундаментальные элементы всех современных демократий, независимо от исторических, экономических и культурных различий. Основные элементы конституционного правления (правило большинства в сочетании с правами личности и правами меньшинств), а также политико-правовые нормы можно обнаружить в Канаде и Коста-Рике, во Франции, в Японии и Индии, несмотря на гигантские различия этих стран, политических систем и обществ. Демократия не ограничивается комплексом конституционных правил и процедур, определяющих, как должно функционировать правительство. В демократии правительство – это только один элемент, сосуществующий в социальной ткани со многими и различными институтами, политическими партиями, организациями и ассоциациями. Это разнообразие называется плюрализмом и предполагает, что многие организованные группы и институты в демократическом обществе не зависят от правительства для своего существования, законности или авторитета.

Тысячи частных организаций оперируют в демократическом обществе, некоторые на местном уровне, другие – на национальном. Многие из них играют роль посредников между частными лицами и сложными социальными и правительственными институтами, частью которых они

являются, заполняя позиции, не отданные правительству, и предоставляя отдельным лицам возможности осуществить свои права и обязанности граждан демократического общества. Эти группы представляют интересы своих членов разнообразными способами – поддерживая кандидатов на правительственные посты, участвуя в обсуждениях проблем и пытаясь влиять на политические решения. Будучи членами таких групп, отдельные личности имеют возможность принять весомое участие как в государственных делах, так и в делах своих собственных сообществ. Примеров много, и они разнообразны: благотворительные организации и церкви, группы, занимающиеся охраной окружающей среды и организованные по принципу соседства, деловые ассоциации и профессиональные союзы.

В демократическом сообществе прерогативы правительства точно определены законом, и власть его резко ограничена. В результате частные организации свободны от правительственного контроля; наоборот, многие из них имеют возможность воздействовать на правительство и требовать от него отчета в его действиях. В этой насыщенной частной сфере демократического общества граждане могут открывать для себя возможности свободы и обязанности самоуправления, не испытывая при этом давления со стороны правительства.

Демократия прямая или демократия представительная? Что лучше? Какая демократичней? По мнению Р. Даля, “ни та, ни другая не в силах справиться с неразрешимым противоречием между количеством времени, необходимым для участия в управлении, и числом граждан, призванных в этом управлении участвовать. Даль придерживается закона соотношения времени и численности, который гласит: “чем большее количество граждан входит в состав политической единицы, тем меньше степень непосредственного участия этих граждан в принятии решений, касающихся управления государством, и тем больше прав должны они делегировать своим представителям” [22].

Американский исследователь Р. Даль отмечает, что если цель – в установлении демократической системы правления, которая предоставляет гражданам максимальные возможности для участия в принятии политических решений, то приоритет следует отдать “демократии общего собрания”. Если цель – установить демократическую систему правления, предоставляющую максимальные возможности для наиболее эффективного решения тех проблем, которые сильнее всего заботят граждан, то преимущество остается за политической единицей такого масштаба, что для управления ею требуется представительная система. Что выбрать: участие граждан или эффективность системы? Даль придерживается принципа: “чем меньше демократическая единица, тем выше потенциал участия граждан в управлении и тем ниже степень необходимости делегировать властные полномочия представителям граждан. Чем единица крупнее, тем шире ее возможности эффективно решать проблемы, представляющие важность для

граждан, тем острее становится необходимость делегирования полномочий их представителям” [22]. Даль отмечает, что “при многих достоинствах у представительной демократии есть и теневая сторона”. При этой системе правления граждане часто делегируют огромные полномочия своим представителям, в частности, возлагая на них ответственность принимать решения исключительной важности. Полномочия делегируются не только избранным представителям, но посредством сложного механизма и администраторам, чиновникам, должностным лицам, государственным служащим, судьям и т. д. Таким образом, в рамках институтов полиархической демократии, призванной содействовать гражданам в распространении их влияния на деятельность правительства, возникает недемократический процесс – торг между политической и бюрократической элитами. Это должно происходить, но в границах, установленных демократическими институтами и процедурами. Периодические выборы заставляют политические элиты чутко прислушиваться к общественному мнению. Кроме того, в процессе принятия решений представители политической и бюрократической элит влияют друг на друга и взаимно ограничивают свободу действий [23]. Отметим, что не только суверенитет народа – основополагающий признак демократии, есть и другие критерии для классификации. Так, в зависимости от характера равенства демократия подразделяется на: политическую, которая обеспечивает политическое равенство прав, чаще всего формально, социальную, основывающуюся на равенстве фактических возможностей участия граждан в управлении государством. Необходимость осуществления в современном государстве представительной демократии ни у кого не вызывает сомнений, а вот по поводу непосредственного допуска народа к власти споры продолжаются. В самом начале XX века К. Тахтарев в монографии “От представительства к народовластию” указывал на то, что общество в своем поступательном развитии постепенно перейдет от представительной демократии ко все большему расширению демократии прямой как наиболее верно отражающей интересы всех граждан данного государства. А. Иоганн Шерр в своей “Комедии всемирной истории” даже записал: “Когда два титана, государь и народ, ринувшись друг на друга и израненные, истекающие кровью, упали на землю, тогда явился маленький карлик, парламентаризм, и ограбил того и другого”. Таким образом, представительная демократия – не самая “демократичная” и не может рассматриваться в качестве наиболее приемлемой формы демократии. Прямая демократия – истинно народное участие в осуществлении власти в государстве. Но, вернувшись к исследованиям философов прошлых столетий, зададимся вопросом: а нужно ли, чтобы народ сам осуществлял управление государством? Может быть, народ действительно не способен на это и только навредит себе? В начале века П. И. Новгородцев, ученик И. А. Ильина, писал об этом: **“чтобы право на управление не было пустой фикцией, народ должен созреть для управления самим собою”**. Это должен быть народ, осознающий свои

права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению. “Такая высота политического сознания никогда не дается сразу, – продолжал он, – она приобретает долгим и суровым опытом жизни”. Кстати, в этом с русским мыслителем были согласны и советские государствоведы, считавшие общий культурный уровень лишь предпосылкой к участию масс в управлении: “нужна еще и высокая политическая культура”. Каким же образом это достигается? Обратимся к истории. Итак, как же быть с использованием референдума и других разновидностей непосредственной демократии, если народ пока еще не обладает высоким уровнем общей и политической культуры? Отвергнуть референдум, отказаться от права народа на участие в управлении – так отвечали некоторые философы, государствоведы конца XIX — начала XX веков. “Я отвергаю референдум, потому что я не хочу делать толпу органом законодательной власти, потому что я боюсь ее излишеств, ее капризов, ее склонности к химерическим новшествам и особенно ее произвола”, – эти слова сказаны более века назад наиболее серьезным французским исследователем референдума того времени Жаном Синьорелем, который свою объемную монографию по данному вопросу закончил словами: “Я не понимаю и никогда не понимал смысла существования референдума”. К чему может привести использование референдума в дальнейшем? “Этот троянский конь, – отвечает Синьорель, – эта коробка конфет, начиненная динамитом, фатально приведет Конституцию к ее крушению и сделает общественные власти рабами народных масс”.

В то же время уже тогда существовала и другая точка зрения: не стоит отказываться от вышеупомянутого права из-за низкого культурного уровня народа. Столетие назад швейцарский исследователь данной темы Хильти писал: “Народное голосование оживляет политическую жизнь, сообщает народу чувство самоуважения, развивает в народе сознание ответственности в решении собственных дел, осваивает его с политикой и делает ему известными законы и политические дела”. Он указывал и на то, что результаты референдума, впервые введенного в той или иной стране, “лучше всяких ученых исследований и статистических отчетов дают средства понять действительный нравственный и умственный уровень народа и его образования”.

Еще однозначнее высказался его современник и соотечественник Ф. Курти, автор книги “История народного законодательства и демократии в Швейцарии”: “Народ никогда не будет зрелым, во-первых, потому что опекуны никогда не захотят признать его совершеннолетним, а, во-вторых, потому что так как его никогда не допустят к самостоятельной деятельности, то он в конце концов разучится желать и действовать”. Вывод: не следует ожидать, когда народ “созреет” для осуществления права на управление государством, а дать ему возможность учиться, приобретать опыт, непосредственно реализуя свое право на политическое участие в управлении

делами государства на практике. Именно эта точка зрения и получила распространение на современном этапе развития человеческой цивилизации.

Поскольку классическая либеральная демократия за свои недостатки подвергается сегодня серьезной критике и ревизии, имеет смысл рассмотреть существующие на сегодня альтернативные теории демократии. В тоже время отметим, что классическая либеральная демократия является одной из первых концептуальных парадигм конкурентной теории демократии.

Следующая историческая **форма демократии – социалистическая** (пролетарская по В.И. Ленину) демократия, которая утвердилась в результате революции 1917 г. Более детально социалистическая демократия нами будет проанализирована ниже, а также в третьем разделе будут подвергнуты рассмотрению механизмы и способы осуществления народовластия в СССР.

Политологический анализ эволюции политической мысли в Новейшее время позволяет сделать вывод о том, что идеи народовластия были в дальнейшем развиты учеными в рамках теоретических моделей демократии. Рассмотрим некоторые концептуальные виды демократии, в каждой из которых заложена своя специфическая и определенная модель народовластия. На наш взгляд, исторические практически осуществленные модели и теоретические парадигмы демократии можно сгруппировать в следующие группы: **коллективистские (идентитарные) демократии и конкурентные демократии**. Идентитарная демократия отражает тот факт, что она исходит из целостности народа (нации, класса), наличия у него единой воли еще до акта ее публичного выражения и идентичности этой воли и действий представителей власти.

В первую группу коллективистских демократий входят родовая демократия, афинская (античная) демократия, коллективистская демократия (по Руссо), социалистическая демократия. Сюда же некоторые современные ученые относят плебисцитарную (мандатная, или партийная) и делегируемую демократию и партиципаторную демократию. Однако, на наш взгляд, они в своих теоретических конструкциях имеют элементы и характерные черты как коллективистской, так и конкурентной демократий. Мы включили их во вторую группу, так как они возникли на базе критики двух основных демократических политологических направлений: конкурентной и коллективистской.

Во вторую, конкурентную, группу входят классическая либеральная демократия, представительская (репрезентативная) и элитарная демократия, сонсоциативная (со-общественная, или согласительная) демократия, плебисцитарная (мандатная, или партийная) и делегируемая демократия, партиципаторная демократия, плюралистическая демократия. К этой же группе относят информационную демократию, рыночную, или экономическую, демократию и интегральную демократию.

Рассмотрим концептуальные основы этих двух теоретических направлений демократии, акцентируя внимание на тех из них, которые

нами были не изучены, с учетом определения механизмов реализации той или иной модели народовластия.

1) **Коллективистская демократия** (ее представителями являются Ж.-Ж. Руссо, К. Маркс, В. И. Ленин, немецкий философ права К. Шмитт – автор учения о “гомогенном обществе” и “тотальном государстве”). Коллективистская теория демократии Руссо нами была представлена выше. В дальнейшем она была развита К. Марксом (1818–1883). К. Маркс исходил из того, что люди не свободны в выборе форм общественного развития. Их выбор объективно обусловлен степенью развития производительных сил и характером производственных отношений, которые они застают при рождении. Эти факторы материального производства составляют основу человеческого общества, обеспечивают его прогресс. Изменения в развитии производительных сил приводят к новому разделению труда, новым формам собственности, порождают определенные формы обмена и потребления.

К. Маркс считал, что политика и ее институты (право, государство) не имеют самостоятельного характера, а являются производными от экономической структуры общества. Политические институты выражают интересы класса-собственника.

На этом основании он выдвинул идею о необходимости слома буржуазного государства как органа политического господства капиталистов-собственников, а в исторической перспективе (когда будет полностью преодолено социальное неравенство как источник тех конфликтов в обществе, которые и призвана разрешать политика) – ликвидации всякого государства вообще. На его место, по мысли К. Маркса, придет народное самоуправление во всех сферах общественной жизни. Это в свою очередь предполагает, что на смену политике в качестве регулятора жизни людей вновь должна прийти мораль, но уже впитавшая в себя все общечеловеческие нравственные ценности, прошедшие проверку историей.

В марксистско-ленинской политико-правовой теории понятие демократии имеет несколько измерений, выражающих ее сущность во всей полноте: во-первых, демократия есть форма государства; во-вторых, демократия есть форма организации политических партий, профсоюзов и прочих общественных организаций; в-третьих, демократия выступает как политическое мировоззрение и соответствующее общественно-политическое движение; их дополняет определение понятия демократии как социальной и политической ценности [24]. В одной из своих работ К. Маркс делает вывод: “Демократия есть государственный строй как родовое понятие” [25]. Для Маркса “демократия выступает как основание, признак любой формы государства. Если для Аристотеля демократия определялась наряду с тиранией и олигархией как отклоняющаяся форма государственного устройства, то для Маркса только демократия выступает критерием истинности, а следовательно, правильности формы государства”. У Маркса демократия выступает не только как форма государства – антипод монархии,

но и как принцип организации политической власти в обществе, противоположный демократии [26].

К. Маркс считал, что “то положение, когда народом управляют, должно быть заменено самоуправлением народа” [27]. Известно, что и Ф. Энгельс считал необходимым использовать исторический потенциал местного и провинциального самоуправления в некоторых странах Запада (Голландии, Англии, Швейцарии) для последующего демократического развития этих стран: “произведя сравнительно немного изменений, трудящийся народ мог бы установить здесь свободное самоуправление, которое должно быть нашим лучшим орудием при преобразовании способа производства” [28]. “Политическая власть в собственном смысле слова, – говорится в “Манифесте Коммунистической партии”, — это организованное насилие одного класса для подавления другого” [29]. Согласно марксистской теории “все – даже демократические – правительства являются диктатурами правящего класса по отношению к управляемым. “Современная государственная власть, – говорится в “Манифесте Коммунистической партии”, — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии”. Согласно этой теории, то, что мы называем демократией, есть не что иное, как форма классовой диктатуры, которая оказывается наиболее удобной в соответствующих исторических условиях. Аналогично тому, как государство при капитализме есть диктатура буржуазии, так и после грядущей социальной революции оно будет диктатурой пролетариата” [30]. По мнению Поппера, “Маркс никогда не ценил высоко либерализм, а в парламентской демократии видел только скрытую диктатуру буржуазии” [31]. В XX веке право народа на участие в управлении делами государства стало если и не общепризнанным, то уже трудно оспариваемым. Этой теме касался в своих трудах и В.И. Ленин. Он продолжил концептуальные изыскания социалистической теории демократии и практически его реализовал в первом социалистическом государстве. Он указывал на то, что по мере перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление усиливается значение народной инициативы и референдума.

По этому поводу В. И. Ленин писал: “Переход к уничтожению государства в том смысле, что не особый орган, не особые органы будут ведать делами государства, а все его члены. Как? Своего рода нового рода “прямое народное законодательство”. Затрагивая марксистско-ленинскую теорию, обычно указывают на то, что ее сторонники отвергали прямое участие народа в осуществлении власти, в то время как в капиталистических государствах эта идея уже получила правовое закрепление, но и марксисты не отрицали референдум вообще, а лишь построенный “по старым образцам буржуазного парламентаризма”.

Для В. И. Ленина “демократия есть форма государства, одна из его разновидностей”. Он уточняет, правда, что это только одна сторона демократии: “с другой стороны, она означает формальное признание

равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им” [32]. Ленин считал, что демократия диктатуры пролетариата уже на первой стадии своего развития даст большинству населения реальные политические права, прежде всего право участия в осуществлении политической власти, перерастая затем в демократию социалистическую, общенародную [33]. “Народ, объединенный Советами, — вот кто должен управлять государством”, — писал В. И. Ленин, характеризуя государство нового типа – Республику Советов [34]. Сущность Советской власти, указывал В.И. Ленин, выражается в том, что наиболее массовые и наиболее революционные организации угнетавшихся ранее классов – Советы являются “постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата” [35].

Общие принципы коллективистской теории демократии:

1) Народ, класс, нация или раса рассматриваются как единое целое с неделимой волей и общими интересами.

2) Народ должен осуществлять политическую власть напрямую, не отчуждая ее в пользу государства или отдельных институтов.

3) Каждый представитель народа должен непосредственно участвовать в делах управления.

4) Для реализации народовластия народ должен стать единым целым в политическом плане.

5) В отношении всех тех, кто сопротивляется реализации воли народа, применяется коллективное принуждение.

В ходе исследования теоретической концепции коллективистской демократии нами были выявлены следующие механизмы народовластия:

1. Механизм непосредственного народовластия. Народ осуществляет политическую власть напрямую, не отчуждая ее в пользу государства или отдельных институтов.

2. Механизм народного самоуправления. Народное самоуправление во всех сферах и уровнях общественной жизни.

При этом отметим, что мораль выступает в качестве регулятора жизни людей, и высока значимость общечеловеческих нравственных ценностей, прошедших проверку историей.

На наш взгляд, теоретики коллективистской демократии во многом базировались на практическом опыте демократии, которая была в Древней Греции и Древнем Риме, Новгородской республике, городах-республиках Средиземноморья и т. д. Коллективистская демократия так же, как и прямая, возможна главным образом в сравнительно небольших коллективах (на производственных предприятиях, в общинах, городах и т. п.), причем в тех случаях, когда принимаемые решения достаточно простые и участие в их подготовке и обсуждении не требует специальной квалификации.

В странах Европы понимаемая таким образом демократия открывает дорогу тоталитаризму (по определению немецкого политического философа

Г. Люббе, это – тоталитарная демократия). В то же время в странах Востока такая коллективистская демократия, в основе которой лежит подчинение индивида коллективу, обществу и государству, реализуется в форме многолетних устойчивых авторитарных режимов (шахских, султанских, теократических, и т. д.).

В рамках рассмотрения коллективистской теории демократии следует обратить внимание и на социалистическую (пролетарскую) модель демократии. Однако сразу же стоит заметить, что, по мнению некоторых исследователей, советское общество не было социалистическим (коммунистическим). Известны основные характеристики социалистического (коммунистического) общества: это бесклассовый безгосударственный нетоварный строй прямой демократии (демократии участия), преодолевший эксплуатацию и отчуждение, основанный на общественной собственности на средства производства и порожденный социалистическим (коммунистическим) способом производства. Очевидно, что “реальный социализм” этим основным характеристикам социализма не соответствовал. При “реальном социализме” мы имели:

- государство (которое даже расширило свои полномочия по сравнению с капитализмом – вместо того, чтобы “отмереть”);
- институты буржуазной представительной демократии (к тому же суженной, по сути, до олигархии);
- эксплуатацию и отчуждение, по интенсивности и тотальности не уступавшие эксплуатации и отчуждению в капиталистических странах;
- общественные классы и т. д. [36].

Идея народовластия в советский период отечественной истории нашла свое отражение в теоретической концепции пролетарской (социалистической) демократии, в основе которой были структурированы различные механизмы народовластия.

В ходе исследования теоретической концепции социалистической демократии нами были выявлены следующие механизмы народовластия:

1. Механизм представительного народовластия (точнее “Советовластия”).
 2. Механизм непосредственного народовластия.
 3. Механизм социалистического самоуправления.
 4. Механизм народовластия – “народный контроль”.
- Рассмотрим подробнее каждый из этих механизмов.

Первый механизм – механизм представительного народовластия (“Советовластия”). Ст. 2 Конституции СССР 1977 г. гласила, что вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов...”. Советы практически стали органами власти, выполняющими законодательные, исполнительные и контрольные функции. Механизм представительного народовластия представлял из себя разветвленную систему Советов, которая функционировала в центре и на

местах, во всех территориальных единицах, на всех уровнях государственной организации. Кроме высших представительных органов СССР, союзных и автономных республик имелись более 52 тыс. местных Советов, в том числе: 6 краевых, 123 областных, 8 Советов автономных областей, 10 Советов автономных округов, 3127 районных, 2164 городских, 666 районных в городах, 3863 поселковых и 42599 сельских Советов народных депутатов [37]. Призыв В. И. Ленина о том, что "...народ, объединенный Советами ... должен управлять государством" практически был осуществлен [38]. Советам придавалась интегрирующая роль в отношении других форм и институтов социалистической демократии и самоуправления. Предполагалось, что посредством принятия правовых актов Советы придают воле народа государственно-властный характер. Высшие органы власти союзных и автономных республик участвовали в формировании воли всего советского народа и выражали волю народов советских республик. Местные Советы также осуществляли политическое представительство населения соответствующих территориальных единиц, выражая его волю и участвуя в формировании общей воли всего советского народа. Таким образом, механизм советовластия всячески утверждал своей внутренней структурой, что только он является единственным "массовым органом народной власти".

Второй механизм непосредственного народовластия включал в себя различные формы или, точнее, институты. К таковым теоретики социализма относили следующие:

1. Выборы в Советы народных депутатов, которые являлись "одним из каналов политического воспитания граждан, прямого их вовлечения в политическую жизнь, формой осуществления самоуправления народа". Теоретически и декларативно партия придавала важное значение совершенствованию форм народного представительства, развитию демократических принципов советской избирательной системы, обеспечению свободного и всестороннего обсуждения личных и деловых качеств кандидатов в депутаты с тем, чтобы в Советы выбирались наиболее авторитетные представители рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, всех наций и народностей страны [39].

2. Отзыв народных депутатов декларировался как выражение полновластия советского народа, гарантирующее действительную ответственность депутатов перед избирателями. Советское Законодательство устанавливало, что депутат может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей соответствующего избирательного округа, если он не оправдал доверия избирателей. Примечательно, что еще в первые годы Советской власти Лениным был подготовлен проект Декрета о праве отзыва, где отмечалось, что "...выборное учреждение или собрание представителей может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных" [40].

3. Наказы избирателей – поручения избирателей своим депутатам, одобренные предвыборными собраниями и направленные на улучшение деятельности Советов народных депутатов. Характерно, что в законодательстве Союза ССР, союзных и автономных республик подробно регламентировался порядок внесения и рассмотрения предложений о наказах избирателей на предвыборных собраниях, учет, обобщение и предварительное изучение наказов.

4. Всенародное обсуждение важных вопросов государственной жизни. Эта форма получила свое закрепление в Основном Законе СССР 1977 года и в законах союзных и автономных республик.

5. Деятельность трудового коллектива во всех сферах общественной жизни, в экономике декларировалась как одна из важных форм непосредственного народовластия. По сути дела, властью официально разрешалось самоуправление на предприятии, участие всего коллектива, его общественных организаций в выработке важнейших решений и контроле за их исполнением, выборности руководителей.

6. Отчеты депутатов, исполнительных органов общей и отраслевой компетенции перед гражданами как форма непосредственного контроля избирателей за деятельностью выбранного ими Совета, за деятельностью депутатов. Законодательно предписывалось регулярное проведение отчетов депутатов, органов Советов на собраниях трудовых коллективов, по месту жительства граждан при активном участии населения.

7. Собрания граждан, во-первых, по месту жительства не реже одного раза в год [41]; во-вторых, сходы граждан, проживающих в сельских населенных пунктах; в-третьих, собрания трудовых коллективов.

8. Обращения граждан в Советы народных депутатов. Эта форма непосредственного народовластия считалась “важным фактором выявления общественного мнения, существенным источником информации, необходимым для эффективной деятельности Советов народных депутатов всех ступеней” [42]. Характерно, что письма и реакция на них со стороны властного аппарата стали специфической формой политических отношений в советский период. “Диалог” с населением посредством различных форм апелляции к власти шел непрерывно. Разумеется, “диалогичность”, о которой идет речь, весьма условна и нетрадиционна. По мнению российских исследователей, нельзя однозначно положительно ответить на вопрос, являлись ли письма или иные формы апелляции к власти специфической формой политического участия, средством политики и власти в условиях коммунистической диктатуры [43]. “При отсутствии присущих демократическому обществу форм общения и взаимодействия государства и населения через многообразные политические и гражданские институты апелляция к властям предрержащим при помощи заявлений, петиций, жалоб, доносов и т. д. являлась суррогатным заменителем общения населения с государством и воздействия на власть. Это была наиболее безболезненная и удобная для режима форма осуществления государственного управления на

базе обратной связи, основанная на исторических традициях русского народа (челобитные в средневековой Руси, петиционное движение в XIX – начале XX века). По всей вероятности, государство, именовавшее себя народным, остро нуждалось в подобных лимитированных формах общения с гражданским [44].

9. Выдвижение на руководящую работу беспартийных являлось также одной из форм непосредственного народовластия. Декларировалось “постоянное вовлечение и выдвижение талантов из народа” с целью привлечения широких масс трудящихся к управлению.

10. Органы общественной самодеятельности как “организационная форма общественной активности и инициативы граждан, их участия в управлении государственными и общественными делами”. Эти органы объединяли граждан определенным коллективным интересом для совместного удовлетворения бытовых, жилищных, социально-культурных потребностей. Создавались по прямому почину граждан, являясь формой непосредственного народовластия, однако организационно оформлялись Советами народных депутатов и находились под их руководством.

Третий – механизм социалистического самоуправления “на основе активного и действенного участия трудящихся, их коллективов и организаций в решении вопросов государственной и общественной жизни”. Идея самоуправления утверждалась как основное понятие теории научного коммунизма и определялась как “главное направление развития политической системы социализма”. Данный механизм достаточно четко раскрывал смысл воплощения идеи народовластия: “самоуправление советского народа осуществляется через государство и его органы, т. е. в формах представительной демократии, но все в большей мере оно становится непосредственным”. Сочетание представительных и непосредственных форм народовластия. Государственное самоуправление в СССР находит выражение в том, что: а) все члены общества без каких-либо ограничений избирают своих представителей в органы, посредством которых народ осуществляет свою власть (осуществляет контроль за деятельностью этих представителей вплоть до отзыва); б) в формах, которые складываются по прямому почину масс: все большее число граждан непосредственно практически участвуют в разработке, принятии и осуществлении социально-экономических решений; в) трудящиеся прямо и через государственные и общественные организации проводят законы в жизнь” [45]. При этом указывалось, что “советская государственная власть и самоуправление не противопоставляются, а находятся в диалектическом единстве и взаимно дополняют друг друга”. По мнению идеологов социализма, переплетение власти и самоуправления давало качественно новую форму власти – “рабоче-крестьянскую” – власть самих трудящихся.

Примечательно, что социалистическое самоуправление народа определялось одновременно и как сущностная характеристика народовластия и представлялось в виде системы, которая включала в себя ряд звеньев с

определенной “политической и организационной характеристикой”. Указывалось на то, что социалистическое самоуправление может развиваться в системе государственных органов и в системе общественных организаций (качественных отличий между ними нет, однако методы, способы и приемы осуществления различны).

Социалистическое самоуправление народа выступало в различных формах: 1. Главной из них являлись, конечно же, Советы народных депутатов. 2. Самоуправление трудового коллектива. 3. Самоуправление общественных организаций, образуемых по профессиональным и иным признакам. 4. Кооперативное самоуправление (колхозы, кооперативы потребительские и в сфере производства и услуг. 5. Школьное, пионерское, студенческое самоуправление [46]. Естественно, что гарантом углубления социалистического самоуправления народа являлась КПСС.

Четвертый механизм народовластия – “народный контроль” – был своего рода дополнением к основному механизму представительного народовластия. Согласно ст. 92 Конституции СССР Советы народных депутатов образуют органы народного контроля, сочетающего государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях. Данный механизм был затем подкреплён собственным Законом о народном контроле в СССР, который устанавливал единую систему по всему Союзу. Система состояла из Комитета народного контроля СССР, комитетов народного контроля союзных и автономных республик, краевых, областных, городских, районах в городах комитетов, а также групп народного контроля при поселковых, сельских Советах народных депутатов, комитетов, групп и постов народного контроля на предприятиях, в колхозах, учреждениях, организациях, воинских частях (ст. 11) [47]. Комитеты народного контроля СССР и республик образовывались на пять лет, а в краях, областях, районах и городах – на два с половиной года. Советы народных депутатов полностью контролировали органы народного контроля – комитеты и вправе были отменить их постановления, которые “не соответствовали законодательству”. В отличие от комитетов народного контроля группа народного контроля государственно-властными полномочиями не обладала. (ст. 24 Закона СССР о народном контроле).

Ст. 22 Закона СССР о народном контроле содержала в себе целую схему различных форм и методов работы комитетов народного контроля (насчитывалось около 12). Комитеты могли с одной стороны указывать на недостатки, допущенные должностными лицами, делать им предупреждения, обязывать устранить выявленные нарушения и с другой стороны налагать на виновных должностных лиц взыскания, отстранять от занимаемых должностей лиц, допустивших срыв выполнения решений Партии и Правительства и обращаться в органы прокуратуры. Поле деятельности комитетов народного контроля теоретически выглядело достаточно широким.

Таким образом, каждый из рассмотренных механизмов народовластия в теоретической концепции социалистической демократии был внутренне организованным и каждому был присущ свой набор институтов или форм реализации идеи народовластия.

Использование на практике вышеназванных институтов механизмов представительного и непосредственного народовластия в большей мере теоретически декларировалось, а также теоретически подчеркивалась “важность всех этих форм для прямого участия народных масс в выработке и принятии государственных и других решений”. Характерным для политической системы было сосредоточие управленческих функций в руках партийно-политического руководства. Одновременно гипертрофировалась роль исполнительного аппарата. Основная масса членов выборных органов была отстранена от реального участия в решении государственных и общественных дел. Недостаток политической системы заключался и в чрезмерном огосударствлении общественной жизни. Детальное централизованное планирование и контроль стали серьезным препятствием для инициативы людей и общественных организаций. В конце 80-х годов идеологи социализма стали признавать, что в стране “сложился и продолжает действовать на сознание людей упрощенный, урезанный образ социалистического народовластия, когда фактическое отправление власти отождествляется не с активной политической деятельностью трудящихся, а, прежде всего с исполнительными органами” [48].

В теоретической концепции народовластия внутри социалистической демократии помимо различных механизмов народовластия существовали и свои принципы. Одним из них был принцип гласности. Этот принцип заслуживает более подробного освещения. Принцип гласности был определен ст. 9 Конституции СССР, где указывалось на “расширение гласности и постоянный учет общественного мнения”. В ст. 94 Основного Закона устанавливалось, что “Советы народных депутатов и создаваемые ими органы систематически информируют население о своей работе и принятых решениях”. Предлагались различные формы по реализации принципа гласности: ознакомление граждан с проектами решений, выносимых на обсуждение Советов на сессии и опубликование этих проектов с помощью средств массовой информации; информирование населения о принятых решениях, а также вопросах, которые были или будут предметом обсуждения на заседаниях исполнительных комитетов, постоянных комиссий; публикация повесток дня предстоящих сессий; знакомство граждан в избирательных округах с содержанием работы Совета, принятых решений [49].

Принцип гласности или развитие широкой, своевременной откровенной информации необходимо рассматривать в свете перспективы реализации идей народовластия и демократии в Республике Казахстан. Развитие механизма политической

коммуникации даст возможность осуществлять действительно массовый общественный контроль со стороны населения за работой государственных органов и должностных лиц, повысить ответственность депутатов перед народом, принимать понятные населению политические решения и т. д.

2) Весьма близкой по своему основному содержанию к коллективистской теории является **концепция плебисцитарной демократии**, разработанная в 20-е гг. немецким социологом Максом Вебером (1864-1920). Впоследствии политические учения, появившиеся на рубеже XIX–XX веков, легли в основу современной западной политологии, которую невозможно представить без идей, теорий, концепций М. Вебера. К ее созданию Вебера привело осознание необходимости обеспечить контроль общества над узурпировавшим рычаги власти и управления бюрократическим аппаратом.

На вопрос о том, можно ли решить данную проблему посредством демократизации, за счет повышения уровня участия народных масс в политике, немецкий социолог отвечал отрицательно.

Во-первых, массы не способны к квалифицированному и компетентному принятию политических решений. Во-вторых, массовая политизация приведет к созданию крупных организаций (политических партий, профсоюзов), которые затем неизбежно бюрократизируются и попадут под контроль чиновников. Поэтому решить проблему контроля над бюрократией может лишь выдвижение (выбор народом) яркого харизматического лидера, получающего в свое распоряжение неограниченные властные полномочия и заставляющего чиновников служить обществу. Такая демократия, по Веберу, выходит за формально-правовые рамки: “Демократия, это когда народ выбирает лидера, которому он доверяет. После этого избранный народом лидер говорит: “А теперь замолчите и подчиняйтесь мне”. Ни народ, ни партии не должны вмешиваться в то, что он делает”. Однако подобная демократия означает на практике не что иное, как вождизм и авторитаризм.

В концепции М. Вебера демократия выступает как способ и средство, а не цель в себе. Это способ избрания лидеров, это средство как для придания их правлению законности, так и для привлечения значительной массы населения к политическим делам нации. Тем не менее, демократия, по мнению М. Вебера, не является подходящим средством для решения обычных политических вопросов, в подобных случаях необходимы скорее компромиссы через переговоры, чем голосование [50]. Поэтому он считал утопичными теории “народного суверенитета”, такие понятия, как “воля народа”, “мудрость народа” и т. д., цель которых – исключить господство одного человека над другим. По мнению Вебера, этого нельзя достичь в современных условиях, поскольку прямая демократия и правительство непрофессиональных политиков принципиально невозможны вне пределов мелких государств-городов, ограниченных своими размерами и населением.

Согласно Веберу, любая рационализация или формализация взаимоотношений между людьми в современных обществах и государствах неизбежно ведет к авторитаризму.

Вебер предлагает теорию плебисцитарной демократии, с помощью которой, по его мнению, можно было бы избежать тирании бюрократов. В рамках этой теории народу и отдельным индивидам отводится роль пассивного участника политического процесса. Единственная форма политического участия для масс – это участие в выборах и реализация права на голосование.

Главной фигурой в веберовской теории выступает харизматический лидер, избранный прямым голосованием народом, перед которым он несет ответственность. Так как, по Веберу, роль масс в политическом процессе ограничивается участием в избрании харизматического лидера, им отказывается в праве осуществлять контроль над бюрократией снизу. Эти функции граждане делегируют харизматическому лидеру, который осуществляет контроль за деятельностью бюрократии сверху; одна из главных его задач – борьба с бюрократией, необходимая для преодоления олигархического принципа правления.

Основное значение плебисцита для Вебера сводится к тому, чтобы в результате прямого участия всего народа в голосовании создать **харизматический авторитет.** Условие успешности деятельности такого лидера – слепое повиновение ему со стороны народа. По мнению Вебера, подобный лидер, с независимой от парламента базой власти, смог бы преодолеть раздробленность классовых интересов, представленных в парламенте, и быть объединяющим началом нации. Парламенту отводится в этой теории функция воспитания плебисцитарных лидеров.

К тому же М. Вебер является автором теории рациональной бюрократии. Общество на рубеже XIX–XX вв. становилось все более сложно организованной системой, нуждавшейся в совершенствовании управления ею.

Наиболее эффективной системой государственной организации М. Вебер считал бюрократию. Ее эффективность основана на строгом разделении обязанностей, профессионализме и дисциплине. Он выделил характерные черты идеального типа бюрократии: 1) разделение труда, обусловленное правилами и законами; 2) порядок подчиненности нижестоящих должностных лиц вышестоящим; 3) назначение служащих на основе профессиональной квалификации, как указано в дипломе, а не выборы их; 4) соответствующие зарплаты работников их рангу; 5) работа в государственном учреждении – основное занятие служащих; 6) служащий – не владелец учреждения, в котором работает; 7) смещение служащего с должности – прерогатива вышестоящего и т. д. Наличие таких правил обеспечивает единообразие в деятельности государственных органов, четко определяет ответственность каждого института государства. Эти правила

ограничивают произвол начальника в отношении подчиненного, устраняют из должностных отношений личную неприязнь, обиды, симпатии.

Следует отметить, что рациональная бюрократия – всего лишь та социальная группа, которая осуществляет на практике исполнительную, управленческую функцию государства. Ее задача – не принимать политические решения, а выполнять предписания политической элиты. В тех случаях, когда бюрократии удавалось, ориентируясь исключительно на собственные интересы, монополизировать, сосредоточить в своих руках государственную власть, она из рациональной превращалась в тоталитарную бюрократию, о чем свидетельствует история многих стран не только в древности, средневековье, в новое время, но и уже в XX в. В результате в ряде стран устанавливались фашистские, нацистские, милитаристские и т. п. диктатуры (ее конкретная форма зависела от того, на какие силы опиралась та или иная тоталитарная бюрократия и какой идеологией оправдывала свое господство).

В то же время и в современную эпоху высказываются весьма сходные с веберовскими идеи. Можно вспомнить, например, концепцию “делеглируемой демократии” аргентинского политолога Г. О. Доннела, суть которой сводится к тому, что в переживающих процесс модернизации странах “Третьего мира” народ должен передать неограниченные (правом, парламентом, партиями, и т. д.) полномочия лидеру, осуществляющему преобразование. Таким образом, и здесь речь идет лишь об авторитарном модернизационном режиме, поскольку демократия — это не только власть и воля народа, но и уважение к определенным законом процедурам и правилам.

В ходе исследования теоретической концепции плебисцитарной демократии нами были выявлены следующие механизмы народовластия:

1. Механизм непосредственного народовластия. Суть данного заключается в осуществлении прямого волеизъявления граждан того или иного государства.

2. Механизм представительного народовластия. Теоретики плебисцитарной демократии считали, что демократия – это когда народ выбирает лидера, которому он доверяет. Возможности политического влияния народа при такой модели демократии сравнительно ограничены в отличие от непосредственной или прямой демократии. Авторы данной теории полагают, что только харизматический лидер обладает легитимным правом осуществления политического руководства и выступает ключевой фигурой в процессе принятия стратегических государственных решений.

3. Институтами модели народовластия внутри плебисцитарной демократии выступают референдумы и опросы. Теоретики плебисцитарной демократии полагали, что эти институты будут достаточно широко применяться на различных уровнях управления: в общинах, городах, областях, в масштабах всего государства.

3) Партиципаторная демократия сложилась под влиянием критики репрезентативной демократии в 60–70 гг. XX века, а теория получила максимальное широкое распространение как претендующая на максимальное соответствие нормативному идеалу демократии. Теория рассматривает демократию как универсальный принцип организации всех областей государственной жизни и общественных отношений. Теория утверждает, что не существует областей, которые были бы изолированы от политики, поэтому они все находятся в сфере демократического политического процесса. Государственное управление должно допускать политическое участие граждан не только во всенародных выборах власти, референдумах, собраниях, но и непосредственно в процессе принятия решений, а также в контроле над их исполнением.

Теоретики партиципации ставят своей целью всестороннюю демократизацию всех сфер общественной жизни, самореализацию личности, социальную эмансипацию. По мнению сторонников этой формы демократии, такой подход обеспечивает максимальный учет интересов народа при принятии решений, увеличивает его активность в общественной и государственной жизни, прочно легитимизирует власть в глазах народа, исключает его отчуждение от государственного управления. Достоинством рассматриваемой формы демократии ее сторонники считают высокий уровень интеллектуальной обоснованности решений за счет широкого участия масс в процессе их принятия. Этот фактор в общем случае способствует эффективности государственного управления, оптимизации поиска решений и повышает стабильность системы государственной власти. Здесь осуществляется принцип децентрализации власти, развивается самоуправление и привлекаются широкие слои населения в политический процесс.

Несомненным достоинством партиципаторной теории демократии является попытка вовлечь широкие народные массы в государственное управление, политический процесс, преодолеть социальную апатию населения и обеспечить таким образом воплощение нормативного идеала демократии в жизнь. Есть и негативные стороны данной теории: во-первых, политика не может быть смыслом жизни всех людей; во-вторых, широкая политизация общества, проникновение политики во все сферы жизни общества и граждан ведут к банальному популизму; в-третьих, дорогостоящая структура привлечения и обеспечения непрерывного политического участия граждан в политическом процессе.

В ходе исследования теоретической концепции партиципаторной демократии нами были выявлены следующие механизмы народовластия:

1. Механизм всестороннего политического участия граждан государства в политическом процессе. Реализации этого механизма народовластия способствуют следующие элементы, заложенные в данной теории: всеобщая демократизация общественно-политической жизни

граждан; непосредственное участие народа в политическом процессе, то есть в подготовке, принятии и осуществлении решений, а также контроля за их реализацией.

2. Механизм представительного народовластия с использованием таких институтов, как выборы, референдумы, собрания и т. п. Это предполагает максимальный учет в политике интересов народа, прочную легитимизацию власти, преодоление политического отчуждения граждан.

3. Механизм народного контроля, предполагающий широкое участие граждан в политическом процессе, что обеспечивает эффективный контроль за должностными лицами, предотвращает злоупотребление властью, отрыв депутатов от народа, бюрократизацию чиновничества.

Рассматривая теоретические модели народовластия, стоит также обратить внимание на так называемый евразийский тип демократии, в которой заложена своя специфическая и определенная модель народовластия. Отметим, что данная теоретическая парадигма демократии на современном этапе только разрабатывается как отечественными, так и российскими учеными в рамках идеи евразийства. Поэтому сразу отметим, что механизмы народовластия в рамках теоретической концепции евразийской демократии только формируются и определяются. Прежде чем рассмотреть современную модель народовластия внутри евразийского типа демократии, стоит обратить внимание на истоки ее зарождения.

В политической истории Республики Казахстан можно условно выделить т. н. родовой, либеральный и социалистический типы демократии. Эти модели значимы для нас не столько в качестве образца для подражания, сколько как логическая конструкция проблемы и ее решения, которая может быть воспроизведена в странах Евразийского экономического союза при качественно ином содержательном наполнении [51]. Когда мы говорим о евразийской модели демократии для Казахстана, то руководствуемся не буквой, а духом евразийства и подразумеваем особенное содержательное “наполнение” модернизации республики после обретения ею независимости и суверенитета [51].

Изучение политико-правовой истории Казахстана, обращение к политической мысли Арабского Востока также необходимо для раскрытия сущности модели народовластия внутри евразийского типа демократии. Кроме того, в контексте нашего исследования нужно ответить на такие вопросы: были ли исторические формы народовластия у тюркских народов, в частности у казахов, имеются ли теоретические наработки и модели народовластия у восточных мыслителей? Обращение к политико-правовой истории Казахстана разъясняет многие малоизученные вопросы государственности и управления. Это является немаловажным фактором в осмыслении перспективы современных демократических политических реформ, имеющих в основе идею построения правового государства в Казахстане. Эта мысль отмечена и в “Концепции формирования государственной идентичности Республики Казахстан”: “...К модели

прежней казахской государственности следует относиться не только как к историческому наследию и предмету историко-правовых исследований, но и как источнику позитивного опыта”.

Для выявления присутствия идеи народовластия в политической истории казахского общества стоит обратить внимание на отдельные факты общей истории тюркских народов. Древние кочевые демократические традиции тюрков и ограничение единоначалия властителя племенным разнообразием являются свидетельством наличия элементов народовластия. Первые государственные образования на территории Казахстана свидетельствуют о наличии своеобразной концепции народовластия. Например, военная демократия усуней и кангюев, где во главе государства усуней стоял правитель (гуньмо), который управлял достаточно независимыми родственными племенами, во главе которых стояли вожди (беки). Вождей племен выбирал и поддерживал народ, который никогда не был ничьим подчиненным и был единственным гарантом военной демократии, стоящей на страже прав и достоинства каждого кочевника. Государственное устройство было аналогично усуньскому. В данном случае важен сам факт существования древнего тюркского объединения в форме военной демократии как способе оптимального государственного образования, позволившего выжить и сохранить свою независимость [52]. Общественно-политический строй и право одного из древнетюркских государств на территории Казахстана в раннее средневековье (VI–XII вв.) Тюркского каганата также обращает на себя внимание в плане присутствия идеи народовластия. В этом государстве власть кагана была ограничена относительной независимостью кочевых родов и племен, поэтому каган выступал скорее в роли координатора и стратега, чем диктатора. Авторитет его зависел от умения найти общий язык с вождями племен. Тюркские юридические документы X–XIX веков свидетельствуют о присутствии идеи народовластия. Это подтверждается тем, что на памятниках встречаются такие выражения, как “Речь мою полностью выслушайте (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные...”; “смотря на него (т. е. памятник), знайте вы (т. е. учитесь), славные тюркские начальники и народ...”. Таким образом, составители памятника рассчитывали на массового читателя-тюрка [53]. Известно, что и многие правители-каганы призывали к возрождению единства власти и народа. Например, Бильге-каган, рассказывая о своих предках, говорит, что “они были мудрые каганы, они были мужественнее каганы, и их “приказные” были мудры, были мужественны, и их правители и народ были верны кагану. Поэтому-то они столь долго держали в своей власти племенной союз и, держа его в своей власти, творили суд” [54]. Кошо-Цамдайские каменные стелы являются не только источниками по политической истории древних тюрков, но и своеобразным идеологическим памятником времен Второго Тюркского каганата.

В конце первого – начале второго тысячелетия нашей эры центральноазиатский регион дал миру ряд выдающихся деятелей человечества, таких как Абу ан-Наср аль-Фараби (870–950 гг.), Абу Али ибн Сина (Авиценна, 980–1037 гг.), Юсуф Баласагуни, Махмуд Кашгари. В их политических воззрениях прослеживается определенное наличие элементов идеи народовластия.

Аль-Фараби является автором ряда социальных и политико-правовых исследований: “Трактат о взглядах жителей добродетельного города”, “Гражданская политика”, “Афоризмы государственного деятеля”.

Рассуждая об искусстве верховной власти, аль-Фараби полагал, что первый правитель не является наследственным, а должен выдвинуться своими совершенными интеллектуальными и духовными качествами, тот, кто “соединит в себе двенадцать врожденных природных качеств”. Говоря об идеальном правителе, аль-Фараби предлагает коллективный образ правления, в котором каждый руководитель обладает хотя бы одним из перечисленных им качеств. Только такая “команда” может разумно управлять городом (государством). Если в действиях “команды” отсутствует мудрость, то жители должны придерживаться законов и правил, установленных предыдущими правителями либо приставить к главе города мудреца. Эти требования мыслителя к образу правления государством свидетельствуют о демократичности его государственно-правовых воззрений, о внимательном отношении к опыту прошлого, в том числе и законодательной практике управлявших ранее государей [55]. В XI веке практически одновременно появились два величайших произведения средневековья, написанные на общетюркском языке в Кашгаре: “Кутадгу билик” (“Благодатное знание”) Юсуфа Баласагуни и “Дивану лугат ит-тюрк” (Словарь тюркских наречий) Махмуда Кашгари. Эти произведения носят энциклопедический характер. Основное внимание в “Кутадгу билик” уделено проблемам государственного управления, идеологии, личных качеств правителей. Поэма Юсуфа Баласагуни посвящена одной из самых важных проблем общественно-политической жизни развивающегося тюркского мира – науке управлять государством. В ней ставятся вопросы: какими должны быть взаимоотношения между правителем и государством, простым народом, между придворными. В этой средневековой поэме встречаются четко сформулированные идеи построения правового государства, в котором основную роль должен играть закон, а не прихоть начальников. “Давай народу правильные законы; выбирай одно перед другим; хорошенько смотри это!”. При этом государственному деятелю наградой будет не материальное поощрение, а духовное – доброе имя, сохраненное народом. Баласагуни откровенно призывает всех руководителей стать “слугами народа”: “Лучший из людей – это носитель тягот народа...” [56]. О наличии элементов народовластия в рамках военной степной демократии, по мнению казахстанских исследователей, свидетельствует и такой институт, как выборы хана. Например, Мамет-мурза Тевкелев, дипломат, выступавший на

правах российского посла в казахской степи в 1730–1740 гг., писал: “У киргизов-кайсаков... ханом становятся не путем передачи власти по наследству, а только путем выборов” [57]. Другой российский государственный деятель того времени, Оренбургский генерал-губернатор И. Неплюев, в официальном донесении на имя Коллегии иностранных дел России от 26 августа 1748 г. писал: “По установившейся традиции у киргиз-кайсаков представители древней ханско-султанской династии могут стать ханами не путем наследования, а только в результате выбора правящей аристократии и народом, а сила власти и авторитет хана зависят не от его собственно титула и звания, а от того, в какой степени он действует и мыслит в интересах своего народа” [58]. Однако, по мнению казахстанского ученого Б. А. Майлыбаева, специфика выборности хана в казахской степи (даже в последние годы существования института ханской власти, т. е. в первой половине XIX в.) заключалась в том, что выборы представляли собой всего лишь ритуал легитимации общенародного политического лидера, а не полноценную процедуру формирования ханской власти. Процедура избрания представляет собой ритуал, торжественную церемонию, по “сценарию” которой народу отведена роль “одобряющего” субъекта, выражающего традиционную поддержку “официальной” кандидатуре [59]. В целом, Б.А. Майлыбаев, выделяя черты выборов хана в условиях военной, степной демократии, отмечает “элитарно-демократический способ легитимации ханского мандата (избрание хана военно-феодальной и духовно-культурной элитой при традиционном одобрении народа и историческую ответственность, которую несет хан перед всем народом, а не только перед непосредственными выборщиками из элиты [60]. Уже в Средние века в Казахстане имело место разделение ветвей власти, хотя они и были сосредоточены в одних руках. Бий выполнял три функции – был родоначальником, судьей и представителем административной власти на местах [61]. В рамках этой родовой демократической формы правления верховная власть хана частично делегируется султанам и родоплеменным старейшинам, а наиболее важные государственные проблемы рассматривались коллективно в степи. Такая форма демократии способствовала становлению нравственности, политической и правовой культуры народа, его гражданских качеств [62]. Курултай старейшин – биев, или “народное собрание”, представлял из себя своеобразный институт народовластия со своей демократической традицией. С конца века Совет биев становится постоянным органом власти.

Судебная власть, которая принадлежала биям, была ведущей формой власти в системе управления. Бии представляли собой интеллектуальную и правящую элиту казахского народа с древнейших времен. Судьи располагали большими правами в толковании норм, обосновании и вынесении решений, а также определении методов и форм приведения этих решений в исполнение. В руках биев была фактическая власть [63].

До появления Российского законодательства бии никем не утверждались и избирались самим народом. Единственным их достоинством были, по мнению д' Анре, "природный ум, особые душевные качества с присоединением к тому опытности и примерной ответственности" [64]. Это мнение подтверждает Л.Ф. Баллюзек: "Бий – судья, который вместе с природным умом и даром красноречия соединяет в себе глубокие познания в коренных обычаях народа и в исторических о нем преданиях. Бий – живая летопись народа, юрист или законовед" [64]. До середины XIX века демократические тенденции казахского правосудия еще противостояли нововведениям царского правительства. С 1886 года должности биев объявлены выборными, с последующим утверждением государственной властью. Выбор биев производился одновременно с выбором волостных управителей, одними и теми же избирателями, на тот же срок и тем же порядком. Султаны и ходжи стояли над народом, бий же жил в самой его гуще, регулируя и внутренние, и внешние дела коллектива. Бий выражал интересы рода, нескольких родов, племени, реже – жуза и в исключительных случаях – всего казахского народа, как это проявилось в деятельности известных Толе-би, Казыбек-би, Айтеке-би. Суд и расправа опирались на народные обычаи и народное мнение, даже тогда, когда ханская власть была высшей административной и судебной инстанцией при сильных и деспотичных ханах, таких как Тауке, Абылай, Жангир, Кенесары.

Важность народных обычаев для казахского судопроизводства подчеркивали исследователи XIX века. Так, губернатор Тургайской области Л.Ф. Баллюзек в 1871 году писал: "Они (бии) создали своего рода законодательство в так называемых народных обычаях, которые, можно сказать, весьма удовлетворительны, и не лишены справедливых оснований, по крайней мере в применении их к условиям и потребностям киргизской жизни". "Древние казахские народные обычаи служат почти главным основанием всего суда, какою бы важностью облечен тот суд не был", – также отмечает исследователь д' Анре [65]. Демократические процедуры выступали в качестве общественно-политических регуляторов при решении различных проблем. Важную роль в качестве таких регуляторов сыграли законодательства ханов Касыма (Қасым ханның қасқа жолы – Ясное право Касыма), Хакк Назара (Ақ жол), Есим (Ишим) хана (Ескі жолы), Тауке – хана (Жеті жарғы) [66]. В этих законодательных документах определены основные обязанности отдельных людей и родов в общественной жизни государства. В известной мере они выражают основы т. н. родового "демократизма". Законоуложения были разработаны для защиты экономических и политических интересов казахской феодальной знати, частной собственности и сохранения патриархальных устоев общества. Вместе с тем, в них можно усмотреть элементы административного, уголовного и гражданского права. Демократический дух этих норм выражался в том, что свободы человека и его имущественные права защищались институтом биев.

Для казахского общества XVIII и XIX веков наиболее авторитетным юридическим памятником было Уложение хана Тауке “Жеті жарғы”. По инициативе Тауке хана (1680–1718) знаменитые бии, такие как Толе Алибек-улы (1663–1756), Казыбек Кельдыбек-улы (1667–1763) и др. составили свод законов “Жеті жарғы”. В области государственного управления постановления хана Тауке как дополнение к Уложению были выдержаны в духе военной демократии: “Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в середине степи, для рассуждения о делах народных” [67]. Таким образом, в силе была норма Уложения хана Тауке, ограничивающая ханскую власть. По мнению исследователей, вышеназванная своеобразная форма ежегодного собрания представителей всего казахского народа аналогична функциям современного Парламента в странах с парламентской формой правления [68]. В целом древние демократические традиции кочевого общества были достаточно устойчивыми и уступали место единовластию только в переломные для народа и государства периоды.

Казахское обычное право в различных регионах Казахстана в основе было единым. Это единство обеспечивалось общим законодательным ядром – Уложением хана Тауке, составленным в начале XVIII века на основе древних казахских законов. Данное законодательство играло роль образца, Основного закона (Конституции), без знания которого невозможно было стать бием. Опираясь на “Жеті жарғы”, народные обычаи и судебную практику прошлых времен, бии создали систему права, вполне отвечающую требованиям казахского кочевого общества. Суд был доступным, гласным и справедливым.

Главными идеологами казахских ханов, начиная с образования независимого государства, были жырау, которые обращались к устному народному творчеству и сами были создателями знаменитых произведений. Как отмечает видный исследователь творчества жырау М. Магауин, доминирующую роль в духовной жизни казахского народа играли жырау: Асан Кайгы, Доспамбет, Шалкииз, Ақтамберды, Бухар и др. Жырау – наиболее древний тип поэта в казахской поэзии. В условиях кочевой жизни жырау исполняли также множество общественных функций. Многие жырау, жившие в XV–XVIII веках, были не только поэтами, но и вождями племен, улусов, племенных дружин. Философы-жырау затрагивали важные общественные проблемы. Большое место в творчестве жырау занимали стихи-посвящения, адресованные обычно определенному властителю. В них восхвалялись или порицались его действия, предлагались советы, высказывались пожелания от имени народа и в интересах народа. Таким образом, жырау в казахском обществе выступал в качестве механизма народовластия.

Кроме того, ислам, который к тому времени начали исповедовать казахи, в известной степени тоже оказал влияние на становление демократических традиций народа. Суфизм и хадисы учили, что права

человека должны быть гарантированы. Особые права мусульманина на равенство, свободу, участие в государственных делах, правосудие, образование и др. чуть ли не полностью идентичны основным положениям Всеобщей декларации прав человека.

Идея народовластия нашла свое отражение и развитие в правовых и политических взглядах казахских просветителей.

Ориентации на общечеловеческие и демократические ценности казахского народа придавали большое значение выдающиеся отечественные просветители. Казахстанский исследователь М.С. Орынбеков замечает, что Абай как вершина казахского Просвещения выступил с великим призывом к людям: “Адам бол”! (Будь, стань человеком!). И в этом он созвучен с великими гуманистами Востока, которые тоже боролись за права и свободы человека, его достойное существование [69]. Рассматривая причину разрозненности казахов, их неприязни и недоброжелательности друг другу, Абай приходит к выводу, что такое положение дел вызвано рядом обстоятельств. Он считает, что во времена ханов, батыров и жырау в казахском обществе не было места безнравственности и пороку, так как не существовали основания для зависти, подлости и лицемерия. Недостойных людей не приглашали даже на аульные советы, не говоря уже о больших межродовых сборах. Каждый знал свое дело и главным ориентиром для него были интересы народа [70].

Казахский просветитель **Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865)** в своих трудах, таких как “Записка о судебной реформе”, “О мусульманстве в степи” и др. рассматривал проблемы политико-правовой жизни и истории Центральноазиатского региона. В частности, Валиханов открыто выступал и приводил весомые аргументы за сохранение традиционного народного суда биев. Просветитель отстаивал сохранение традиционной формы древнего казахского судопроизводства без всяких изменений и дополнений.

В 1862 году Ч. Валиханов отмечал, что “40-летнее русское владычество... не имело никакого влияния на древний киргизский суд биев... ясно, что он вполне удовлетворяет настоящему развитию киргизского народа. Удовлетворительность суда биев самым блистательным образом доказывается официальными источниками, именно незначительность жалоб на первоначальное решение биев. Русские истцы или русские ответчики во многих случаях предпочитают суд биев русскому следствию...” [71].

Необходимо ограничивать власть народным мнением, считал Ч. Валиханов. Под “общественным положением и значением” просветитель подразумевал не что иное как степень обладания политической властью тем или иным сословием. Неслучайно, что Валиханов выступал за расширение демократических прав народа с целью облегчения его тяжелого материального положения. Ограничение политической власти господствующих сословий Ч. Валиханов рассматривал как необходимое условие народного развития.

Эти демократические, гуманистические идеи получили последующее развитие в программе партии Алаш. Программа либерально-демократических преобразований была призвана объединить казахский народ, поднять его на борьбу за национальную независимость и рыночную экономику. На Общекиргизском съезде (Оренбург, 5–13 декабря 1917 г.) были рассмотрены вопросы о создании политической партии, отмены частной собственности на землю, отделения церкви от государства, автономии казахов, свободы совести, слова, печати, равенства граждан перед законом и др. В первом пункте программы партии Алаш было записано: “Россия должна стать демократической федеративной республикой. Каждое отдельное государство в федеративной республике автономно и управляется само собой на одинаковых правах. Во главе правительства стоит Учредительное Собрание, в промежутках – президент, избираемый Учредительным собранием и государственной Думой. Законодательная власть сосредоточена в руках только государственной Думы, которой принадлежит право контроля над правительством. Правом выбора пользуются все без различия происхождения, вероисповедания и пола. Выборы депутатов производятся прямым, равным и тайным голосованием [72]. Программа партии Алаш не могла быть реализована в условиях советской власти. В известной степени после обретения независимости республикой основные идеи программы партии Алаш о демократических преобразованиях практически реализованы, кроме функции контроля за исполнением Правительством бюджета со стороны парламента.

Демократические преобразования в казахстанском обществе имеют свои специфические особенности. Эти особенности во многом обусловлены менталитетом народа, его традициями, идущими из прошлого.

А.Н. Нысанбаев замечает, что в целях повышения успешности демократических преобразований и утверждения приоритета прав и свобод человека в нашей стране представляется целесообразным учет цивилизационных традиций и менталитета казахского народа, имеющего богатый опыт оригинальной кочевнической демократии, уважения и эффективной охраны личных и коллективных прав. Из этого, по его мнению, следует упор на активизацию исторического сознания народа, творческое сочетание собственного и мирового опыта защиты прав и свобод человека в процессе формирования демократических институтов казахстанского гражданского общества [73]. **В Год общенационального согласия первый Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в книге *My life, my times and the future* (Моя жизнь, мое время и будущее), вышедшей в свет в 1998 году и предназначенной для западных читателей, подчеркнул, что “наша модель должна отражать конвергенцию разных моделей общественного развития” [74].** И в этом смысле казахстанская модель неизбежно интегрирует в себя западные и восточные ценности. Западные – либерализм, плюрализм мнений, индивидуализм, упор на права личности и

восточные – коллективизм, главенство семьи, направляющую функцию государства и другие нормы традиционного общества [75]. Демократические формы получили развитие и относительную стабильность в тех странах, которые пытались выработать собственную систему демократии, которая учитывала задачи сочетания политического, социального и экономического прогресса, все аспекты эволюции демократических теорий, практического опыта развития институтов демократии, национальной самобытности в укладе жизни... Казахстанская демократия должна быть самобытной, но учитывающей базовые идеи и принципы либеральной демократии [76].

Стоит обратить внимание и на существование ряда теоретических конструкций демократии, в которых сложно выявить определенные модели народовластия, поскольку непосредственная роль народа сведена к минимуму. Мы выявляем только лишь механизм представительности внутри таких форм демократии, как плюралистическая, элитарная и согласительная.

Плюралистическая теория (Г. Ласки, Д. Труман, Е. Фраенкель, Р. Даль) рассматривает демократию как результат компромисса между различными силами в обществе.

Основные положения плюралистической теории демократии могут быть сведены к следующему:

1) Главным субъектом политики является не весь народ в целом, а различные социальные группы, так как именно в их рамках формируется политическое сознание и именно через них происходит участие индивида в политике;

2) Сущность политики – борьба различных групп за власть; при этом ни одна из них не может завладеть ею полностью, что делает необходимыми компромиссы;

3) Демократия – не власть народного большинства, а результат баланса сил или соглашения групп по формированию власти и выработке политики;

4) Минусы плюралистической теории демократии состоят в том, что она не принимает во внимание того факта, что в современных странах Запада к заинтересованным группам (которые она считает субъектом политики) относится не более 1/3 населения, а степень влияния различных групп на власть и жизнь общества неодинакова: среди них есть более сильные и более слабые.

Учсть эти вышеназванные минусы плюралистической теории стремится т. н. репрезентативная, или представительная, теория демократии. Одним из наиболее известных ее представителей является известный немецкий социолог Р. Дарендорф, классик такого значительного направления в социологии, как конфликтология; последняя изучает конфликты, возникающие в современном обществе.

С точки зрения Р. Дарендорфа, демократия — это не правление народа, так как такого в полном смысле слова никогда не было и не может быть, поскольку весь народ не может править и принимать решения. Поэтому демократию можно определить как правительство, избираемое и смещаемое

народом и проводящее от его имени определенный курс. Главным же воплощением такой представительной демократии является парламентаризм, т. е. система правления с сильным парламентом и ответственным перед ним правительством.

К этой теории близка, по сути, **элитарная теория демократии**, рассматривающая ее как борьбу за власть элитных групп, выражающих разнообразные социальные интересы. Так, в частности, понимали демократию выдающийся немецкий социолог М. Вебер и известный американский экономист и социолог Й. Шумпетер. С точки зрения данного подхода, цель демократии – не упразднение института элиты (это бессмысленно и опасно), а выдвижение в нее наиболее ответственных и компетентных деятелей, представляющих интересы общества. Но тогда получается, что демократия — это форма аристократии (т. е. правление немногих). Но в чем же тогда суть самой демократии? Совершенно очевидно и понятно, что пока сохраняется демократия, чьи идеалы и интересы не могут быть реализованы полностью. Реалистично говорить лишь о том, что чьи-то идеалы и интересы осуществляются до некоторой степени — согласно итогам (периодически ревизуемым) торгов и компромиссов. Разница в мерах реализации идеалов и интересов тех или иных групп, конечно, важна политически. Но еще важнее – понять, чьи именно идеалы и интересы воплощаются в жизнь хотя бы частично. Один голос в массовой демократии не значит ничего и не оказывает никакого влияния на власть. Влияние могут иметь блоки голосов, и чем больше их вес, тем полнее осуществляются идеалы и интересы соответствующих групп.

Теория со-общественной, или согласительной, или сонсоциативной, демократии была основана на концепции многосоставного общества, в котором политические противоречия в целом совпадают с границами социальных различий: имущественных, территориальных, языковых, культурных, религиозных, расовых и прочих. Общественно-политические организации в таком типе демократии формируются в зависимости от принципов многомерности общества и представляют различные интересы всех сегментов общества.

В дальнейшем А. Лейпхарт разработал теоретические разработки демократии и определил, что для фрагментарных обществ наилучшей моделью демократии является сонсоциативная (со-общественная, или согласительная). Понятие “демократия социального согласия” (consociational democracy) родилось непосредственно из практики сравнения.

По мнению теоретиков согласительной демократии именно общественно-политические организации, в которых представлены различные сегменты общества, сосредотачивают в себе многие политические противоречия общества в целом. Механизмом разрешения политических противоречий является открытость элит. При этом урегулирование конфликтов осуществляется при помощи процедуры согласования взаимоприемлемых решений, а также при помощи социального консенсуса

[77]. Липгарт предложил новую типологию общества, основанную на перекрестном взаимодействии (crossing) двух дихотомий: однородной и фрагментированной политических культур и соперничества и согласительного поведения элит, находящем свое выражение в четырех типах демократии: центростремительной, центробежной, демократии социального согласия и деполитизированной демократии (depoliticized) [78]. Каждое общество является по своей природе культурно неоднородным, гетерогенным. Но эта неоднородность не является всюду одинаковой.

Отличительной особенностью демократии социального согласия являются вертикальные связи, объединяющие массы с элитой внутри каждой субкультуры. Следствием такой взаимной непроницаемости субкультур является внутренняя спаянность каждого вертикального сегмента под эгидой единой элиты. И действительно, одни и те же лица стоят во главе различных политических, религиозных, культурных или экономических организаций в каждой общине. Так, для Нидерландов Липгарту удалось определить сравнительно небольшое число так называемых “элит” — всего 4, занимающих стратегические позиции в каждом из четырех основных блоков. Такая же концентрация власти наблюдается и в Австрии, и в меньшей степени в Бельгии, где языковые различия не совпадают с расслоением по религиозному признаку. В Швейцарии с ее четко выраженной децентрализацией власти элитарные слои распределены по многим центрам. Но при более скрупулезном исследовании общественной структуры оказалось бы, что “за ее кулисами” власть сосредоточена в руках очень немногочисленных социальных “актеров”. По оценке Крайси, всего 60 организаций и 27 человек составляют то самое ядро, которое определяет принятие политических решений в Швейцарии [78].

В сегментированной по вертикали политической системе хорошо организованная элита неизбежно существует в каждом социальном сегменте и в каждом лагере сторонники демонстрируют преданность своим лидерам. В силу этого демократия социального согласия является по своему существу более элитной, нежели “демократия соперничества”. Лидеры общин не пользовались бы достаточным авторитетом в процессе переговоров друг с другом, если бы их лидерство было поставлено под сомнение в их собственном лагере. Эта преобладающая позиция преданности, основанной на доверии, находит свое выражение в результатах выборов. В самом деле, устойчивость позиций избирателей до недавнего времени являлась общим правилом в европейских демократиях социального согласия [78]. Институционализация соглашения путем переговоров между элитами различных блоков является третьей отличительной особенностью демократии такого типа. Конечно, элиты повсюду в своих действиях следуют определенным правилам, но в условиях “демократии социального согласия” этот феномен является еще более выраженным. Он связан с процессом агрегирования интересов. Внутри каждого лагеря выражение интересов осуществляется очень четко и успешно. Но если ни один из лагерей не в

состоянии получить заметного преимущества в обществе, агрегирование интересов должно происходить путем достижения согласия между элитами. Чем более значимым и спорным является рассматриваемый вопрос, тем выше уровень, на котором может быть достигнут компромисс. В отличие от “демократии соперничества” (competitive democracy), которая построена на мажоритарной основе, демократия социального согласия утверждает принцип пропорционального представительства. Каждый лагерь представлен в различных институтах общества пропорционально количеству поданных за него голосов. Но, как подчеркивает Липгарт, принцип пропорциональности оказывается неэффективным, как только решения, которые должны быть приняты, оказываются дихотомическими по своей природе в случае, когда нужно сделать выбор, т. е. сказать да или нет. В тех случаях, когда единодушие не может быть достигнуто в парламенте или других институтах власти, рекомендуются две следующие стратегии [78].

Для установления и поддержания демократии социального согласия необходимо соблюдение ряда условий. Прежде всего, должно существовать определенное равновесие между различными субкультурами. Если в условиях фрагментированного общества различные субкультуры обладают сравнимой значимостью, то тенденция к сотрудничеству между ними здесь проявится сильнее, чем в обществе, где преобладающей является одна субкультура. Другим фактором, благоприятствующим установлению демократии социального согласия, является существование границ между различными субкультурами. Их четкое разделение имеет своим преимуществом ограничение контактов между ними, а, следовательно, и антагонизмов и поводов для конфликтов [78].

Кроме пропорционального представительства три аспекта демократии такого типа заслуживают особого внимания: принцип создания больших коалиций, право вето и относительная автономия субкультур. Рассматривая теорию коалиций, выдвинутую У. Райкером, Липгарт подчеркивает необходимость интегрирования возможно большего числа субкультур в одну политическую игру.

Слишком частое использование права вето могло бы привести к нерешаемости проблем. Чтобы не допустить паралича принятия решений, демократией социального согласия обеспечивается большая автономия субкультур в тех сферах, которые непосредственно затрагивают их интересы. Эта автономия может выступить в форме федерализма, если ее допускает социальная атмосфера в стране. Но автономия может быть предоставлена даже и в случае, если субкультуры перекрываются географически, например, путем пропорционального перераспределения государственных ассигнований для приходских школ. Власть формируется на основе коалиции, при этом коалиция должна быть относительно ограничена. Именно это предполагает существование демократической оппозиции. При наличии широкой коалиции интересы различных групп реализуются возможностью взаимного вето на принимаемое решение. Осуществляется

механизм отстаивания интересов меньшинства при их игнорировании коалиции большинства. Одной из особенностей согласительной демократии является принцип автономности политических субъектов. Негативной стороной согласительной демократии является искусственное завышение представительства малых групп в структуре общества. По мнению теоретиков согласительной демократии именно завышение представительства малых групп позволяет более эффективно отстаивать их интересы.

Выделим недостатки теории согласительной демократии:

1. Взаимное вето может стать препятствием в процессе принятия политических решений, так как механизм разрешения противоречий потенциально опасен возникновением неразрешимого противоречия.

2. Система согласительной демократии выступает чрезмерно громоздкой, плохо управляемой и весьма дорогостоящей.

3. Возможно затягивание принятия невыгодного широкой коалиции большинства решения, предложенного коалицией меньшинства за счет использования процедурных возможностей.

На основании всего сказанного можно сказать, что демократия представляет собой весьма сложный и хрупкий политический механизм, социальное благо, по-настоящему доступное лишь богатым, стабильным и цивилизованным странам. Путь к ней для большинства остальных неизбежно будет весьма сложным и долговременным.

Таким образом, в коллективистской группе демократии (родовая демократия, афинская (античная) демократия, коллективистская демократия, социалистическая демократия, плебисцитарная (мандатная, или партийная) и делегируемая демократия и партиципаторная) более всего сформулированы и определены различные модели народовластия, которым присущи определенные механизмы и институты народовластия.

Реально полезна для общества только эффективная, устойчивая и работающая демократия. А для того чтобы она была таковой, необходимо выполнение целого ряда условий. **Общими же предпосылками эффективной демократии, по распространенному среди политологов мнению, являются следующие:**

1) Высокий уровень индустриального и экономического развития страны в целом – мировой опыт показывает, что демократия и слабо развитость несовместимы;

2) Вторая вытекающая из этого предпосылка – наличие высокого уровня благосостояния, т. к. резко разделенное по имущественному признаку общество будет не стабильно демократичным, а конфликтным и неустойчивым;

Вполне очевидна и обратная закономерность. Так, например, по результатам исследований международной организации “Фридом хауз”, из 25 наиболее богатых стран мира демократическими не являются только Гонконг и Сингапур. Следует сказать, что к богатым авторы проекта относят

страны, где средняя продолжительность жизни составляет не менее 74 лет, производство валового национального продукта (ВНП) – не менее 20–30 % от уровня США, а годовой доход на душу населения – не менее 2 тысяч долларов в год.

Объясняется все достаточно просто: богатые страны — это стабильные страны, где есть возможность для перераспределения социальных благ в пользу ущемленных групп и сглаживания общественных противоречий.

3) Высокий уровень урбанизации (развития городов и городской среды) – очевидно, что жители городов больше тяготеют и лучше приспособлены к демократии, нежели более консервативное сельское население;

4) Развитие массовых коммуникаций – т. е. распространение в обществе радио, газет и телевидения – именно они информируют граждан о политических событиях, делая политику сравнительно открытой и подконтрольной обществу;

5) Рыночная экономика, основанная на праве частной собственности и свободной конкуренции. Общеизвестно: в мировой истории нет примера демократических государств с нерыночной (т. е. планово-государственной) экономикой. Объяснение этого явления достаточно очевидно: именно экономическая конкуренция препятствует абсолютной концентрации политической и экономической власти в руках узкой группы лиц, гарантирует индивиду гражданские и политические свободы.

6) Наличие многочисленного и влиятельного среднего класса – т. е. экономически самостоятельных (имеющих независимый от государства источник дохода) и достаточно состоятельных людей, обладающих определенным уровнем дохода, образования и политической культуры. Представители среднего класса в гораздо большей степени, чем богатейшие слои (олигархи) и неимущие (люмпены), заинтересованы в стабильной и устойчивой демократии, т. к. именно она гарантирует политическую стабильность, неприкосновенность индивидуальной свободы и частной собственности;

7) Наличие определенного уровня гражданской политической культуры, в которой сознательная и высокая политическая активность личности сочетается с подчинением закону и воле большинства (т. е. демократия — это не только умение и желание бороться за свои права, но и подчинение определенным правилам). Важными признаками такой личности являются развитое правосознание, стремление к социальному согласию и решению спорных вопросов путем нахождения компромисса.

“Какие факторы и условия, какие политические (и социальные) институты и структуры делают ту или иную систему демократической? Иными словами, достаточно ли для возникновения демократии лишь формальных демократических процедур? Достаточно ли внешних признаков электоральной демократии (прежде всего политической конкуренции разных кандидатов и определения ее исхода по результатам тайных и относительно свободных выборов) для становления демократии как таковой? Что еще

нужно для того, чтобы вновь формирующееся политическое устройство развивалось в сторону демократии? В этом состоит одна из центральных проблем транзитологии как раздела политической компаративистики, который занимается вопросами перехода к демократии и ее консолидации. Причем на протяжении последних десятилетий, начиная с 1970-х гг., в транзитологии произошла как бы смена концептуальных парадигм – от акцента на социально-экономических и культурно-ценностных предпосылках и условиях демократии (Растоу, Липсет, Хангтингтон) к подчеркиванию роли формальных демократических процедур и конкретных шагов, последовательности действий самих участников политического процесса (Г. О’Доннелл, Х. Линц, А. Штепан, Ф. Шмиттер, Т. Карл, А. Пшеворский).

Происшедшая в транзитологии смена парадигм переносит акцент с предпосылок и условий демократии на сам процесс ее “творения”.

Отсюда – подчеркиваемая важность для становления демократии, прежде всего формальных демократических институтов и процедур (определенность демократических процедур при неопределенности их конечных результатов). Речь идет в первую очередь об обеспечении функционирования формальных институтов многопартийности, выборности президента и парламента, периодической проверке мандата на власть, возможности массового волеизъявления и т. д. [79]. **Отсюда вытекает первостепенная необходимость политологического исследования таких институтов, как выборы, референдум, парламентаризм и местное самоуправление, в рамках нашего исследования выступающих в качестве институтов народовластия.**

Контрольные вопросы

1. Назовите минимальный набор демократических институтов.
2. Какие на сегодняшний день в современной политической науке существуют основные подходы к определению сущности демократии.
3. Назовите семь основных институтов на которые опирается современная развитая демократия.
4. Определите основные исторические формы демократии.

Тестовые вопросы

1. Плюрализм – это ...
 - A) терпимость к другим
 - B) конкуренция идей и программ
 - C) единство взглядов
 - D) ненасилие
2. Основной принцип правового демократического государства:
 - A) многопартийность

В) защита государственных интересов

С) активная внешняя политика

Д) верховенство закона

3. Разделение властей при демократии имеет целью:

А) повысить эффективность работы правительства

В) предотвратить возможность сосредоточения власти в руках отдельной личности или группы лиц

С) упростить процесс принятия законов

Д) сделать центральную власть более сильной, чем местная

4. Какой действует принцип, предотвращающий тиранию большинства?

А) принцип большинства

В) гласность

С) уважение прав меньшинства

Д) плюрализм

Использованная литература

1. Lively J. Democracy. Oxford 1985, Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Part 1: The Classical Issues. Chatham, 1987.
2. Профессор политической науки Университета Осло Ян-Эрик Лэйн. Демократия и конституционализм. – Полис, 1998, № 6. – С. 32–50.
3. Kelly J.S. Social Choice Theory. Berlin, 1986.
4. Ян-Эрик Лэйн. Демократия и конституционализм /. – Полис, 1998, № 6. – С. 32–50 с., (с. 34).
5. Там же. – С. 47.
6. Там же. – С. 48.
7. Попер Карл Раймунд. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона. Пер. с англ. Под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992. – 448 с., (с. 7.).
8. Там же. – С.148–149.
9. Там же. – Т. 2, с. 156.
10. Там же. – Т.2, с. 177.
11. Что такое демократия // Информационное агентство Соединенных Штатов Америки. – Октябрь, 1991. – С. 31 (6).
12. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с., (с. 9).
13. Там же. – С. 21.
14. Там же. – С. 85–86.
15. Там же. – С. 48.
16. Там же. – С. 49–50.
17. Там же. – С. 76.
18. Майоров А. В. О составе участников древнерусского вече // Петербургские чтения – 96. Материалы энциклопедической библиотеки “Санкт-Петербург – 2003”. – СПб, 1996.
19. Елчев В.А., Васецкий Н.А., Краснов Ю. К. Парламентаризм и народное представительство в России: история и современность. – М., 2001. – С. 21.
20. Бигунов Ю.К., Лукашев А. В., Понеделко А.В. Тринадцать теорий демократии. – Издательский дом “Бизнес-Пресса”, СПб, 2002. – С. 240, (с. 34).
21. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. – М., 1956. – С. 185.
22. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с., (с. 108).
23. Там же. – С.112.
24. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. – М., 1970. – Т. 1. – С. 313–314.
25. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. 2-е изд. Т.1. – С. 251.

26. Там же. – С. 66.
27. Там же. – С. 244.
28. там же. – Т. 36., с. 369.
29. Попер Карл Раймунд. Открытое общество и его враги. – Т. 2. Пер. с англ. Под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992. – С. 138.
30. Там же. – С. 140–141.
31. Там же. – С. 143.
32. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. – Т. 33, с. 100.
33. Там же. – С. 339.
34. Там же. – Т. 31, с. 188.
35. Там же. – Т. 37, с. 500.
36. А. Тарасов. Суперэтатизм и социализм // Свободная мысль. – № 12. – 1996. – С. 86–95, (с. 87).
37. Д. А. Керимов, Г. В. Мальцев, И.П. Ильинский. Демократизация советского общества. – М.: “Мысль”. – 1989. – 332 с., (с. 114).
38. Ленин В. И. – Полн. Собр. соч. – Т. 31, с. 188.
39. Материалы XXVII съезда КПСС. – С. 56.
40. Ленин В. И. Полн. Собр. соч. – Т. 35, с. 106.
41. Положение об общих собраниях, сходах граждан по месту их жительства в РСФСР. – Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1985, № 36, ст. 1269.
42. Советское строительство. Под ред. В.А. Пертцик. – 1988. – с. 251, (с. 66–67.).
43. А.Я. Лившин, И. Б. Орлов. Власть и народ: “сигналы с мест” как источник по истории России 1917–1927 годов // Полис. – № 2. – 1999. – с. 94–102, (с. 95– 96).
44. А.Я. Лившин, И. Б. Орлов. Власть и народ: “сигналы с мест” как источник по истории России 1917–1927 годов // Полис. – № 2. – 1999. – с. 94–102, (с. 96).
45. Советское строительство. – Под ред. В.А. Пертцик. – 1988. – С. 251, (с. 53).
46. Советское строительство. – Под ред. В.А. Пертцик. – 1988. – С. 251, (с. 55).
47. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979, № 49, ст. 840.
48. Д. А. Керимов, Г. В. Мальцев, И. П. Ильинский. Демократизация советского общества. – М.: “Мысль”. – 1989. – 332 с., (с. 63).
49. Советское строительство. – Под ред. В.А. Пертцик. – 1988. – С. 251, (с. 79).
50. Мигранян А.М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс / Вопросы философии, 1989, № 6, – С. 148–159, с. 149.
51. Петрова В. Ф. О Евразийской модели демократии // Евразия, 2001. – № 1, 17–23 с., (с.22).

52. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Учебник. Часть 1 (С древнейших времен до 1917 года). – Алматы: Институт “Данекер”, 2002. – 295 с., с. 21.
53. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Учебник. Часть 1 (С древнейших времен до 1917 года). – Алматы: Институт “Данекер”, 2002. – 295 с., с. 40. (См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951).
54. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Учебник. Часть 1 (С древнейших времен до 1917 года). – Алматы: Институт “Данекер”, 2002. – 295 с., с. 41.
55. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Учебник. Часть 1 (С древнейших времен до 1917 года). – Алматы: Институт “Данекер”, 2002. – 295 с., с. 46.
56. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Учебник. Часть 1 (С древнейших времен до 1917 года). – Алматы: Институт “Данекер”, 2002. – 295 с., с. 50.
57. Магауин М. Азбука казахской истории. – А.: “Казахстан”, 1997 г. – с. 192.
58. Магауин М. Азбука казахской истории. – А.: “Казахстан”, 1997 г. – с. 192.
59. Майлыбаев Б.А. Становление и эволюция института Президента Республики Казахстан: проблемы, тенденции, перспективы (опыт политико-правового исследования): Монография. – Алматы: Изд-во “Арыс”, 2001. – 532 с. (с. 98).
60. Там же. – С. 99.
61. Чжен Кун Фу. Геополитика Казахстана. Между прошлым и будущим. Алматы, 1999, с. 93.
62. Петрова В. Ф. О Евразийской модели демократии // Евразия, 2001. – № 1, 17–23 с., (с. 18–19).
63. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. – 1960, с. 195.
64. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Учебник. Часть 1 (С древнейших времен до 1917 года). – Алматы: Институт “Данекер”, 2002. – 295 с., с. 116.
65. Там же. – С. 118.
66. Абусейтова М. Х. История, политика и дипломатия. Алматы. – 1998, с. 221.
67. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Учебник. Часть 1 (С древнейших времен до 1917 года). – Алматы: Институт “Данекер”, 2002. – 295 с., с. 119.
68. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Учебник. Часть 1 (С древнейших времен до 1917 года). – Алматы: Институт “Данекер”, 2002. – 295 с., с. 138.

69. Орынбеков М.С. Философские воззрения Абая. – Алматы, 1995. – С. 37.
70. Абай. Книга слов. – Алматы. – 1992.
71. Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах, т. 4. – С. 90–91.
72. Алаш-Орда // Сб. документов (Составитель И. Мартыненко). – Алматы, 1992. – С. 88.
73. Нысанбаев А.Н. Проблема защиты прав и свобод человека в политической системе традиционного казахстанского общества // Становление гражданского общества в странах Центральной Азии. – Алматы, 1999. – С. 15.
74. N. Nazarbayev. My life, my times and the future. – p. 59.
75. Ермухамет Ертысбаев. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана: Елорда, 2001. – 576 с. (с. 330).
76. Козлов Г. Я. Демократия в Казахстане: некоторые проблемы становления. – Алматы, 1994. – С. 6.
77. Бигунов Ю.К., Лукашев А.В., Понеделко А.В. Тринадцать теорий демократии. – Издательский дом “Бизнес-Пресса”, СПб, 2002. – С. 240, (с. 66).
78. Дюган. Сравнительная политическая социология. – С. 135.
79. А.Ю. Мельвиль. И вновь об условиях и предпосылках движения к демократии // Полис. – 1997. – № 1. – С. 125–128, (с. 125–126).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и научно-практические рекомендации.

Во-первых, в ходе исторического развития общества выявились три основные формы осуществления народовластия: прямая, непосредственная, представительная реализация прав человека. Но народовластие не было пока еще осмыслено в единстве этих трех форм. Его, как правило, сводили к одной из первых двух, третья же не рассматривалась в полном объеме как форма осуществления народовластия. Однако подлинное народовластие невозможно без диалектического сочетания трех форм своего осуществления с учетом многообразия проявлений каждой из них. При отсутствии любой из этих форм модель народовластия всегда будет ограниченной. Таким образом, разновидностей народовластия может быть столько, сколько возможно различных сочетаний этих трех форм.

Во-вторых, изучив эволюцию развития политической мысли относительно идеи народовластия, мы полагаем, что концепция народовластия включает в себя ряд наиболее важных и неотъемлемых составных элементов и принципов:

- первичным субъектом и носителем власти является народ. Народ – носитель суверенитета и верховный законодатель;

- принцип народного суверенитета – провозглашает народ источником и конечным обладателем всякой власти;

- поскольку главенство принадлежит народу, граждане должны обладать законодательной властью и выражать свою волю на собраниях голосованием;

- народ правомочен делегировать власть государственным и негосударственным институтам, власть которых производна. Отсюда следует, что народ — это реальный субъект власти, а носителями этой власти являются определенные институты. Наличие социальных организаций и институтов, с помощью которых осуществляется принцип народовластия и таким образом осуществляется властная воля народа как конституционного суверена, наделяющего институты (выборы, референдум, парламент, местное самоуправление) властными полномочиями;

- правовое равенство свободных граждан и демократический принцип «равенства» (выборы по большинству голосов).

- сосредоточение всей полноты законодательной власти в народном представительстве, выборность всех должностных лиц, избрание высших органов исполнительной власти народным представительством и подчинение их власти законодательной, а также республиканский образ правления;

- власть законодательная должна определять компетенцию исполнительной власти. Исполнительная власть призвана строго держаться рамок закона и может быть устроена по-разному, но в любом случае должна осуществлять волю законодателя – народа;

- исполнительные функции в государствеверяются правительству, во главе которого стоит правитель, избираемый и ответственный перед народом. Основная задача правителя – проводить на практике то, что считает необходимым народ-законодатель.

В-третьих, подробное изучение генезиса идеи народовластия позволяет исследовать концептуальные модели народовластия, содержащиеся в определенных видах демократии. На наш взгляд, каждая теория демократии несет в себе свою определенную концептуальную модель народовластия.

На наш взгляд, правомерной и обоснованной следует признать позицию авторов, разграничивающих понятия демократии и народовластия, но считающих их не двумя разными общественными явлениями, а двумя неразрывно связанными друг с другом сторонами единого явления – общенародного государства как организации политической власти.

Кроме того, народовластие в виде самоуправления – это и есть власть самого народа, в то время как власть от имени народа, в интересах народа, при его участии и есть разновидности демократии.

Народовластие и демократия, на наш взгляд, различаются, прежде всего, по их субъектам. Субъектом народовластия является только народ как целая социально-политическая категория, а субъектом демократии могут быть классы, партии, различные общественные организации, отдельные коллективы, граждане. В целом, категорию «народовластие» можно определить как власть народа, который является ее единственным источником и носителем суверенитета.

В-четвертых, в современном понимании народовластие может быть представлено как конкретная модель или определенная концепция. Сущность, характер, формы и способы осуществления народовластия могут зависеть от многих существенных моментов. В первую очередь от типа политического режима вообще, а также от формы демократического государственного правления. Та или иная модель народовластия может также выступать как модель самоопределения политического сообщества через политические институты и механизмы волеизъявления равноправных граждан, обладающих свободой выбора.

Концептуальные модели идеи народовластия в современной политической науке разрабатывались в рамках теории демократии. В большинстве случаев именно через раскрытие понятия «демократия» определяются сущностные признаки, черты и принципы категории народовластия. Кроме того, выяснение понятия и сущности демократии, ее содержания и форм в их единстве многообразия дает также выход на определение различных моделей и концепций народовластия. Таким образом, демократия представляет собой весьма сложный и хрупкий политический механизм, социальное благо, по-настоящему доступное лишь стабильным и цивилизованным странам.

В-пятых, полезна для общества только эффективная, устойчивая и работающая демократия. А для того чтобы она была таковой, необходимо выполнение целого ряда условий:

- высокий уровень индустриального и экономического развития страны в целом; мировой опыт показывает, что демократия и слаборазвитость несовместимы;

- наличие высокого уровня благосостояния, т. к. резко разделенное по имущественному признаку общество будет не стабильно демократичным, а конфликтным и неустойчивым;

- высокий уровень урбанизации (развития городов и городской среды) – очевидно, что жители городов больше тяготеют и лучше приспособлены к демократии, нежели более консервативное сельское население;

- развитие массовых коммуникаций – т. е. распространение в обществе радио, газет и телевидения – именно они информируют граждан о политических событиях, делая политику сравнительно открытой и подконтрольной обществу;

- рыночная экономика, основанная на праве частной собственности и свободной конкуренции, поскольку именно экономическая конкуренция препятствует абсолютной концентрации политической и экономической власти в руках узкой группы лиц, гарантирует индивиду гражданские и политические свободы;

- наличие многочисленного и влиятельного среднего класса – т. е. экономически самостоятельных (имеющих независимый от государства источник дохода) и достаточно состоятельных людей, обладающих определенным уровнем дохода, образования и политической культуры;

- наличие определенного уровня гражданской политической культуры, в которой сознательная и высокая политическая активность личности сочетается с подчинением закону и воле большинства (т. е. демократия — это не только умение и желание бороться за свои права, но и подчинение определенным правилам). Важными признаками такой личности являются развитое правосознание, стремление к социальному согласию и решению спорных вопросов путем нахождения компромисса.

В-шестых, происшедшая в транзитологии смена парадигм переносит акцент с предпосылок и условий демократии на сам процесс ее “творения”. Отсюда – подчеркиваемая важность для становления демократии, прежде всего демократических институтов и процедур (определенность демократических процедур при неопределенности их конечных результатов). Речь идет в первую очередь об обеспечении функционирования таких институтов, как выборы, референдум, парламентаризм, местное самоуправление, многопартийность, периодическая проверка мандата на власть, возможность массового волеизъявления, выступающих в качестве институтов народовластия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Специфика генезиса идеи народовластия.....	6
Использованная литература	82
Глава 2. Категория «народовластие»: теоретические аспекты.....	87
Использованная литература.....	117
Глава 3. Концептуальные модели идеи народовластия в современной политической науке.....	121
Использованная литература	168
Заключение.....	172

Мухамбедьярова Алтынай Тулеуовна

**МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НАУКЕ**

Учебное пособие

Редактор

Жанабаева Е.Б.

Подписано в печать ____ 2022.
Тираж 100 экз. Формат 60×84 1/16

Бумага типографская № 2
Уч.-изд. л. 11,0. Заказ № _____
Цена 5500 тенге.

Некоммерческое АО «АУЭС имени Гумарбека Даукеева»
г. Алматы, ул. Байтурсынова, 126/1

Копировально-множительное бюро
некоммерческого акционерного общества
«Алматинский университет энергетики и связи»
г. Алматы, ул. Байтурсынова, 126/1